

Луиза Мэй

Мне Борнито

ВТОРАЯ ЖЕНА

18+

ИЗДАТЕЛЬСТВО КЛАССИК

Луиза Мэй

ВЕРИТЕЛИ КРЕЩЕНИ

Вторая жена

Луиза Мэй. Вторая жена

Круглосуточный телефон доверия для пострадавших от насилия центра «Анна» (включен в реестр НКО, выполняющих функцию иноагента)

8-(800)-700-06-00

Горячая линия для жертв домашнего насилия #ТыНеОдна

8—(800)—101—65—47 (для мужчин)

8—(800)—101—64—76 (для женщин)

Перевод с французского Е. В. Трынкиной

La Deuxieme femme

© 2020, editions du Masque, un departement des editions Jean Claude Lattes.

© Трынкина Е. В., перевод на русский язык, 2023

© Издание. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2023

© Оформление. Т8 Издательские технологии, 2023

Предисловие к русскоязычному изданию

Проблема домашнего насилия в нашей стране стоит очень остро. По статистике, каждый третий россиянин с ним сталкивается в ближайшем окружении, в том числе в собственной семье. Домашнее насилие — самый скрытый вид преступлений, и пока у государства нет инструментов, чтобы бороться с этим социальным злом. Сегодня у нас нет даже объективной статистики: из-за декриминализации побоев цифры, которые дает МВД, не отражают реальной картины.

Не так давно по заказу Госдумы ученые СПбГУ провели большое экспертно-аналитическое исследование о профилактике преступлений в семейно-бытовых отношениях у нас и за рубежом: какие законы приняты и как они работают. Его результаты подтвердили нашу правоту: во многих российских семьях насилие по-прежнему остается нормой. При этом почти половина случаев домашнего насилия происходит на регулярной основе, а значит, необходимо вести постоянную профилактику этих преступлений.

Оценить реальные масштабы трагедии сложно: пока нет соответствующего закона — нет и соответствующих определений. Для общего понимания хочу сказать, что, когда мы говорим о домашнем насилии, мы имеем в виду систематически повторяющиеся акты психологического, физического, сексуального и экономического воздействия на женщин, которые осуществляются против их воли, с целью обретения власти и контроля над ними. В 2016 году в нашей стране декриминализировали побои. В итоге насилие не прекратилось: оно просто стало скрытым. Официальная статистика показывает снижение насилия в два раза. А на самом деле то, что до 2016 года считалось преступлением, теперь перестало так называться и в статистику не попадает. Поэтому статистики по домашнему насилию не существует, но МВД дает нам статистику преступлений, совершенных в семье. На 2020 год — 32 557 потерпевших, из них 22 000 женщин. И в отношениях супруг — супруга абсолютное большинство пострадавших тоже женщины. В России за последние

годы произошло несколько резонансных случаев домашнего насилия, тысячи женщин ежегодно подвергаются побоям.

Чтобы системно бороться с домашним насилием в России, необходим закон, где будут четко прописаны основные понятия и определения: что такое насилие и преследование, кто входит в круг пострадавших, как полиция должна реагировать на сигналы о домашнем насилии и многое другое. Все это есть в нашем законопроекте, который находится в открытом доступе на сайте сети взаимопомощи женщин «ТыНеОдна». Я советую всем желающим ознакомиться с этим документом.

Над законопроектом о профилактике семейно-бытового насилия в течение двух предыдущих лет трудилась рабочая группа, в которую вошли представители Госдумы, Совета Федерации, всех профильных министерств и ведомств. Мы учли все замечания Минюста, с этим ведомством мы взаимодействовали максимально плотно. Сейчас уже не стоит вопрос, нужен закон или нет, речь идет о том, каким он должен быть: какие понятия должны быть прописаны, какие механизмы интегрированы в действующее законодательство.

Несмотря на сопротивление консервативных кругов, этот закон будет принят. Рано или поздно. Я говорю об этом уверенно, потому что есть очень мощный общественный запрос. Судите сами, по данным ВЦИОМ, закон о профилактике семейно-бытового насилия поддерживают 70 % россиян, по данным «Левада-Центра»^[1] — 79 %. Наша рабочая группа в Госдуме продолжает заниматься законопроектом, к нам подключаются все больше депутатов, причем не только женщин, но и мужчин, которые воспитывают дочерей и желают им лучшего будущего. Аналогичную работу параллельно ведут коллеги из Совета Федерации.

Для того чтобы закон приняли, необходимо расставить государственные приоритеты. Если мы не будем беречь женщин (в процентном соотношении они — главные жертвы подобных преступлений, потом идут старики, затем дети), рожать скоро будет некому, а рожать здоровых детей — тем более. Насилие напрямую отражается на репродуктивном здоровье. На ментальном в том числе. Закон необходим. Нужен понятийный аппарат, нужно оказывать помощь потерпевшим, нужно потерпевших физически защищать. Для

того чтобы это все делать, государственные органы должны работать слаженно друг с другом. Согласно закону.

Оксана Пушкина,

журналист, общественный деятель

1

Что-то изменилось.

Сандрина вглядывается в зеркало, пытаюсь уловить, вычислить, что не так, что не на месте. И в то же время впервые в жизни она чувствует: нечто неведомое находится как раз там, где надо.

Она стоит голышом, еще мокрая от прохладной воды, которой обливалась не столько для того, чтобы помыться, сколько из потребности унять жар в прилипающих к полу, неподъемных, словно гири, ступнях.

Летом она мыться не любит. Зимой вылезать из ванны не страшно: пар успевает набросить пленку на стекла и затуманить все очертания; даже если невольно заметить себя в зеркале, можно не вдаваться в детали, обойти вниманием свою бесформенную, размытую фигуру. Игнорировать себя. В жаркие дни, когда хочешь не хочешь, а надо споласкиваться прохладной водой, есть риск наткнуться глазами на свое отражение, и вот тогда страх сковывает движения и заставляет низко опускать голову.

Но что-то изменилось: впервые за долгое-долгое время — может быть, за всю жизнь — она вглядывается в себя не с отвращением, а просто из любопытства, спокойно, чуть ли не доброжелательно. Ее плоть, ее оболочка ровно такая же, как всегда, но все же, все же что-то изменилось. И она не понимает что.

Так странно — смотреть на себя в зеркало и не хотеть рычать, стирать, кромсать, растворять. Не цедить сквозь зубы: корова, жирная корова, толстая уродина, тупица, тумба с ушами. За резкими словами она ищет выход презрению, что течет в ее жилах с тех пор, как она себя рассмотрела, и не находит. Будто в первый раз она оглядывает узкие покатые плечи; малюсенькие, напоминающие груши груди, изначально вялые и поникшие; живот, который никогда не был плоским; жирные ляжки, терзающие ее с наступлением тепла: летом они до крови трутся одна о другую, так что юбка у нее под запретом, иначе к вечеру придется ковылять, точно гусыня. Она из тех, кто даже в самый жаркий зной ходит в джинсах, из тех, кто содрогается, когда наступает пора воздушных тканей. Если б она могла, то жила бы в

краю вечной зимы и куталась бы там в стыд и смущение. Пряталась бы от чужих глаз под одеждой, потому что только так положено поступать жирным коровам, толстым-толстым уродинам, тупицам, безголовым Дурам.

Она все та же. Но что-то изменилось.

Она влезает в ночную рубашку. Это он ее подарил и требует надевать. А она? Она хочет сделать ему приятное. Не говорит: рубашка слишком короткая, фасон не ее, синтетика липнет к коже, узкие бретельки к утру врезаются в плечи. Он настаивает, она уступает.

Выходит из ванной и идет босиком по линолеуму. Второй этаж, в коридоре уже темно, хотя час не слишком поздний; сентябрь, чьи ночи отгрызают кусочки у еще изнемогающих от тепла дней, каждый год застигает ее врасплох.

У Матиаса дверь нараспашку. Он ее всегда закрывает — соня-полчок, мышонок, ежик, вечно скукоженный комочек. Отец приходит с проверкой и оставляет дверь открытой, и это война без слов; порой до первых лучей зари она слышит легкий топоток и скрип двери, но отец всегда берет верх, и его сын в отместку прячется под одеялом, точно в гнездышке, сворачивается крохотным шариком, огораживается стеной из пуха и плюша нежной расцветки. Сандрина очень любит малыша и когда видит, что даже в самые жаркие ночи он закутывается с головой в одеяло с грузовичками и белыми воздушными шариками, он делается ей до боли родным и близким, как если бы этот мальчик был ею, как если бы он был ее.

Но это не так. Он не ее. Матиас — сын своего отца, она, Сандрина, появилась позже. И после переезда в этот дом каждый раз, когда она вспоминала, что в ее жизнь, жизнь толстой коровы, толстой-претолстой уродины, дуры и тупицы вошли эти двое, от счастья у нее захватывало дух.

В коридоре горят лампы, желтый луч проникает в комнату малыша, точно наглый захватчик.

Она смотрит на постель и видит одеяло, только одеяло. В комнате сумрачно; свет, вторгающийся в нее из коридора, растекается по полу. Мальчик любит ночники, но его отец считает, что он уже большой. Если Матиас не хочет спать в темноте, ему надо всего лишь оставить дверь открытой, поскольку в коридоре лампы на ночь не гасят. Одеяло тихо приподнимается и опадает в такт дыханию. Она осторожно

прикрывает дверь, не захлопывает, но и не оставляет нараспашку. В маленькой войне она ни на чью сторону не встает.

Сандрина идет дальше, ее тень сдвигается по стене коридора и достигает лестницы. Темный силуэт становится виден в самом низу, в гостиной, и ей это известно; если он хочет знать, что она делает, ему надо лишь бросить взгляд на стену. Поначалу это было странно и в то же время грело душу. Он всегда очень интересуется каждым ее шагом и глаз с нее не спускает. После стольких лет одиночества, когда она жила только для себя, она чувствовала себя нужной, той, кого оберегают и ждут, и от этого ее бросало в жар.

С лестничных перил свешивается цветастая блузка. Он купил ее на рынке. Сама она никогда ничего не покупала просто так, ни с того ни с сего: десятилетия мелких крушений, катастроф и разочарований, беззвучно проглоченных в примерочных кабинках, сделали ей привычку от сиюминутных прихотей.

Но ему блузка понравилась. Он настоял. Минувшим летом он хотел видеть ее в легких нарядах, она молча противилась и часто уступала.

Сандрина очень внимательна к тому, что носит. Лишний вес и общая рыхлость лишили ее права на ошибку. Она уже не нуждается в советах экспертов по морфологии, которые утверждают, что если фигура похожа на восьмерку, то надо подчеркивать талию, а если на слезу — то грудь. Такую, как она, не увидишь в глянцевого журнала, ее телосложение — это полный провал, и она постепенно и мучительно научилась выбирать то, что лучше всего маскирует изъяны. Все, что наверху, должно быть с прямыми плечами и убирать с глаз долой шею, плавно перетекающую в слишком толстые руки. Безразмерным блузкам надлежит прятать валики на животе, эти волны прилива, которые наотрез отказываются от отлива, несмотря на упорные тренировки и жестокие голодания. Джинсы с завышенной талией она покупает на заказ или подгоняет вручную. Это дорого, у нее их мало.

Она примерила блузку и нашла себя отвратной, это было вчера, бросила ее здесь, на деревянных перилах, и больше не отважилась к ней прикоснуться. Он не хочет, чтобы она кому-нибудь подарила эту вещь, вернуть продавцу нельзя, и он говорит, что блузка ей идет.

Это подарок. Мне приятно. Носи.

Сандрина берет блузку, чтобы отнести в прачечную. Бог знает, кто ее примерял и откуда она на самом деле, от греха подальше лучше

постирать.

Прикосновение к отвратительному, враждебному предмету вернуло ее с небес на землю. В течение многих лет она тщательно составляла свою повседневную униформу. Потому что одеваться было пыткой, хуже только голой ходить. В тот день, когда мать уговорила ее примерить слишком узкую юбку, она до крови расцарапала себе ляжки. Она знала, что юбка будет мала, что мать просто хочет посмотреть, как она ссутулится и покраснеет от унижения, как выпирающие бедра послужат непреодолимым препятствием для того, чтобы эту юбку носить. Одежда — враг, от которого надо держаться подальше и с которым следует быть настороже. Сколько раз она плакала, мучилась, пытаясь носить то, что ей не идет, по горло сыта этими экспериментами, но со вчерашнего дня он пристал с этой блузкой так же, как все лето требовал, чтобы она надела «что-то другое» — «что-то другое» вместо униформы, вместо доспехов, выстраданных за долгие годы. Он твердил, что будет очень мило, и не унимался, пока она не согласилась примерить. Примерила. Посмотрела в зеркало и нашла, что она толстая, некрасивая, жирная корова. Это было утром, но стыд терзал ее до самого вечера. Он сказал, что блузка ей идет и что он не любит, когда вещи валяются где попало; и вот она собралась в прачечную, а там будет видно.

Делает глубокий вдох и кончиками пальцев берет блузку за плечики — слишком узкие, слишком податливые, держит ее перед собой на вытянутых руках. При одной только мысли, что это придется носить, умереть можно, но нет.

Ведь на самом деле что-то изменилось. Она не знает что, но думать об этом не хочет.

Спускается по ступенькам, сосредоточившись на своих ощущениях. Под босыми ногами сухое и приятное дерево, чей тонкий узор, как ей кажется, оставляет отпечатки на подошвах. Она старается забыть о зеркале в ванной — о зеркале, которое ей не захотелось разбить, и о блузке, которая, если на то пошло, всего лишь кусок ткани, и только. Не будет она думать о том, что изменилось, почему ей в кои-то веки не хочется избавиться от чего-то. Она думает, что лестница слегка запылилась, что надо найти время и пройтись по ней пылесосом, но этим она займется завтра.

Сандрина знает, что, спустившись на первый этаж, увидит его лицо; всякий раз, когда она входит в гостиную, его голова повернута в ее сторону. В первое время от этого ее бросало в жар, а в животе начинало покалывать в самом верху, под ложечкой.

Но он не оборачивается на ее шаги, в первый раз он не подкарауливает ее.

Сидит в том же кресле перед тем же телевизором, но не оборачивается, не смотрит, как она спускается. Уже совсем стемнело, гостиная залита голубоватым светом от большого экрана. Звук тихий, но можно различить голос репортера, который говорит, что парижская больница Питье-Сальпетриер принимает не только лиц, страдающих болезнью Альцгеймера и другими дегенеративными заболеваниями нервной системы, но и тех, кто попросту забыл, кто он, как, например, эта женщина.

Передают новости, голоса исполняют свою мелодию, подчиняясь неведомой логике, ставят запятые в неожиданных местах, вопрошают там, где нет никакого вопроса.

Она подходит ближе^[2]. Голос продолжает звучать. Говорит мадам Икс... прибыла в Питье всего несколько дней назад... прямо из Италии, где она провела больше года, отказываясь говорить, в приюте, прежде чем начать вдруг говорить по-французски.

Когда Сандрина доходит до кресла, он поворачивает к ней свое блестящее от испарины лицо. В гостиной душно, ставни были закрыты от солнца, и сейчас самое время их распахнуть, впустить свежий ночной воздух. Она уже хочет спросить, *можно ли, хочет ли он*, потому что это его дом; она всегда спрашивает разрешения, несмотря на кружку с ее именем в буфете и ее ботинки у входной двери, она по-прежнему не осмеливается сказать «у нас, у меня дома». Но он открывает рот, и она молчит. Он говорит:

— Это она. Это она.

Голос бесцветный, незнакомый, иногда, когда он возражает, его голос становится резким, и ей не нравится эта туго натянутая струна — из-за нее слова звучат с угрозой. Однако сейчас все совсем иначе.

— Кто? Кто «она»? — спрашивает Сандрина.

На экране женское лицо. Брюнетка, черты строгие. Она курит, опершись на каменный столбик во дворе с большими деревьями, место выглядит нерядовым, старинным. У нее длинная прямая шея, тень от

подбородка падает на ключицы, на худые плечи. У нее округлая грудь, а когда она подносит сигарету к губам, становится видна рука с красиво очерченными мускулами.

У женщины на экране есть все, чего нет у Сандрины, и она ей знакома. Женщина на экране улыбается с фотографии, что стоит на буфете в желтой рамке.

Взглядом терпящего кораблекрушение Сандрина смотрит на фото, потом на экран и обратно на фото, глаза мечутся туда-сюда в последней надежде: вдруг это не она, ведь этого не может быть, она мертва, пропала, растворилась, она пустое место в постели, мать, которой больше нет.

— Кто? — переспрашивает Сандрина, как будто все изменится и исчезнет, если притвориться, что не понимаешь, как будто помощь подоспеет, если сделать вид, что ничего не случилось; но поздно, она идет ко дну и уже видит себя одинокой в своей прежней квартирке, там, где она ждала, когда же начнется жизнь, там, где, лишенная своего мужчины, она день за днем медленно пропитывалась одиночеством.

Она снова видит себя одинокой или хуже, чем одинокой, но какой — она не знает. Да нет, знает. Отвергнутой, отосланной назад. Он выкинет ее вон, поскольку другая жива. Раз жива, значит, вернется. Раз вернется, значит, он бросит ее, Сандрину. Место только одно, и в этот вечер она его потеряла. Он отделается от нее, уродины и толстой коровы.

Она.

Он не смеет назвать ее по имени.

Сандрина тем более.

Но на экране и в желтой рамке одна и та же женщина с черными поглощающими свет глазами, мать малыша, та, что была здесь до нее, та, что была сначала.

Первая. Первая жена.

2

Как он поступит? Как надо поступить?

До нее доносится голос репортера, она слышит, что после возвращения во Францию женщина горит желанием установить свою личность. Ей помогает полиция, которая копается в базах данных, просматривает дела о бесследно исчезнувших за последние годы. И, разумеется, все сотрудники Центра когнитивных и поведенческих нарушений будут рядом и постараются помочь больной обрести утраченную память. Тайна должна быть очень скоро — тут опять вопросительная интонация — раскрыта. Завтра вместе с нашей удивительной программой вы спуститесь в систему парижской канализации.

— Что будешь делать? — спрашивает Сандрина.

Он не отвечает, его глаза не отрываются от экрана, хотя сюжет закончился, и если бы сейчас кто-нибудь вошел в гостиную, то увидел бы пару, слушающую сводку погоды: завтра ясно, чуть теплее месячной нормы.

Сандрина смотрит на его макушку. Вспоминает, как в первый раз призналась, что ей нравится его голова, шевелюра, все, без изъятия. Что она любит прижаться губами к его волосам, вдыхать их запах, покрывать поцелуями; больше она так не делает: ему это не по вкусу. Он начал лысеть и не выносит даже слабых намеков на эту тему, раздражается, когда вечерняя прохлада или поцелуй напоминает ему о маленькой проплешине на темени. А она не могла без волнения смотреть на эту постепенно проступающую нежную кожу. И даже пыталась ему объяснить, что любит наблюдать за тем, как он меняется, что ей жаль, что она не познакомилась с ним раньше, что не знала его всегда. Что ей в радость быть рядом с любимым мужчиной и видеть, как со временем он преобразается. Говорила, что его макушка — это как бы якорь на ее линии жизни, в которую она вошла так поздно. Что этот крохотный теплый пятчок подтверждает: она и в самом деле здесь, они нашли друг друга, она живет в этом доме с ним, его маленьким сыном, и она им нужна.

Сандрина встретила его, потому что он потерял жену. Свою жену.

Его первая жена пропала. Она видела это по телевизору, слышала о ее исчезновении по радио: когда первая жена не вернулась домой, он позвал на помощь. Остались ее родители и сын, вчетвером они переживали ее пропажу, он плакал, и его всхлипы взволновали Сандрину, проникли ей прямо в сердце. *Мужчина, который плачет*. Сострадание захлестнуло ее целиком, она думала: бедный муж, бедный муж и бедный мальчик, бедные родители, потерявшие дочь.

Родителям она сочувствовала меньше, ей никак не удавалось понять, что это такое — отец и мать, которые требуют вернуть им дочь. Ее, Сандрину, никто никогда не потребовал бы вернуть. Она всегда только стесняла, смущала. Слишком неуклюжая, слишком медлительная. Родители не выставили ее за дверь, но она знала, что они не желают видеть ее в своем доме. Отец с его окриками и грубыми замашками, всегда взрывающийся, когда Сандрина запинаясь, и мать с ее вибрирующим голосом, уклончивыми фразами, с ее пустыми глазами и сухой, как у рептилии, кожей. Она не знала, что такое любящие родители, и была не в силах представить себе их горе.

Зато прекрасно разобралась в чувствах мужчины, который плакал перед камерами, мужчины с вырванным одним махом сердцем, с внезапно утраченной половинкой. С его болью он был ее близнецом; подспудно уже любившая неведомо кого, с сосущей внизу живота пустотой, увидев его на экране, она сразу поняла — да вот же он; ей не хватало именно этого плачущего мужчины, в чьих страданиях как в зеркале отражались ее собственные муки.

Он был раздавлен, рыдания перехватили ему горло, и к микрофону подошли его тесть и теща. От имени семьи они призвали всех выйти на Белый марш^[3], им нужно было хоть что-то предпринять, бездействие их убивало, они приглашали всех людей доброй воли к ним присоединиться. Отец, пенсионер с крупными руками и толстыми пальцами, обнимал за плечи мальчика с ничего не говорящим лицом.

Сандрина откликнулась на этот призыв. И до сих пор не знает, что придало ей смелости пойти на марш. Ведь она — тихоня, пятое колесо в телеге, та, которую их лицейская компания только терпела, та, о ком вспоминали во время переездов и забывали поздравить с днем рождения. С годами ее даже на переезды перестали звать, много лет она жила одна, с собой и своей работой, со своей крохотной квартиркой и машиной. Она жила одна, ведь ей не удалось даже пойти

по протоптанной дорожке и окружить себя кошками, от которых у нее першило в горле и чесались глаза.

Жизнь ее была расписана и заполнена: в субботу утром — бассейн, потом рынок, кухня и готовка еды на неделю, в основном овощи, потому как надо следить за собой, затем книги, книги, много книг, чтобы дотянуть допоздна и пойти спать.

По воскресеньям она всегда вставала очень рано, ей бы очень хотелось присоединиться к тем, кто подолгу спит, кто может все выходные провести, спокойно посапывая в полуголоматозной дреме, но нет. В восемь часов, а иногда и раньше она просыпалась в пустой квартире, тишину которой нарушали лишь доносившиеся снизу детские крики. Она терпеть не могла этот шум. Вскакивала, подбегала к радио и включала громкую музыку на всю квартиру. Потом садилась в машину и отправлялась поглазеть на что-нибудь из ряда вон выходящее: на барахолки, где она ничего не покупала, или в Музей шнурков; однажды она заглянула в зоомагазин и через несколько секунд выскочила оттуда с тошнотой, подступившей к горлу, и с пропитавшим ее с головы до пят животным запахом отчаяния.

В понедельник она возвращалась к работе; подражая коллегам, зевала и вздыхала, но втайне радовалась, зная, что пять длинных рабочих дней избавят ее от ненавистных свиданий с самой собой и защитят. Вечерами после работы было проще, очень часто она устраивала себе поход в супермаркет, потом принимала душ, долго и тщательно занималась собой и непременно брила ноги, скручиваясь, точно гимнаст-эквилибрист. Прилежно, осмысленно наносила крем. Против целлюлита, жира на животе, растяжек, угрей, морщин, мешков под глазами. Одно надо уменьшить, другое увеличить: целая полка была полностью отведена под волшебные снадобья, от которых грудь якобы набухает и делается упругой, а слишком тонкие губы прибавляют в объеме. Потом ужин: овощи и овощи, ничего лишнего — и, наконец, кино; выбор был строжайшим, некогда она слишком близко к сердцу принимала любовные истории и теперь на дух не выносила слащавости и сюсюканья — предпочитала фильмы с крушениями всего и вся, взрывами и драками, сюжеты, в которых любовь служит лишь предлогом или наградой, а не дорогой по жизни. У нее не хватало сил и терпения проделывать вместе с прекрасными героями этот заказанный ей путь, и она окуналась в бессмысленные боевики и

таким образом спокойно доживала до того часа, когда пора было ложиться спать.

Исчезновение первой жены поначалу не привлекло ее внимания. Однако новость дошла до региональных программ. Сандрина слушала сообщения вполуха, и ей в голову лезли довольно-таки недобрые мысли типа: «Нельзя иметь все сразу», как будто этим похищением женщина должна была заплатить за мужа, ребенка, дом, за жизнь, в которой есть все; или: «Что за дичь бегать одной по лесу». Она прекрасно понимала порочность таких рассуждений. И с некоторых пор начала чувствовать, что постепенно озлобляется.

Она стала следить за собой и в этом, потому что уже не единожды подмечала в себе это ехидство и злорадство. Ощущала, как тихо пульсирует в ней родительская кровь, подкрашенная мелочностью и тупой злобой. А первый раз она поймала себя на этом случайно. Ее машина сломалась, и пришлось ехать до работы на автобусе. В это утро ей не было нужды притворяться и делать вид, что она устала: туда, куда она обычно добиралась за двадцать минут, автобус тащился целый час. Напротив сидела пара. Он был низкорослым, толстым, из-под воротника вылезали густые черные волосы. Рубашка из синтетики в катышках была тщательно заправлена в брюки, слишком высоко затянутые ремнем. Она тоже была толстой, рыхлой, груди лежали на животе, живот на ляжках; на ней была юбка в цветочек, которая никак не сочеталась с полосатой водолазкой. Они держались за руки, глядели друг другу в глаза, улыбались и обменивались ласковыми словечками. Оба некрасивые, скверно одетые и — счастливые. Так что Сандрина возненавидела их до самых печенок, напряглась всем телом, губы от отвращения сжались в ниточку. Выходя из автобуса, глянула на них с упреком и презрением, как будто эта пара делала что-то невыносимое, как будто они были чем-то ужасающим. Девушка почувствовала этот взгляд и подняла на нее глаза, а молодой человек инстинктивно крепче обхватил руку подруги. С губ Сандрины чуть не слетела колкость. Сколько раз незнакомцы бросали ей: «Толстуха», «Уродина», «Вам бы, девушка, сесть на диету», «Может, тунец? Может, не надо жрать этот сэндвич?» И она, в свою очередь, чуть не сказала такую же гадость. А почему бы и нет, в конце-то концов? Эти двое были более чем отталкивающими, а ведь никто никогда не стеснялся, делая ей больно.

Но в последнее мгновение она одумалась. *Это не ты, нет, не ты, не делай этого, ты не такая.*

С трудом она сложила губы в подобающую улыбку, и это успокоило девушку с ее страшенькой юбкой и шеей, стиснутой воротом водолазки. Некрасивая и счастливая девушка со своим некрасивым и счастливым мужчиной. Руки чесались вlepить ей пощечину. Выйдя из автобуса, Сандрина сделала несколько глубоких вдохов, но слюна во рту была горькой, а злобно поджатые губы с трудом расслабились лишь у самых дверей конторы.

После этого она добавила ненависть к длинному списку того, за чем ей надо следить. Она знала, что ей нельзя становиться злой; быть некрасивой и озлобленной — это совершенно недопустимо.

В первый раз услышав новость о пропавшей женщине, которая вышла на пробежку, но так и не вернулась, она много чего такого подумала, но потом взяла себя в руки и выпустила происшествие из своего поля зрения. Но о случившемся говорили долго, родители пропавшей не унимались, именно они заявили об исчезновении в полицию, именно они предупредили прессу. Плачущий мужчина был слишком сокрушен.

— Или это он ее убил, свою милую женушку? — однажды в обед предположила коллега по имени Беатриса, когда все дружно поедали на общей кухне содержимое своих таперверов^[4].

Обеденный перерыв сорок пять минут — маловато, чтобы куда-то сходить, маловато, чтобы завязать дружеские отношения, особенно когда ты застенчива. И Сандрина во время обеденных перерывов помалкивала, ибо в любом случае там было место только для тех, кто умеет болтать, кто смеет без стыда и колебаний, по-мужски, изложить свое личное мнение. Тем утром во время пресс-конференции с семьей, через неделю после того, как история докатилась до региональных газет, им впервые показали мужа в слезах, родителей в отчаянии и мальчика с потерянным выражением на лице.

Нет! Слово вырвалось у Сандрины против воли, и она густо покраснела, смутившись от своей выходки и своей уверенности. Все вздрогнули от неожиданности.

— Ты что-то знаешь? — опомнившись от изумления, переспросила коллега.

Нет, Сандрина ничего не знает, просто чувствует, и все.

И в воскресенье, в день Белого марша, она проснулась, без лишних раздумий села в машину и добралась до поселка, где жила пропавшая женщина, ни разу не признавшись самой себе, что едет к мужчине, который умеет плакать.

Народу было много. Родные, друзья. А также любопытные, сочувствующие и другие, кто, как и она, пришел по не совсем понятной причине, и Сандрина подумала: однако это странно — прийти затем, чтобы с ней, именно с ней, поделились горем. Она почувствовала себя воровкой, мошенницей.

Одетые в белое родители пропавшей женщины раздавали фото. Поначалу она не видела мужа, мужчину, который плачет, того, кто взволновал ее до глубины души. Только родителей, и на память ей пришло сто раз попадавшееся в книгах выражение, которое она, по правде говоря, не понимала: «энергия отчаяния». Сейчас она ясно различала ее в напряжении, не отпускавшем эту пару; им было лет по шестьдесят, может, чуть меньше; они не стояли на месте, а переходили от одной группы к другой с фотографиями дочери в руках, и Сандрина поняла, что они ищут. Что они до сих пор ищут свою дочь. Уже четыре недели прошло с тех пор, как та потерялась на лесной дорожке, по которой бегала каждый день. Но они продолжали ее искать. С «энергией отчаяния». Это было еще до того, как нашли ее одежду и обувь, и для них Белый марш был не данью памяти, а собранием следопытов. Сандрина услышала, как они сказали кому-то, что полицейские уже прекратили поиски. Что искали плохо, да и газеты все реже вспоминают о случившемся.

Сандрина стояла в нерешительности, переминаясь с ноги на ногу, утро было прохладным, изо рта вырывались дрожащие облачка пара. Перехватив чей-то взгляд, она чуть-чуть растягивала губы в улыбке — милой, озабоченной, сочувствующей. И говорила себе: я здесь, чтобы помочь, я здесь, чтобы помочь.

Наконец началось движение, люди вышли за границу коттеджного поселка. Их было около шестидесяти с лишним человек, получилась толпа, и она сказала себе, что, наверное, вот это и есть манифестация. Отец говорил, что манифестация — это когда всякие шлюхи болтаются по городу в окружении сраного сброда, увижу, что шляешься, башку оторву; так что в лицее, когда весь класс решил забыть о занятиях и придумал плакаты, обличающие систему, она осталась одна в

дежурном помещении для студентов. Вечером по телевизору широким планом показали часть ее класса: девушки впереди со щеками, выкрашенными — ТОЛЬКО НЕ ЭТО! — губной помадой, вокруг парни; отец сказал: поглядите-ка на этих шлюшек, только попробуй попадись мне с ними как-нибудь, узнаешь что почем, и она ощутила облегчение и ярость оттого, что все пропустила, потому как уже видала что почем вечерами, когда отец выпивал; но раз так, раз видала, можно было и пойти, тяжело вздохнув, подумала она. Но нет, не пошла. Испугалась, сникла и осталась в дежурке одна. А когда порядок восстановился, она стала девушкой, которая не участвует в манифестациях, подхалимкой и предательницей.

В воскресенье, в день марша, она колебалась до последнего, не зная, пойти за толпой, углублявшейся в лес, который начинался сразу за поселком, или повернуть назад. Пора возвращаться домой, скоро обед, половина воскресенья позади, уже хорошо. Она топталась, сомневалась, и вскоре рядом с ней почти никого не осталось, а она так и не решила, куда двигаться.

И тут дверь одного из ближайших домов открылась, показался малыш, тот самый, из телевизора, а за ним из темноты вышел на крыльцо его отец — да-да, тот мужчина, который плакал и разбил ей сердце.

Вечером в постели она долго ворочалась с боку на бок, спрашивая себя без конца, как это она, тихоня, молчунья, набралась смелости заговорить с ними, подойти к мужчине, который плакал, и его сыну. Но она сделала это, она сделала это — повторяла она снова и снова, и щеки ее горели, кожа казалась наэлектризованной.

Она заговорила с ними, подойдя ближе к дому, сказала: «Я пришла, чтобы... чтобы поддержать», и он, запирая дверь, безучастно промолвил: «А, как мило». Потом она добавила: «Это, должно быть, ужасно для вас, я вам сочувствую».

И тогда он оторвал взгляд от своей руки, возившейся с замком, и *посмотрел* на нее, на Сандрину.

И теперь от этого взгляда Сандрина ворочалась в постели с боку на бок, и ей стало до того жарко, что пришлось все с себя скинуть; он на нее *посмотрел*.

Она знала только два, всего лишь два взгляда, с каким выражением смотрят на нее мужчины. Один — изучающий и отвергающий, другой

— изучающий и алчный. Безразличие или угроза, всю жизнь только так и никак иначе.

Безразличных взглядов было много, мужчины пробегались по ней глазами опытных и скорых на решение мясников, останавливались на груди, ляжках, потом возвращались к лицу и, соскользнув, переключали внимание на ближайшую витрину или другую женщину; приговор — негодная, почти негодная, ни на что не годная; и она испытывала одновременно обиду и облегчение. А уж сколько раз те, кому она пришлась не по вкусу, тем не менее хватали ее, лапали жадными, грубыми руками, щипали, мяли, тискали, и тогда ее сердце билось как бешеное и панический ужас охватывал с головы до ног. Иногда ей везло, мужчины делали это мимоходом, быстро отставали от нее и, тут же забыв, шли дальше, а ее два дня трясло до изнеможения, и эта дрожь там, в глубине, не покидала ее никогда. Однажды она увидела, как женщина обернулась к одному из тех, которые лезут без спроса, и прорычала: «ТЫ ЗА КОГО МЕНЯ ДЕРЖИШЬ, ТЕБЕ ТУТ НЕ ОБЛОМИТСЯ, ПРОСИ ПРОЩЕНИЯ! ПРОСИ ПРОЩЕНИЯ, ИЛИ Я ИДУ В ПОЛИЦИЮ!» И Сандрина с разинутым ртом смотрела и думала, неужели так можно, неужели женщины могут отвечать, возмущаться? Давать отпор орде варваров, защищать свое тело, противиться? Смотрела на маленькую, точно мышка, женщину и боялась, что мужчина ее ударит. Так и было бы, но женщина не умолкала и не отступала, на ее крики из дверей магазинов высыпали люди, приблизились две старушки с пуделями, собаки залаяли, подошли другие мужчины, и этот тип сказал: «Ладно, ладно, хорош орать» — и ушел. Женщину трясло, но ее голова была высоко поднята, наверное, она была из тех, о которых говорил отец Сандрины, — из стерв, которым на всех плевать, и она, Сандрина, хотела бы усвоить урок.

Отец первый, когда она была еще маленькой, научил ее, что оставаться бесчувственной и не брать в голову — это счастье. Глядя на нее, он только и делал, что искал, к чему придаться, и всегда находил. И рожа у нее глупая, и во рту каша. Ты и так уже толстая. Плохие отметки по французскому. Да чего им надо, какой от этого прок? А физкультура, ты ни хера в ней не тянешь и хочешь, чтоб тебя хвалили? Он мог изрыгать это часами, даже когда занимался своими делами. Намазывал масло на хлеб, листал телепрограмму и при этом

продолжал молотить языком и оскорблять ее. Она слушала и все больше замыкалась, училась не отвечать и не возмущаться, сосредоточиваться на том, что еще не вдребезги разбито, старалась сохранить в себе хоть что-то, но это что-то уменьшалось из года в год, пока от него почти ничего не осталось.

Ей удалось уехать от родителей. Не нарочно — просто повезло: работа, которую она нашла после окончания обучения, была слишком далеко, чтобы ездить туда и обратно, и она боялась, что отец заставит ее отказаться от этой работы. Но в конце концов взгляд его снова стал пустым и равнодушным, и он сказал: «Давай вали, вали отсюда, думаешь, станем тебя удерживать? Растишь их, а они берут и уходят, вот так, етить, берут и уходят». И добавил, что она делается «красоткой», что на его языке означало стать шлюхой. Мать, как всегда, лишь молча кивала, а Сандрина не отвечала, она хотела только уехать — и уехала, и сделала это очень вовремя, потому что с той поры, как ее грудь начала наконец расти — слишком поздно, слишком маленькая и слишком плоская, глаза отца стали голодными, он все меньше и меньше это скрывал, и Сандрина боялась вещей таких страшных, что не находила для них слов.

Изголодавшиеся мужчины часто попадались ей на пути, в их глазах было что-то хищное, жестокое — то была сама похоть. Они приставали к ней на улице, в автобусе, громко причмокивали, а то и доставали свой налитый насилием член. Она застывала, теряя рассудок, или ценой нечеловеческих усилий убегала прочь, и отяжелевшие от стыда ноги при каждом шаге прикипали к земле.

В супермаркете она повстречала кассира, казалось, славного парня, который подолгу с ней болтал, мягко, дружелюбно, забавно. В конце концов она согласилась пойти с ним в кино, и прямо в машине он нагнул ее, как мешок, и сделал ровно то, о чем говорил отец; это было больно и грязно, а он быстро застегнулся и оставил ее одну на парковке у кинотеатра. На другой день она подошла к его кассе, хотела спросить, понять. Он сделал вид, что не замечает ее, зато два продавца шушукались, когда она проходила мимо. Она выбрала другой супермаркет.

Она дала шанс еще двум типам; готова была не жаловаться на то, что делают с ее телом, если в обмен ее будут любить, ведь в романтических фильмах, которые она тогда еще смотрела, все было

красиво и простыни казались свежими. Один порвал с ней, признавшись, что не может познакомить ее с друзьями, потому как она не в его вкусе — ему нравятся красотки; другой позвал ее к себе поздно вечером, пьяный, и покончил с ней еще быстрее — две омерзительные ночи и больше ничего.

Но в это воскресенье мужчина в голубой рубашке поднял глаза и посмотрел на нее. Без похоти и отвращения, с каким-то новым для нее выражением. И улыбнулся.

Позже она призналась, что влюбилась в него уже тогда, в то самое мгновение, когда увидела его улыбку, а может быть, нет, это неправда, это случилось, когда он на нее посмотрел; может быть, и это неправда, может быть, она любила его всегда — его, первого мужчину, который посмотрел на нее по-доброму, а потом улыбнулся. Она была с ним откровенна и ничего не утаивала, а он все равно боялся, что она что-то скрывает, ему необходимо было верить, что она с ним чистосердечна, и его желание знать о ней все переполняло ее счастьем. Она и в самом деле не лгала, а просто сама не знала, когда влюбилась в него, да, впрочем, это не так уж и важно.

— Должно быть, это ужасно для вас, мне очень жаль, — сказала она снова, осмелев от его улыбки.

А он сказал «спасибо» опустошенным голосом. У него ввалились глаза. Казалось, он на грани.

Малыш помалкивал, застыв на крыльце. Он расчесывал себе локоть, Сандрина заметила следы ногтей на его нежной коже. Смотрел себе под ноги, не хватал отца за руку. И не издал ни звука, когда Сандрина обратилась к нему:

— Как тебя зовут?

Отец сказал:

— Дама к тебе обращается.

Ребенок встрепенулся, опомнился и прошептал:

— Матиас.

— Здравствуй, Матиас, — сказала Сандрина, но ответа не услышала.

— Вы пришли на марш? — спросил мужчина.

Он спускался с крыльца, держа сына за запястье, и подходил к ней все ближе и ближе.

Внезапно она запаниковала: что сказать? Нет, не совсем, я пришла, потому что видела по телику, как вы плачете, и вы перевернули мне душу? Опять она ощутила, как ее пальцы нервно сжимаются, лоб багровеет, язык не слушается. Она ненавидела такие мгновения, всякий раз она боялась, что отец вот-вот рявкнет: «Да говори же, мать твою, тебе что, так трудно ответить? Ну же! Ну! Какая дура, нет, это невозможно, и закрой рот, если нечего сказать!»

Она была не в силах хоть что-то выдать из себя. Нет и нет, а мужчина смотрел на нее и видел, как румянец переползает на щеки с шеи и лба, а она тем временем мямлит: «Я... это... потому...» И он спас ее, махнув рукой так, как будто что-то стирает с доски; он спас ее одним «я понимаю».

Впервые ей понравилось, что говорят за нее, понравилось, что прервали ее несвязную речь. Он добрый, и она перевела дух с облегчением, которое подхватило ее, как волна. Он добрый, она была права, он хороший человек.

Они пошли вместе, втроем, в лес, последнее звено в цепочке людей, а впереди, на дорожке и между деревьями, петляли те, кто пришел с благими намерениями.

После полудня погода разгулялась, белесые лучи солнца ложились на опавшие листья, и они сверкали, точно золотые монеты. Впереди молча шел малыш, за ним Сандрина, потом отец малыша. Он начал задавать вопросы о ней, о ее работе, она сказала: «О, это совсем не интересно!», — но он настаивал, хотел подробностей, спрашивал, как зовут ее коллег и что они за люди, нравится ли ей работа. Сандрина поняла, что он, вероятно, отчаялся услышать что-то, помимо пропажи жены, и потому интересовался всем: мелкими фактами, еле заметными черточками. И она с ошеломительной легкостью доверилась ему, выложила все: как организована работа в их адвокатской конторе, как зовут других секретарш, как выглядит комната отдыха и о чем там болтают в обеденный перерыв, как она отмалчивается, какие у нее тапперверы и какие салаты и как она любит готовить. Часто она обрывала себя, стыдясь этой неуместной во время поисков пропавшей женщины болтовни, но он не отставал и снова заставлял ее говорить, пока они продвигались по шелестевшему лесу вслед за теми, кто шел впереди.

Дорожка делала петлю, и они вынырнули из леса на другом краю поселка, где их встретила странная пара. Мужчина и женщина вглядывались в их лица молча, может быть, даже враждебно. Она — худая, суховатая; ляжки, не сливающиеся в одно целое, прямая спина, зашнурованные ботинки (скорее мужские, чем женские, отметила про себя Сандрина), кожаная куртка и шерстяной свитер; одета небрежно, но очень удобно. Он — красивый, с подернутыми сединой висками, в высоких кроссовках, пропитанных лесной влагой. Сандрине могло бы, как обычно, прийти в голову что-нибудь завистливое, низкое, вроде «какого черта с таким сложением одеваться, как мужик», но нет, она ничего такого не подумала, и даже настойчивые взгляды, которые два незнакомца бросали на их неожиданное трио, ее не проняли; ей было не до них, она была безумно довольна и всеми силами старалась скрыть свою радость — чувство, оскорбительное в толпе, охваченной тревогой.

Он обхватил малыша за шею сзади, под затылком, прижал большую уверенную ладонь к хрупким плечикам и извинился перед Сандриной, сказав, что должен присоединиться к родителям жены. Она развернулась и пошла к своей машине. Вне себя от счастья и стыда.

Дома Сандрина сняла куртку и обувь, которые надевала на марш, и достала все самое невесомое. Обычно ее домашняя одежда не отличалась приятностью: она облачалась в спортивные брюки, утягивающие живот, и бюстгалтеры с толстыми вкладышами; никакого разнобоя, ничего случайного: слишком пугающей была возможность увидеть себя в зеркале.

Но в это воскресенье она извлекла на свет шадящие легкие вещички, те, что позволяла себе только во время болезни. Длинные бесформенные штаны, в которых ее плоская и слишком широкая задница выглядела необъятной; безразмерную футболку, окончательно лишавшую ее груди, и огромный жилет из мягкой шерсти, доставшийся от любимой бабушки, добрейшей женщины, слаще сахара и меда; воспоминание о ней поддерживало Сандрину, когда слабый голос, изредка звучащий в ее ушах, нашептывал: против генов не попрешь, приступы злобы и ожесточения — не случайность и не ошибка, это глубоко запрятанная натура, и пока она, эта натура, лишь

изредка дает о себе знать, но постепенно, со временем сумеет взять верх, как бы ты ни силилась остановить свое перерождение.

Сандрина устроилась на диване, провалившись в жилет, словно в теплые дружеские объятия, и включила запретные фильмы: от этих историй у нее все внутри переворачивалось, и обычно она не разрешала себе смотреть слезливые романтические комедии с размолвками и поцелуями на набережной у вокзала; в животе урчало, но есть не хотелось, и под конец, так и не поев, она улеглась и, сунув руки в горячую промежность, принялась воображать ласкающие ее ладони и долгие объятия, в которых она сможет почувствовать себя царицей.

Утром прозвенел будильник, и блаженное состояние продлилось еще немного, совсем немного, пока она не увидела себя в зеркале. И тут же поникла, съежилась. Она — это она, и она по-прежнему уродина, дура, тупица. Всегда она — это только она, а он улыбнулся и говорил с ней просто из вежливости.

Сандрина запихнула воспоминание подальше, как убирают глубоко в шкаф старые вещи, чтоб не мозолили глаза, и запирают на ключ. Она себе что-то навоображала, напридумывала, это зараза и болезнь, следствие и причина, все из-за воли, которую она дала фантазиям, и эти фантазии распалили ее; в зеркале она увидела себя размечтавшейся жалкой старой девой, которая сама себя провела, решив: раз с ней заговорили с улыбкой — вперед, понеслось, я выйду за него, усыновлю мальчика и что-то там еще. Толстая тупица, бедная тупица, бедная уродина, жалкая тупица; тумба с ушами, которая способна только на то, чтобы тупо зависать на сраных фильмах, которая мастурбирует с мыслями о незнакомце только потому, что он плакал по телику и случайно улыбнулся ей — дуре, дуре, пустому месту, ничтожеству.

Она заперла все на замок, но потом днями, неделями, когда ей снова виделось его лицо — лицо человека, вышедшего из коттеджа с ребенком, она застывала, точно пригвожденная. Воспоминание охватывало ее, упорно стремясь вылезти из шкафа, в который она его заперла, налетало, когда она сидела в туалете, стояла перед холодильником в комнате отдыха на работе или у себя на кухне резала овощи. И она скулила от стыда и бессилия.

Через неделю в расследовании об исчезновении той женщины случился прорыв; когда Сандрина пришла на работу, все секретарши сгрудились перед компьютером и смотрели видео, на котором свора собак рыскала по полю вместе с полицейскими, а само поле было огорожено желтыми пластиковыми лентами.

Посреди свекольных гряд фермер нашел почти полностью сгнившую женскую одежду пропитанную дизельным топливом и дождем. Кстати, дожди не прекращались с того самого дня Белого марша, как будто солнечное воскресенье, когда состоялся марш, было фейком, сфабрикованным воспоминанием; как будто сами тучи плевали ей в лицо и говорили, что она все выдумала. Там, на поле, в холодной земле, нашли вещи, которые были на женщине в день исчезновения, от обуви до лифчика, и секретарши, смотревшие видео, представляли себя голыми, в ночи, в холодном и грязном поле со свеклой; и никто уже не шутил. Одна лишь Беатриса сказала: «Черт, вот больной».

В этот раз Сандрина сосредоточилась на родителях пропавшей, которых она видела на марше. Она старалась не допускать мыслей об отце и сыне, держать их образы на расстоянии. И сказала себе: «Бедные...»

Вещи нашли посреди поля, а по краю его тянулся овраг, на который долго лаяли собаки, но там никого и ничего не обнаружили, и репортер, взяв соответствующий тон, сказал, что, возможно, кто-то раздел женщину, убил, хотел сжечь ее одежду, бросил труп женщины... все про себя взмолились, чтобы на этом считалка закончилась, чтобы никто, как мог бы предположить репортер, тело женщины никуда не увез и не сделал с ним ничего, ничего ужасающего. Все видели достаточно сериалов и фильмов и знали, что бывают монстры, которые много чего делают с трупами женщин.

Целыми днями говорили только об этом. Возвращаясь домой, тщательно запирали двери и повторяли: «К счастью, это не обо мне, к счастью, это о монстре, к счастью, это не обо мне и монстре».

Потом все пошло на спад.

Жизнь не стояла на месте: крупная авария на дороге, футбол и другие происшествия: все это в текущих новостях. Сандрина тоже смотрела новости, пусть даже ей приходилось делать над собой усилие. Порой вечерами ее руки забывали о том, что голова не должна

думать о мужчине, об улыбке мужчины, о печали мужчины, о теплоте, которая ждет мужчину в ее большом животе, теплоте, которая могла бы все исправить.

Потом пришла зима, а за ней весна.

Наступил тот первый мягкий день, что приходит каждый год и пахнет пробуждением. День, который с неохотой уступает вечернему холоду, а полуденные часы напоминают всем, что солнце никуда не делось, что существует мир без промозглой сырости, без резиновых сапог и шарфов, мир, в котором можно понежиться.

Для нее это всегда был один из худших дней в году. Если он выпадал на будни, контора приходила в движение, все ассистентки хотели устроить первый аперитив на воздухе, посидеть на террасе кафе; Сандрину, правда, не приглашали из-за ее чрезмерной застенчивости, но, слегка смущаясь, крутились вокруг нее. Она выходила из положения, говорила, что у нее важная встреча; и тогда остальные могли сделать вид, что зовут ее с собой, сказать: «Очень жаль, в следующий раз!», договориться между собой уже без помех и дружно выйти на улицу. Для надежности Сандрина выжидала, не желая столкнуться с коллегами внизу, где они курят и решают, куда пойти. И когда наконец она позволяла себе выйти, на улице витал только запах возрождения и потеплевшего асфальта. Редко она чувствовала себя такой одинокой, как в этот первый весенний день. Каждый год давала себе слово, что будет к нему готова, что отныне все станет по-другому, что она научится быть общительной, будет стоить того, чтобы ее приглашали, что она кого-то встретит, пойдет и найдет кого-то своего, и ей не надо будет больше врать, и теплый воздух зазвенит обещанием. Но каждый год у нее опять сжималось сердце, каждый год она одна возвращалась домой, в то время как все покидали свои квартиры, и она не знала, что с ней не так, не знала, почему никто не хочет сблизиться с ней, и только ее мозг нашептывал: «Нет, ты знаешь, прекрасно знаешь, толстая тупица, жирная уродина».

В тот вечер Сандрина подъехала к дому и, не выходя из машины, задержала дыхание. Она выдохнула только в подъезде. Никогда еще ей не было так тяжело, как в этом году. Она *не хотела* почуять запах весны, потому что в ее сердце была нескончаемая зима. Войдя в комнату, сразу задернула занавески, отгородилась от внешнего мира. В квартире было холоднее, чем снаружи, и это ей подходило как нельзя

лучше, она хотела задержаться в мертвом сезоне; она все законопатила и включила свет, а в это самое время все окна распахнуты, и на улице слышно, как купают детей, и другие звуки, сопутствующие семейной жизни.

Сандрина стиснула зубы, чтобы не закричать: «Не хочу, не хочу, идите все на хуй, на хуй с вашими семьями, на хуй с вашими детьми, на хуй с вашим сраным счастьем!»

Она долго мылась, дольше, чем обычно, потому что ей надо было погрузиться в ванну и поплакать.

Потом, повернувшись спиной к зеркалу, насухо вытерлась и, как колдунья, которая готовится к обряду, достала с полки тюбики, баночки, флаконы. Надо позаботиться о теле, которое придавливает ее к земле, приласкать своего личного палача. Точно так же приговоренному к смерти с отвращением приносят еду, говоря про себя: «А на кой черт?» Бывало, она, нащупав под тонкой кожей бугорок и волосок, нарушивший гладкость, начинала со злостью ковырять его ногтями, потом останавливалась, напоминала себе, что будет только хуже, но болезненные ощущения единственные приносили успокоение в самые отчаянные минуты. Годами она расковыривала поры, кромсала волосяные фолликулы, вырывала сбившиеся с курса волоски и щипала и ошипывала себя, пока кожа не покраснеет и не распухнет, а когда исступление проходило, смотрела на причиненный себе ущерб с чувством вины и облегчения; зато теперь снаружи она почти такая же, как внутри: истерзанная, омерзительная.

Ей удалось увеличить промежутки между приступами; уход от отца, работа, машина, тщательно продуманные вечера — все это помогало противиться потребности до крови наносить самой себе увечья, но в этот вечер шлюзы открылись, и она с удобством расположилась на полу ванной комнаты, вооружилась острым, как лезвие бритвы, пинцетом, чтобы выклевать им из своей кожи все, что полагалось удалить: черные точки, вросшие волоски, сальные пробки и прочее. Она пристально осмотрела каждый миллиметр, требовавший проверки, нашла все возмутительное, что пряталось на ее теле, все, что делало ее отталкивающей, недостойной любви, и каждый болезненный укол помогал утишить разбушевавшееся море. Это длилось несколько часов, но она обрела покой. И только тогда поднялась, достала

дезинфицирующий раствор, ранозаживляющий бальзам; удар и контрудар, пытка и примирение. Она безмолвно просила ее простить: «Ну все, все, тише, все кончено, что я наделала, прости, мне очень жаль». В эти минуты, когда умопомрачение и горячка оставили ее, она толком не понимала, перед кем или чем извиняется; тело, которое не давало ей жить, отзывалось болью при каждом прикосновении, и она, как могла, старательно покрыла его бальзамом, а потом залезла с ногами на диван, свернулась клубком, взяла телефон и, чтобы дать потоку окончательно утащить себя на дно, окунулась в чужую жизнь, жизнь тех, кто обеими ногами стоит на земле и радостно пишет: *Суперский аперитив с коллегами; Я самый счастливый человек на свете, она сказала ДА; Ура! мой второй сходил на горшок!*

Погружалась все глубже и глубже в чужие фото, фото прекрасных деньков и разношерстных компаний, и ей чертовски захотелось покончить с собой, но тут пришло СМС-сообщение...

Это был он, мужчина, который умеет плакать, и это был знак свыше, ровно то, что нужно, чтобы не умереть.

Он писал, что искал ее, искал ее город, место, где она работает, и рад, что сумел найти. Что хотел поблагодарить за тот день — за то, что она пришла, и за ее милую улыбку.

И Сандрина снова расплакалась — от радости и облегчения, ведь, в конце концов, она осталась жива.

Они начали переписываться. Сандрина надеялась, что завершение расследования принесло ему покой, что он может предаться скорби, и как себя чувствует малыш?

Да, его очень утешило, что дело наконец-то завершилось, ему бывает невыносимо тяжело, но надо оставить прошлое позади и пытаться снова стать на ноги, а малыш чувствует себя хорошо.

Они начали совместную жизнь прежде, чем встретились; его сообщения поджидали Сандрину при пробуждении, после коротких ночей, проведенных за перепиской. За каждым словом ей слышался голос мужчины, который умеет плакать, она чувствовала, как бьется его пульс, и ей даже мерещился запах одеколona, тот самый, что витал вокруг него в лесу, и теперь он витал везде, где бы она ни находилась, — вокруг дивана, над кроватью, на работе; она уже жила им одним, этим мужчиной, когда они наконец увиделись.

Пришлось выжидать, потому что случившееся было трудно объяснить и непросто открыть посторонним. Им самим уже нечего было обсуждать, все было ясно: они любили друг друга, это было несомненно, внезапно, нерушимо, — и Сандрина, ни о чем не просившая, дождалась неведомых ей слов: именно так говорят души, потерявшие терпение, чудом разыскавшие одна другую.

Он несколько раз приходил к ней домой, под предлогом важных командировок оставляя малыша с родителями пропавшей жены; те топили свое горе в черных глазах мальчика, упорно отказывавшегося говорить; Сандрина беспокоилась за него еще до того, как впервые обняла.

Она принимала его, долгожданного мужчину, в своей скромной квартирке, и все стало настоящим, внезапно осязаемым, так, как она воображала, и даже больше. Он прикасался к ней, поглощал ее, находил красивой, говорил «Ты моя»; это был фильм для нее одной, и утром он все еще был здесь, и его руки защищали Сандрину, как доспехи.

Они снова занялись любовью, стоя, у раковины в ванной комнате, она дрожала от страха и слегка противилась, не выпуская из руки зубную щетку, говорила, что она толстая, что не хочет, но он взял ее в точности как в кино, и она сдалась, слегка отрешенно. Так это и есть то самое, то, о чем она томилась, то, что он сейчас делает с ней, так вот она — жизнь любящих друг друга людей.

Потом он всем телом прижался к Сандрине. С самого начала это мгновение стало тем, что она полюбила больше всего; миг расставания, когда он, дрожа, прижимался к ней, часто дыша и хрипло повторяя: «Ты моя». Она вспоминала, как в первый раз увидела его, мужчину, который плачет, и крепко-крепко обнимала его; он нуждался в ней, она наконец-то жила для кого-то, и все ее существо наполнялось теплом.

Он пригласил ее к себе, познакомил с сыном, который вежливо сказал: «Здравствуйте». У Матиаса были необыкновенно черные глаза, два невозмутимых озера; во время своего первого визита в их дом в гостиной, где Сандрине было не по себе, она заметила на каминной полке фотографию в желтой рамке — та самая пропавшая женщина, с такими же, как у мальчика, ничего не говорящими черными глазами.

В общем, все случилось очень быстро. Слишком быстро для родителей первой жены, которые немного стеснялись ее, и, говоря по правде, это было нормально. Для них главным был ребенок, и Сандрина любила мальчика, не делая усилий, не притворяясь, — она любила Матиаса и терпеливо ждала, когда он полюбит ее в ответ. И потакала ему, как могла.

Матиас был пугливым зверьком. Вздрагивал всем телом от громких голосов и неожиданного шума. Часто он уходил в себя, съеживался и оставался неподвижным, как маленький недоверчивый мышонок. Сандрина знала, его отец боится, что мальчик навсегда останется таким вот — мокрой курицей, боязливым, как девчонка; да, его мать пропала, но в конце-то концов... Она, Сандрина, своего мнения на этот счет не имела, она малышу не мать, и это позволяло ей просто любить его.

Спустя несколько месяцев встреч Сандрина провела у них выходные, потом он попросил ее остаться. Надолго? Навсегда; он хотел, чтобы она осталась навсегда, и Сандрина, примерная ученица, вечная работяга, не поехала вечером в воскресенье домой, а рано утром в понедельник позвонила в контору и сиплым голосом сказала, что заболела. Нет, ничего серьезного, просто нездоровится, один день, и все пройдет. Потом они отвезли Матиаса; втроем в одной машине они ехали в школу, и это было так похоже на семью, на семью, которую она взяла взаймы и не захотела возвращать. Не отдала в оговоренный срок, только и всего.

В понедельник по дороге домой она почувствовала себя еще более одинокой и несчастной, чем накануне. И, не откладывая, заказала картонные коробки.

С той поры каждый день она просыпается рядом с мужчиной, который умеет плакать, на месте первой жены.

В первое утро своей новой жизни она открыла глаза и огляделась: полумрак, занавески и он, еще дремлющий, у нее под боком. Ей было жарко, как и всякий раз, когда она делила с ним постель; от него исходило тепло, и она сдвинула одеяло в сторону, чтобы дать остыть вспотевшему телу. Она говорила себе, что привыкнет, но так и не привыкла. И по-прежнему пробуждалась от жары и духоты, даже зимой; наверное, она не создана для счастья, или ее телу, которое так

долго было в одиночестве, нужно время, чтобы приспособиться к этой обволакивающей животной близости — он всегда где-то рядом.

Матиас ничего не сказал. Сандрина предположила, что отец поговорил с мальчиком, выбрал время, чтобы объявить ему или спросить. Она не знает. Когда она переехала к ним, Матиас ни слова не произнес. Был спокоен и невозмутим. И все же она чувствовала — внутри у него есть тайная, сдерживаемая, лихорадочная жизнь. Он насторожен, и она выжидает. С самого начала Сандрина обещала себе быть терпеливой; она, вторая жена, долго ждала эту чудесную семью и дождалась: отец, сын, место в постели — пусть ей и кажется, что она все это украла, узурпировала, неприглядная кукушка в теле толстухи. Не сможет она рассказывать историй, приключившихся с Матиасом в детстве, и никогда не произведет на свет такого же хмурого худенького мальчика; Матиас был из породы воронов, матовая кожа и бездонные глаза, которые наблюдают украдкой, исподтишка, только изредка Сандрине удается перехватить устремленный на нее взгляд.

Несколько дней ее раскрытые сумки и чемодан стояли посреди спальни, потом он опустошил стенной шкаф и комод и куда-то унес вещи первой жены. Время пришло. Это надо было сделать. Он хотел, чтобы она развесила и разложила свою одежду. Родители первой жены ничего не сказали, но Сандрина почувствовала, как они молча ее осудили в то первое воскресенье, когда она уже обосновалась в доме и ждала их на кухне к обеду. Отец Матиаса открыл дверь. Тот день, благодаря присутствию ребенка, прошел мирно. Матиас молча сидел за столом; Сандрина очень его любила, эта любовь объединяла ее, вторую жену, с бабушкой и дедушкой малыша и в порядке исключения давала ей право находиться в этом доме. Она прекрасно знала, что слишком скорыми и неделикатными были и ее счастье, рожденное их горем, и ее жизнь, которую она боязливо начала вести, не смея ни переставить по-своему мебель, ни убрать желтую рамку, с которой следила за ней пропавшая жена. Не смея даже потребовать больше пространства.

Переехала она с одним чемоданом и несколькими сумками, багажник был полупустым. Устроилась в доме первой жены и с нетерпением ждала, когда же почувствует, что это ее дом. Она допускала ошибки. К примеру, захотела освободить в книжном шкафу место для своих книг. Он это плохо воспринял — и это нормально, тут

все понятно. Полки на первом этаже были отведены под его собственные книги, для работы, и эти книги расставлены в определенном порядке.

Хотела сделать ему сюрприз, а он вышел из себя: «Ты что, не понимаешь, где находишься?» Она думала, что дома или почти дома, и ей больно было это слышать, но после он раскаялся. Несколько дней просил прощения — он просто устал, и если ей так хочется, конечно, он найдет для нее место. Наверху, где первая жена занималась шитьем и гладкой, в третьей комнате. Там отличные полки, делай что угодно, а впрочем, может, пора уже и там разобраться, может, ты захочешь что-то оставить себе?

Он задал вопрос ей, он спросил ее, Сандрину, что она намерена сделать с вещами его первой жены, и она поняла, что гроза прошла, что она не обманулась — он хороший человек.

Себе она оставила швейную машинку, большую круглую корзину с отрезами и лоскутами, изящную коробку из-под сигар с нитками и иголками. На полках стояли книги и безделушки, книги она не тронула, а безделушки собрала в коробку. Детективы, романы со счастливым концом и классика, беллетристика, *«Своя комната»*^[5], *«Граф Монте-Кристо»*, — подумала, что сама их когда-нибудь почитает. На освободившихся полках красного цвета, на месте безделушек, она расставила свои собственные книги. Не все, часть положила обратно в коробку и убрала в гараж, вот так, очень хорошо.

3

Обнаружив первую жену на экране и в глазах сидящего перед телевизором мужчины, Сандрина окидывает гостиную взглядом. Под низким стеклянным столиком стоит обувная коробка, в которую Матиас складывает игрушки, чтобы не валялись под ногами. И Сандрине кажется, что, этот человек, этот мужчина, теперь избавится от нее и она навсегда утратит его сына. У нее внутри все сжимается, она не знает, как все это удержать. Она не смеет спросить, что будет, что он думает, что чувствует.

Она ждет — ждет, когда он заговорит.

Проходят долгие минуты, он не издает ни звука. Сказал: «Это она», и еще раз: «Это она», и потом: «Они ее нашли». И больше ничего. Обычно он нервный, из породы тех, кто не сидит на месте, у него повадки сторожевого пса, такие легко возбуждаются и по-настоящему никогда не расслабляются. Где ты была? Что делала, почему приехала позже обычного? Он же беспокоится. Почему игрушки валяются, надо делать уроки, ужин, он проголодался; и Сандрина успокаивала его, точно зная, что и как надо делать, доказывая тем самым свою любовь: собирала игрушки, разогревала запеканку, объясняла задержку пробками на дороге; все это она говорила и делала, потому что любит его, мужчину, который плачет, и он тоже ее любит, его беспокойство — это непрерывное объяснение в любви. За тех, кто не дорог, не тревожатся.

Но сейчас он молчит, не двигается, как будто заснул, и это тянется долго. Достаточно долго, чтобы Сандрина присела на ручку кресла; от духоты и немного ожидания у нее затекли ноги. Она чувствует, что надо молчать, знает, что бывают такие, как эта, минуты, когда его лучше не трогать, когда он грубо огрызается в ответ, и она научилась эти минуты различать; нет ничего проще, чем их предвидеть, чтобы получать от него только хорошее, и потому Сандрина молчит.

Время тянется и тянется.

Наконец с дрожью в голосе она спрашивает, не хочет ли он лечь спать, и он приходит в себя. Оглядывается, как сова, потерявшая память и дар речи, и обнаруживает, что она сидит рядом. Сандрина

хочет встать, но он хватается ее за руку, притягивает к себе, наклоняется и зарывается лицом в ее живот; она гладит его по голове, терпеливо и прерывисто нашептывая колыбельную: «Все будет хорошо, все уладится», — а сама знает, что это ложь, что все рухнет; у нее осталось только это — лицо, спрятавшееся в искусственном атласе ее короткой ночной сорочки, и ложь, которую она повторяет для них обоих, обещая, что все будет хорошо.

Так проходит несколько томительных минут, потом он всхлипывает: «Что же будет?» В его голосе слышатся слезы, рядом с Сандриной мужчина, который плачет, и он разрывает ей сердце.

Она сильнее прижимает его к себе, а горло перехватывает от облегчения: первая жена его тревожит, убивает, он не хочет, чтобы она вернулась. Сандрина цепляется за него, гладит, тискает, ее пальцы не отрываются от его горячей головы; это ее муж, только ее, это ее дом, ее; это ее семья, ее; она не даст все это отнять и сломать, она их защитит, она защитит себя, это все — ее, ее, ее.

Она уже почти твердо стоит на ногах, внезапно осмелев от собственных заверений в том, что это *ее* муж, *ее* дом и *ее* семья. Вытаскивает пульт из прижатой к ее талии руки, выключает телевизор, и он не противится, ему это нравится, а ей нравится повторять себе, что это она его защищает.

Сандрина ведет его за собой, тащит на второй этаж, до самой спальни, укладывает, как ребенка, и заключает в объятия, укрывает и оберегает. Мужчина ничего не говорит, дыхание его выравнивается, он впадает в тревожное забытие, а она долго не сводит с него глаз; сама она не способна крепко уснуть.

Ночью он дважды бьется, охваченный кошмаром, и она качивает его, ласкает, пока он снова не расслабляется, похрапывая, точно большой кот, которому гладят шерстку.

Когда светает, ее глаза по-прежнему открыты, она не выпалась, но готова на все, чтобы защитить свою семью, не дать этой женщине ее ограбить. Судя по тому, что известно, она, эта женщина, сама организовала свое исчезновение: взяла отпуск, уехала с другим в Италию, да-да, а потом, ну что потом, потом передумала, решила вернуться. Или это интрига, заговор с целью вернуть себе то, чего она больше не хотела? Нет, так не пойдет, что упало, то пропало, с места встал — место потерял.

4

Будильник звенит, и Сандрина вздрагивает — достаточно резко, чтобы понять: несмотря ни на что, она все же немного подремала; просыпаться не хочется, но надо вставать, скоро наступит день; час ранний, сумрачный, середина сентября, солнце еще не скоро взойдет.

Все лето он настаивал, чтобы она нашла себе другую работу, поближе, чтобы не надо было подниматься в такую рань и ехать так далеко, а если ей нужно время на поиски нового места, то это не проблема, он сможет позаботиться о ней — он так и сказал: «Я позабочусь о тебе столько, сколько нужно». Сандрина медлила, хотя в остальном она делает все, как он велит, потому что он человек здравомыслящий и незаурядный, но с работой... тут она, сама не зная почему, тянет и тянет. Может быть, дело в том, что, как только она задумывается об этом, сразу видит свою мать, запертую в четырех стенах, бледную, точно личинка короеда, белесую, как слепой червь; или нет, не в этом дело, с матерью ее нерешительность никак не связана, тут что-то иное, но что? Она знает одно: хочешь не хочешь, она должна рано вставать, да и что плохого в том, чтобы с рассветом ехать на работу? Она всегда поднимается первой, ходит босиком по дому, запускает кофемашину, достает хлопья и будит их, своих мужчин, нежными прикосновениями и ласковым шепотом. Это самые дорогие минуты, ибо в это время она сильнее всего ощущает себя в *своем* доме, в доме, где еще не всем ее вещам нашлось место и они лежат как попало. Рано утром ее ноги ходят знакомыми тропками. Из ванной на кухню, из кухни в спальню, из спальни к Матиасу, она отыскивает дорогу с закрытыми глазами, и ей это нравится; она обходит свою территорию, как зверь, тихо, осторожно, беззвучно. И она твердит, что ранние подъемы ее не беспокоят, что она еще поработает там, далеко, и он хмурится, отстает ненадолго, а спустя какое-то время все повторяется сначала. Она как будто бы наносит ему оскорбление своим отказом жить за его счет; летом тема работы витала над ними тучей, словно мухи перед грозой, и, чтобы положить препирательствам конец, Сандрина сказала: «Хорошо, я подумаю».

Однако этим утром, когда звенит будильник, она находит, что еще чересчур рано. И сегодня вторник. Это немисливо. Недопустимо. Происходит нечто столь серьезное, первая жена объявилась и вот-вот вернется, и тем не менее сегодня рабочий день. Время должно подстраиваться под наши внутренние бури, соблюдать ритм наших личных крушений, наших частных катастроф, но нет, вторник есть вторник. Это не лезет ни в какие ворота, это почти наглость, и тем не менее наступает вторник. Это первое, что приходит ей в голову, — злость на день, который, несмотря ни на что, занимается за окнами, неуместный, нахальный. И второе, о чем она подумала, когда вспомнила, что не давало ей спать до самого утра: может быть, все образуется. Просто надо, чтобы родители первой жены ничего не видели. Надо всего лишь им не говорить. Надо, чтобы жандармы не выяснили, кто эта неизвестная женщина. А что? — это вполне возможно, жандармы не всегда обнаруживают то, что хотят; они же искали первую жену и не нашли. Да, это возможно, и тогда все будет хорошо: первая жена застрянет в Париже, далеко от этого дома; она, эта женщина, по уши увязнет в своей лжи, ее не выпустят из больницы, и у Сандрины все будет, как прежде.

В лихорадочной полудреме, в бессонные часы, когда мозг без конца прокручивал одни и те же мысли, рассудок пошел по пути абсурда; если бы в это время Сандрина могла покинуть свое тело, как у нее это частенько получалось, и посмотреть на себя со стороны, то она увидела бы, как летит в пустоту, отчаянно перебирая ногами, маленькое перепуганное млекопитающее, белка в колесе; но в этот раз она оставалась внутри себя и не смогла прервать безумное кружение своих полушарий, унять жестокую бессонницу, оглушившую ее разум и убедившую в том, что довольно одного: чтобы никто не заговорил, никто ничего не нашел, никто ничего не сказал, и все будет хорошо. Когда все молчат, жизнь идет как надо.

Сандрина еще верит в это, покинув постель с тяжелой головой, одновременно ясной и очумелой, как бывает после бессонных ночей. Сидя на унитазе и рассеянно прислушиваясь к шуму, что издает струя мочи, выпущенная после мучительного позыва, который она сдерживала всю ночь из страха разбудить мужа, она по-прежнему пребывает в уверенности, что надо, чтобы все молчали, и все пройдет, все наладится. Вот мысль, за которую она цеплялась всю эту ночь: они

ничего не видели, они не узнают, они не найдут. Матиас тоже останется в неведении, он спал как убитый. Надо, чтобы все молчали, и только, тогда все будет хорошо.

Опять-таки рассеянно она оторвала туалетную бумагу, подтерлась и начала молиться. Впрочем, она ни во что не верит, это не настоящая вера — скорее сложная и тщательно продуманная договорная система, которая поддерживала ее на плаву, на поверхности и в детстве, и в юности, и когда началась взрослая жизнь. Если не дышать, пока на светофоре не загорится зеленый, то папы не будет дома, когда я приду. Если я не буду наступать на стыки между плитками, я сдам историю и географию. Если я припаркуюсь до дождя, они возьмут меня на работу. Эту систему она захватила сюда вместе со своими кремами и вещами. Если еда будет готова к приходу мужа, если Матиас уберет все игрушки, если посуда успеет просохнуть, мы будем очень счастливы. Она не так четко это формулирует, но на самом деле она никогда по-настоящему не отказывалась от своего секретного и вычурного способа выживания. Испечь вкусный яблочный пирог, помочь Матиасу с уроками, доставить удовольствие мужчине, который плачет, встретить его с распахнутыми объятиями, угадать его желания, и мы будем очень счастливы. Если спуститься с лестницы, не наступив на ступеньку, которая скрипит, если у нас не закончился апельсиновый сок, то никто ничего не узнает и мы будем очень счастливы. Кофемашина недавно забарахлила, надо несколько раз нажать, чтобы ее запустить. Если я запущу ее с первого раза, с одного раза, мы будем очень-очень счастливы.

Она все проделывает так, как надо, лестница не скрипит, сок есть. И потом она нажимает на кнопку кофемашины и ждет.

Ничего. Не работает.

Звонит телефон.

Сандрина смотрит на кнопку, которая должна загореться красным, поджидает *trrrrrrr* ожившей кофемашины, но нет, нет, ничего.

Телефон звонит еще раз, второй, третий.

Она все испортила. Дура поганая, толстуха, уродина, тупица, ты все просрала, сука, жирное ничтожество, толстая корова, это твоя вина, твоя, твоя, это твоя, сука, вина, это все, все из-за тебя.

Сандрина снимает трубку — так и есть, это она, мать первой жены. Голос у нее невыспавшийся, она не смеет поверить, она не позволяет

себе поверить. Точно такой же, как у Сандрины, голос, но только по причинам настолько противоположным, что это почти смешно. Они обе провели бессонную ночь, говоря себе: нет, нет, нет, это невозможно, нет, это неправда, — но ночь закончилась, наступил день, и в мире, где еще существует Сандрина, отныне снова есть она, первая жена. И когда мать спрашивает, рыдая: «Вы видели?», Сандрине очень-очень, сильнее, чем когда-либо в жизни, хочется иметь право на то, чтобы сказать «нет». И чтобы на этом все закончилось, чтобы на этом все остановились, чтобы это единственное слово все перечеркнуло и правда испарилась, чтобы телефон заткнулся, чтобы мать подавилась, чтобы ее сучья дочь сдохла, но Сандрина не может этого сказать, Сандрина так не умеет, Сандрина хорошая, она умеет только тонуть, чтобы другие выплывали, и она говорит «да» — и это конец.

Перво-наперво надо разбудить мужчину, который плачет, и одно это, одно только это идет вразрез со всем, что она знает, со всем, чего хочет. В то время, когда он спит, он целиком принадлежит ей одной. В начале их связи она подолгу смотрела на него спящего. Немой и беззащитный, он весь как на ладони: складка на лбу наконец-то разгладилась, кожа, глухо и ритмично трепещущая в тайных ложбинках, известных ей одной. Он теплый и расслабленный, и она видит, как бьется у края челюсти, под ухом, пульс. Биение, за которым она подглядывала, каждый раз казалось ей грубым и сокровенным одновременно, точно это сердце, выложенное на стол, или выставленные напоказ разверстое тело и кровавая плоть; видеть его таким ей было намного дороже, чем видеть его обнаженным, чем видеть его член, потому что во сне он ничего не контролирует, ничего не решает — он как слабый ребенок.

Он еще лежит в постели, и Сандрина печалится, она грустит, как зимний пляж, как выжженная земля, как мраморная плита на могиле, блестящая после дождя. Потому что сейчас она разбудит его, потому что первая жена будет женой вернувшейся, а она, Сандрина, будет лишней женой, второй женой. Она кладет руку ему на плечо; ее пальцы белеют, когда она прижимает их к его теплоте; он ворчит и поворачивается на другой бок. Ей приходится настаивать, надавливать сильнее, трясти, говоря: «Это ее мать. На телефоне. Ее мать».

Он взял трубку и закрылся в дальней комнате, там, где Сандрина разместила свои книги. Говорит со своей тещей, нет, со своей почти бывшей тещей, черт, как назвать мать замужней женщины, исчезнувшей, объявленной погибшей, вернувшейся? Нет у нее названия, осталось только имя: Анн-Мари, мать Каролины, жена Патриса, бывшая теща мужчины, который плачет.

Какой-то доброхот из адской армии благих намерений позвонил Анн-Мари, кто-то видел новости, кто-то сообщил; Сандрина поняла, что мир проскользнул у нее между пальцами, и ее охватила досада. Потом она вспомнила о Матиасе — о Матиасе, о его молчании, о его бездонных глазах — и постаралась сосредоточиться на нем; так и сказала себе: это ради Матиаса, это хорошо для Матиаса. Для Матиаса, неразговорчивого осиротевшего птенчика, пугливого мышонка. Матиас узнает, что его мать жива, и, несмотря на всю свою грусть, несмотря на ужас, который внушает ей возвращение этой женщины, Сандрина знает, что для Матиаса это хорошо, что надо ему сказать, что, поскольку она, полюбив малыша, смогла занять место рядом с ним, малыш ее и спасет. Подобно якорю, он закрепит ее нелепую шлюпку, пляшущую на волнах в урагане; счастье Матиаса — это трос, способный удержать ее в порту, ее линия жизни.

Она с трудом отрывает ноги, приваренные к полу у двери в комнату. Так лучше, надо уходить, он не любит, когда она следит за ним. Отрывает ноги и плетется в ванную; прежде чем одеться и надушиться, умывается, как кошка: промежность, лицо, подмышки; затем одевается, очень тщательно.

Униформа, которую она все эти годы составляла из взаимозаменяемых вещей, придающих форму и скрывающих ее, сейчас ей дорога как никогда. Натягивает трусы с высокой талией, бюстгальтер, смахивающий на корсет, эластичные брюки, утягивающие живот, блузку бордового цвета и пиджак с широкими плечами. Все хотят, чтобы лето задержалось, а она одевается по-осеннему. Подкрашивает глаза, полные мольбы, разравнивает тональным кремом помятое лицо; макияж спасает ее, выстраивает нейтральный облик.

Она смотрит в зеркало и говорит самой себе: «Я готова», как говорит каждое утро, с той лишь разницей, что обычно это означает «теперь я могу показаться, это все, что я могу, это мой самый

приличный вид из всех возможных, я готова к тому, чтобы никого не раздражать». Но сегодня это значит: «Я готова. Готова, готова, готова к тому, что все потеряю — уже потеряла». Однако она еще здесь: подбор прямой, плечи четко очерчены и расправлены в ожидании предстоящего крушения. Смотрит на свой мобильник — уже поздно, Матиас проспал дольше обычного. В дальней комнате все так же звучит голос, без пауз и восклицаний. Это как слушать ровный и приглушенный звук мотора, как смотреть издали на снос здания. Громадные чудовищные машины неумолимо разносят все и вся, уничтожают и крушат. Но когда ты смотришь издали, ты не в силах полностью осознать размеры этого уничтожения и не можешь полностью прочувствовать, до какой степени разрушения необратимы. И пока что до тебя не доходит, что все это окончательно и бесповоротно, без всякой надежды на восстановление того, что было.

Матиас, как всякий раз, когда она его будит, вздрагивает всем телом. Но и она, как обычно, как всегда, к этому готова. Вот они ее слова — ласковые, обволакивающие: «Привет, мой дорогой, ку-ку, все хорошо, это я, я пришла тебя разбудить, пора в школу; я приготовила тебе хлопья. Ты хорошо спал? Тебе снились сладкие сны?»

На этот простой вопрос он никогда не отвечает. Иногда он забывается, и в его движениях проскальзывает доверие, но он всегда спохватывается, неумолимо оберегая свои сны, позволяя ей выказывать привязанность, но отвергая близость, как будто с самого начала мальчик знает, что Сандрина здесь не для того, чтобы остаться.

Матиас собирается в школу, она стоит в коридоре, пока он моется с помощью банной перчатки, вытирается и натягивает футболку. В прошлые выходные он надел белую, коротковатую, и до Сандрины дошло, что он растет, растет очень быстро, и у него уже лезут недостающие резцы; теперь он сильно отличается от того маленького мальчика, которого она повстречала в день Белого марша, в день прогулки по лесу.

На кухне Матиас ест хлопья, поглядывая на нетронутую чашку, которая стоит на другом конце стола. Его взгляд с неммым вопросом переходит с чашки на Сандрину, и та говорит, что отец у телефона, твоя бабуля звонит. Матиас опускает глаза, жует. Сандрина бросает взгляд на часы и наполняет свою чашку горячим кофе. Обычно она не

притрагивается к еде, пока они все трое не соберутся на завтрак, но в это утро времени нет, и она не может больше ждать.

Когда она подносит чашку к губам, острый липкий запах консервированного тунца ударяет ей в ноздри, и ей приходится срочно, с глухим стуком, поставить чашку на стол. Ее тошнит, запах отвратительный. Она открывает холодильник, берет таппервер, в котором полагается хранить молотый кофе, открывает его и осторожно подносит к носу. Кофе пахнет тунцом. Этому нет объяснения, но от кофе несет тунцом, второсортным тунцом из консервной банки. Она спешно выбрасывает кофе в мусорный бак и бежит в кладовку, чтобы найти запасной пакет с кофейными зернами. Там его нет. Она выходит из кладовки, обыскивает шкафчики. Ничего. Сандрина в панике. Недосып, Матиас напротив, его бездонные черные глаза; он разевает рот, подносит ложку, и ей видится пасть вампира. Почва уходит из-под ног, это смешно — она это знает, но она совсем теряет голову, и на глаза наворачиваются слезы.

Сандрина нагибается, чтобы спрятать лицо от ребенка, и ищет кофе там, где его не может быть, на полках с тряпками и кастрюлями. Металлический лязг перекрывает звуки, которые издает тихо жующий ребенок.

Когда она отрывается от последнего шкафчика и оборачивается, Матиас не сводит с нее глаз, озабоченно сморщив лоб: что происходит, откуда угроза? Она пытается успокоить его, говорит: кофе закончился. Матиасу не смешно и не все равно, и она видит это. Матиас тоже обеспокоен. Она злится на себя, что не сумела с собой справиться. Она-то взрослая, и ребенок подумает, если она расстроилась, значит, есть из-за чего, хотя все это суцая ерунда.

Матиас смотрит на кофейник, полный черной жидкости, и спрашивает: «А этот не подойдет?» И Сандрина говорит: «Нет, он как-то странно пахнет, мне надо сварить другой, а не из чего». Мальчик соскальзывает со стула и подходит к столешнице, где стоит почти полный кофейник, его голова как раз на одном уровне с ним. Он недоумевает, говорит: «Разве кофе не такой, как всегда?» Сандрина вытирает глаза, она не хочет плакать перед ним; она не понимает, что с ней, и от этого отчаивается еще сильнее.

Хлопает дверь на втором этаже, они оба вздрагивают, как застигнутые на месте преступления, и смотрят друг на друга, словно

два перепуганных ребенка из сказки, словно брат и сестра, попавшие в логово людоеда. Сандрина заставляет себя успокоиться, вчерашняя новость полностью выбила ее из колеи, но это не повод доводить ребенка до паники. Она через силу улыбается и говорит:

— Ничего страшного, не волнуйся, я просто устала, вот и все.

Но шаги на лестнице, скрип ступеньки действуют на нее так, как будто в ее разинутый рот, скулящий, *черт, да что с тобой такое*, горстями бросают землю.

Он идет через гостиную в кухню, и, к своему удивлению, Сандрина чувствует, как Матиас потихоньку берет ее за руку; маленькие худенькие пальчики сжимают ее пухлую ладонь. Мальчик такой милый... бедный, он непременно почувствует, что она... что происходит нечто необычное, и подумает, что она не в своем уме. И, может быть, будет прав.

Ее муж подходит к другому концу стола с телефонной трубкой в руке. Кладет ее и садится. Сандрина наливает ему кофе так, будто прыгает вниз головой с обрыва. Он говорит:

— Их друзья смотрели телевизор, они им позвонили.

Голос у него тихий, он вертит беспроводную трубку неловкими движениями, его пальцы привыкли к плоской форме мобильного, да и кто теперь пользуется городским телефоном, ведь он не несет ничего, кроме рекламы и плохих новостей, по крайней мере, это остается неизменным в распадающейся на части действительности. Городской телефон звонит только из-за похорон, несчастных случаев, конца света. Сандрина сознает, что должна была бы что-то ощутить — что-то другое, — но в этот момент она испытывает лишь облегчение оттого, что с кофе все нормально, и больше ничего, нет, правда ничего. Все перевернулось вверх тормашками, кофе ее волновать не должен, возвращение первой жены — это да, это должно ее сокрушить, но все наоборот, в голове у Сандрины только облегчение и еще жгучий вопрос: надо ли сообщить Матиасу? что сказать Матиасу? надо ли открыть Матиасу? надо ли объяснять Матиасу? И при этом — что бы там ни было, Матиас не ее ребенок, и не ей решать.

Он медленно пьет кофе. Один глоток, второй. По нему не скажешь, что он хочет поговорить с ребенком, не поймешь, что он задумал. Сандрина должна догадаться, и она говорит:

— Иди чистить зубки, Матиас. — Надеется, что попала в точку, ведь им, несмотря на все это, не стоит опаздывать.

Ее муж молча делает третий глоток; не стоило доводить себя до крайности с этим кофе, непонятно, что на нее нашло.

Сандрина не хочет на него давить, не хочет наседать, но время идет, и она спрашивает:

— Что ты собираешься делать?

И тут же видит, как он напрягся, как им завладело то же, от чего минувшей ночью ему снились кошмары. Сандрина слышит, как он скрипит зубами — он не знает, бедный, откуда ему знать, он еще не переварил эту новость.

Так и есть, в ответ на ее вопрос раздается шипение:

— Не знаю, черт, ничего не знаю!

И она частично утешается — хоть что-то прозвучало, злое молчание прервано; она понимает, каково ее положение, а оно таково, что он не знает, что делать, и для нее лучше, чтобы он не знал. Может быть, он хочет оставить ее при себе, вторую жену, заместительницу?

Он говорит:

— Мне надо на работу.

Сандрина отвозит Матиаса в школу и приезжает в офис в последнюю минуту; опаздывать — это на нее не похоже; она ловит на себе удивленные взгляды и надеется, что по ней ничего не заметно.

Она никому ничего не говорит, да и не скажет. Ее родители новостей не смотрят, она мало с ними общается и жалеет, что не уехала от них в недостижимую даль; друзья о ней не вспоминают, и она их тоже выкинула из головы. И потом она не хочет, чтобы знали о ее новом доме, о ее новой жизни, о ее муже. Поначалу она хранила это в секрете, для себя, в глубине сердца, подобно тому, как держат в тепличных условиях слабый черенок, потом сказать стало слишком сложно. Если бы она объявила на работе: «У меня кто-то есть», ее спросили бы: «Кто?» И она не смогла бы признаться, что это он, мужчина, который плачет, тот, кого они все видели по телику. Так что Сандрина никому не открывала своей тайны и от этого еще больше отдалилась от коллег. Может быть, они подозревают, что она с кем-то живет, но всякий раз, когда ее подмывает открыться, она вспоминает о предвзятости своего мужа к ее коллегам и о том, как во время обеда

Беатриса во всеуслышанье заявила: «Погодите, еще обнаружится, что это он ее убил, свою женушку».

И тем не менее Сандрина до сих пор сгорает от желания сделать то же, что и все: сфоткать три пары стоп — его, свою и маленького мальчика — и показать снимок всему свету, она была безмерно счастлива и полностью растворилась в своем блаженстве; ей нравилось все: недосыпания и ранние подъемы, пробки на обратной дороге, подгоревшая снизу лазанья, хлопоты по дому; однажды она, к своему удивлению, заметила, что ей в радость чистка унитаза, что она весело бормочет: «Ох уж эти мужчины!», проходясь жавелевой водой по запачканному фаянсу. Матиас предпочитает садиться, но большие мальчики так не делают, и он учится писать стоя; у него не всегда получается, и следы от детской мочи сливаются с пятнами, оставленными его отцом. Она говорит себе: «Мой муж, мои мужчины» — и душа ее наполняется теплом.

Прежде чем приступить к работе, она посылает ему сообщение, пишет, что доехала, и думает, что, может быть, в ответ он откроет ей то, что она хочет знать, объяснит, что происходит, что он решил. Но он молчит, и она сдаётся, сознавая, что ее настойчивость ни к чему хорошему не приведет; когда он дозреет, он сам все скажет.

В полдень ее мобильник звонит, и она торопливо подносит его к уху, но это не он, это мать первой жены, Анн-Мари.

Анн-Мари никогда не звонит ей напрямую без особой причины, просто чтобы поболтать; они говорят только по конкретным поводам, к примеру, когда зять не ответил на звонок, а нужно договориться о воскресном обеде, выяснить, едят ли они хлеб, нужен ли десерт; Сандрина знает, что ее мужу не нравится, когда они общаются, и она всегда говорит с Анн-Мари как можно короче, и потом эта женщина ей никто; бабушка Матиаса, да, это важно, но не настолько, чтобы ломать историю ее любви. Однако на этот раз Анн-Мари нарушает безопасную дистанцию, ей надо выговориться, и Сандрина не знает, как быть, что отвечать; терзаясь в сомнениях, она почти ничего не говорит, а только слушает.

Сначала Анн-Мари объясняет свой утренний звонок, просит прощения за то, что разбудила, а после срывается и погружается в поток сбивчивых фраз. В конце концов до Сандрины доходит, что ее спрашивают, знали ли они — знала ли она о Каролине, когда отвечала

по телефону этим утром. В это мгновение Сандрина пошатнулась, как от удара, и на секунду отняла трубку от уха. Она не любит этот испорченный телефон, эти обходные маневры и альтернативные маршруты, нет, это не для нее. Она думает, что если Анн-Мари хочет о чем-то спросить своего зятя, то ей следует обратиться к нему, а не к ней. Вслух она этого, разумеется, не произносит — выкручивается как может, несколько раз повторяет, что она на работе, что плохо слышно, что ей некогда. При необходимости Сандрина умеет увилить и тянуть резину, это хороший способ уйти от проблем, она освоила его еще в детстве.

Спустя несколько тягостных минут Анн-Мари обреченно вздыхает, поняв, что ей не удастся вбить клин между зятем и преданной ему Сандриной, и она перестает ходить вокруг да около и напрямую сообщает, что они с мужем пытались навести справки в парижской больнице Питье-Сальпетриер, но сегодня утром было еще слишком рано и им не ответили, а потом им позвонили из полиции и сообщили, что личность установлена, и теперь они точно знают, это Каролина — это действительно Каролина.

Анн-Мари умолкает, то ли чтобы перевести дыхание, то ли чтобы дать Сандрине возможность порадоваться за нее, но Сандрина молчит, и тогда мать Каролины продолжает. Она говорит, что они с Патрисом поедут в Париж в надежде помочь Каролине вновь обрести память, они возьмут семейные фото: Каролина маленькая, Каролина студентка, и, разумеется, фото Матиаса тоже, и они даже хотят поехать с Матиасом. Но его отец, похоже, против, он сказал, что еще нет полной уверенности, что надо продвигаться постепенно. Анн-Мари говорит это так, как будто отец Матиаса сморозил какую-то глупость, но Сандрина берет слово, желая всех примирить, и говорит: «Да, он прав, осторожность не повредит. Так будет лучше для вас, Анн-Мари, и, разумеется, для Матиаса, и, несомненно, для...» — она не осмеливается произнести имя первой жены, но потом решается:

— Для вашей дочери...

Анн-Мари мычит:

— Мм... да...

И Сандрина умолкает. Она не хочет включаться в этот хоровод вопросов, не хочет дать Анн-Мари возможность заявить потом: «Сандрина сказала то-то и то-то». Она даже злится на Анн-Мари:

зачем, спрашивается, та ставит ее в такое положение? На прощание она предупреждает:

— Я скажу ему, что вы звонили.

Ей хотелось бы, чтобы это не звучало как угроза, — она просто хочет показать, что знает свое место и не желает все усложнять, но Анн-Мари обижается, говорит:

— Ну, как хотите. — И вешает трубку.

Это несправедливо, но в порядке вещей, замок продолжает разваливаться, все вокруг рушится, Сандрина заранее знала, что так и будет. Ее почти утешает это предупреждение о надвигающейся лавине, она сама виновата — вот полностью готовое ложе, давно знакомое, с контурами ее тела, ибо, конечно же, это ее вина, не стоило обольщаться, надо было включить кофемашину с первого раза.

— Мне звонила Анн-Мари, — осторожно сообщает она вечером, когда он приезжает домой. Выкладывает эту новость, ставит на стол салат с рисом и ждет, что будет.

— Где Матиас? Он не хочет спуститься и поздороваться? — отвечает он; тон напряженный, наверное, у него был ужасный день, она видит это по тому, как он не глядя швыряет на стол свой портфель, сшибая уже разложенные приборы.

Она говорит:

— У тебя был трудный день, очень жаль.

Он берет себя в руки, раскаивается, улыбается, и она прощает.

Неуловимый обмен, разговор без слов, и Сандрина вновь превращается в волчицу, готовую любой ценой защитить их жизнь.

— Матиас наверху, потому что я не знала, захочешь ли ты, чтобы он слышал. То, что ты решил, — поясняет она.

Он моет руки, она берет портфель, кладет его на место, потом наводит порядок на столе. Он склоняется у нее за спиной, обнимает за талию. Вдыхает ее запах, и его дыхание выравнивается. Что сказала Анн-Мари? Сандрина не торопясь рассказывает. Очень важно, чтобы он ей поверил, необходимо убедить его, что она ничего не скрывает. Сейчас они оба, они и еще Матиас, против неизвестности, против неопределенности. В это самое мгновение неопределенность катит по шоссе в сторону Парижа. Семейный альбом там, в больнице, докажет, что Анн-Мари и Патрис действительно являются родителями женщины, потерявшей память; они нисколько не сомневаются, что это

их родная дочь, и едут за ней. А Сандрина здесь, на кухне, с ним, и они ждут, когда разразится война, и не знают, пора ли поднимать мост у ворот замка и точить клинки, не знают, что делать.

Он сильно стискивает ее живот, спрашивает:

— И все, она ничего другого не сказала?

Другого? Чего другого? Нет, ничего, совсем ничего.

Сандрина выжидает, ей с огромным трудом удастся хранить молчание, ведь со вчерашнего дня она хотела кричать, рычать до хрипоты, до потери голоса.

Он говорит:

— Так, слушай, на данный момент еще нет абсолютной уверенности. Я знаю, что говорит полиция про анализы, про базы данных, но иногда они портачат. Да, Анн-Мари уверена, а я нет, и пока у меня есть сомнения, я не стану вмешивать в это дело мальчика.

Сандрина высвобождается из объятий и смотрит в лицо человека, который вчера безжизненным голосом твердил: «Это она, это она». Она недоумевает. Ну да ладно, раз он все же не уверен, это к лучшему, это оставляет ей шанс, неопределенность ее почти устраивает и немного успокаивает, он не уверен, хорошо, пусть так.

Он добавляет:

— Там будет видно.

Там будет видно. Там будет видно, это значит: «Мы ничего не говорим Матиасу, Матиасу ни слова».

Так они и делают. Ужинают втроем, болтая о другом: о пресноватом соусе к салату, о контрольной, которую Матиас написал на отлично. И хорошо, так даже лучше. Больше всего он говорил о контракте, который его сейчас занимает.

Позже, когда Матиас уходит к себе, Сандрина заполняет посудомойку, а он встает и, сунув руки в карманы, начинает вышагивать взад-вперед по гостиной, как будто хочет, чтобы эти нервные расхаживания удержали его, не дали ничего предпринять. Хмуря брови, он снова и снова проходит мимо фотографии в желтой рамке.

Кухня убрана. Сандрина прячет тряпку в шкафчик под раковиной и подходит к мужу. Он прерывает свою беготню и говорит:

— Посмотрим, что будет. Она ли это. Я им не доверяю. Представь, а вдруг это кто-то другой? — Еще он добавляет: — Матиас... — Но

обрывает фразу.

Сандрина ему признательна. По меньшей мере у нее есть четкая инструкция. Вот чего он хочет: защитить ребенка. Она смотрит на него, кивает. По этой причине он не торопится вернуть свою первую жену. Он не верит. Он не смеет поверить. Он боится поехать туда. Он боится уехать. Он боится оставить Матиаса. Он боится взять Матиаса с собой. Он боится, что это она, его первая жена. Он боится, что это не она. Его раздражение вызвано тем, что он не знает, что будет. Сандрина понимает его, ох, как она его понимает. Она тоже хочет, чтобы Матиас не пострадал, но всякий раз, когда она говорит это себе, она не может не вспомнить, что он уже не сирота, а она уже не вторая жена, а лишняя.

Они молча отправляются в спальню. Он ложится, напряженный, скованный. Гасит свет, и в лиловом полумраке она видит глубокие складки на его лоснящемся лбу, он морщится от сомнений, он думает только об этом. Вот почему этим вечером он снова погрузил их троих в полупрозрачный пузырь из «там будет видно» и «может, это все ерунда», и она засыпает с мыслями об ужине, как бы обычном ужине, о болтовне на краю бездны и, не отрывая глаз от невесомого пузыря из лжи с его мягкими и переливчатыми очертаниями, наблюдает за его легким кружением и с энергией отчаяния пытается убедить себя, что этот пузырь не лопнет.

5

Он лопнул на другой же день перед обедом. Когда Сандрина, помыв руки, подходит к своему рабочему столу, ее уже ждет взволнованное голосовое сообщение от Анн-Мари. Они с Патрисом смогли ее увидеть, увидеть ту женщину, и это точно она, это Каролина. Голос Анн-Мари, прерывистый от рыданий и звонкий от счастья. Это она, это их дочь, это, это, это такое облегчение! Они говорили с полицией и медиками, обсуждали, как все организовать.

Сандрина не понимает, с какой стати эту новость сообщают ей. Разве это не жестоко? Это как взять и торжественно объявить своей стиральной машине, что ее заменяют на другую модель. Но когда она пытается дозвониться до мужа и несколько раз попадает на автоответчик, до нее доходит. Анн-Мари надо было выговориться. Она звонила им обоим, по очереди, и в конце концов выложила свою великую новость на голосовую почту, счастье переполняло ее до краев, и она нуждалась в том, чтобы его выплеснуть.

Сандрина садится и еще раз прослушивает сообщение Анн-Мари. Да, конечно, начинается, война уже на пороге. Ничего не соображая, она открывает свой таппервер, смотрит на салат, и ее тут же тошнит. Она захлопывает крышку и, пытаясь с собой совладать, дышит медленно, глубоко, ртом. Мимо, направляясь в комнату отдыха, проходит Беатриса с ножами-вилками в руках; она бросает на Сандрину взгляд... «Наверное, со своим разинутым ртом я похожа на толстого карпа, на глупую рыбину», — спохватывается Сандрина.

— Что с тобой? — спрашивает Беатриса с искренне обеспокоенным видом, но она не отвечает, а только хмыкает. Что бы там ни было, а ее состояние никого не касается. И уж точно это не повод прямо сейчас сделаться подружками не разлей вода, думает она.

В ответ на такой отпор Беатриса пожимает плечами и уходит.

— Она и тебе звонила?! Черт, да кто ты такая?

Сандрина обижается, она считает, что это несправедливо, она вовсе не поощряла Анн-Мари, никогда не набивалась ей в собеседницы и уж тем более в наперсницы. Она говорит: «Но ты же не отвечал!», чтобы объяснить, чтобы оградить себя от обвинений, а он вдруг резко, со

всей силы, вытянув руку, точно марионетка на пружинах, швыряет тарелку на пол.

Сандрина вздрагивает и втягивает голову в плечи. Ее взгляд прикован к тому месту, где стояла тарелка. Скатерть чуть-чуть сморщилась, вилка немного сдвинулась, и тарелки там больше нет.

Повисает тишина. Она не выносит окриков, порывистых движений; ей не нравится то, как это действует на ее тело, — она застывает в неподвижности, точно кролик перед удавом, и не может даже пальцем пошевелить; от того, что сделал сидящий напротив мужчина, она каменеет.

Он подносит пальцы к вискам, сильно трет лоб, складки кожи ходят под его пальцами.

— Прости.

Сандрина молчит, со стороны она видит себя, сгорбившуюся, за столом и его, напротив, без тарелки.

Он еще раз просит его извинить.

Потом приближается к ней, повторяет, что ему очень жаль.

Сандрина робко начинает себя уговаривать: все нормально, ничего страшного. Она знает, что в последние дни она сама не своя, а он тем более. Она знает, что случившееся выходит за рамки обычного. Ей надо сделать над собой усилие. Иначе она все испортит.

Он кладет горячую сухую руку ей на шею. Она на мгновение прикрывает веки, вспоминает, как он в первый раз таким образом к ней прикоснулся, вспоминает ощущение принадлежности, места под солнцем, вспоминает, как этот простой жест отозвался во всем ее теле. В памяти всплывает и другое сладкое воспоминание: они идут по улице и он приобнимает ее сзади за шею, от этого она чувствует себя изящной, стройной, желанной. Да, желанной — раз мужчина вот так ее держит, раз мужчина хочет, чтобы она была под рукой. Раз мужчина хочет показать прохожим, витринам, деревьям, что это его женщина. *Ну же, постарайся, сделай усилие.* У него нежные шелковистые пальцы, и Сандрина приходит в себя; она втягивает в легкие воздух, с трудом восстанавливает дыхание и спрашивает себя, как долго она не дышала.

Мне жаль, говорит он еще раз, опускается на пол, кладет голову на колени Сандрине и обхватывает ее ноги. Она растеряна, он тоже растерян, они оба растеряны, это ужасно, но вместе — это главное.

Раздается легкий шорох — Матиас осторожно ступает по мраморным плиткам первого этажа. Его отправили наверх делать уроки, чтобы взрослые могли поговорить. Сандрина надеется, что мальчик ничего не слышал, пока не вспоминает о разбитой тарелке, об острых осколках на полу. Она вздрагивает и говорит:

— Осторожно, не ходи сюда, тут разбилась тарелка.

Она встает, увлекая за собой мужа, и начинает суетиться, щетка, совок.

— Надень тапочки, Матиас, вдруг что-то осталось. — И, чтобы успокоить ребенка, добавляет: — Это я виновата, я уронила тарелку, когда накрывала на стол.

В несколько мгновений осколки выбрасываются, порядок восстанавливается, Матиас сидит за столом, его отец награждает Сандрину нежной улыбкой, он явно тронут ее маленькой ложью, ее желанием избавить его от объяснений, пощадить его. И он говорит:

— Так что ты нам приготовила, а? Пахнет вкусно.

Во время ужина не все хорошо, но лучше, чем было до него.

Вечером Сандрина укладывается в постель в короткой ночной рубашке; она держит в руках книгу, но продвинуться ей не удастся, она пробегает глазами одну и ту же страницу два раза, десять, тридцать. Муж подождал, пока Матиас ляжет спать, чтобы позвонить Анн-Мари, и до Сандрины из гостиной доносится часть разговора; она слышит глухое бормотание и говорит себе: это последнее, что слышат те, кто гибнет под обломками после землетрясения.

Наконец он приходит в спальню, но она не отрывает глаз от книги; она поняла, что вопросы все только усложняют, нужно подождать, когда он будет готов поговорить. Она ждет и под одеялом с остервенением расчесывает себе колено.

Он снимает брюки, носки, футболку, садится в трусах на край постели так, что она видит только его спину. Ногти впиваются в колено, она чувствует, что пальцы уже намокают от крови, и тут он решается нарушить молчание.

Они ее скоро привезут. Эти слова требуют перевода, и Сандрина переводит: Анн-Мари и Патрис привезут Каролину, первую жену.

Они скоро вернуться со своей дочерью, они привезут дочь, утратившую память. Ибо Каролина до сих пор почти ничего не может вспомнить.

Он говорит ровным голосом, может быть, с легким оттенком жалости. Родители думали, что, увидев их, она все вспомнит, но нет, не вспомнила. В общем, им разрешили ее забрать, и теперь всем известно, что это действительно Каролина, и единственное, что ее интересует, это ребенок. Итальянская больница прислала историю болезни, и там говорится, что она рожала по меньшей мере один раз. И первый вопрос, который задала Каролина, увидев двух незнакомцев с покрасневшими глазами: *А ребенок? Анн-Мари и Патрис* сказали: да, ребенок, маленький мальчик, его зовут Матиас.

Они показали фотографии — все впустую. Каролина долго глядела на снимки, рассматривала лицо Матиаса, его великоватые уши, курносый нос, изогнутые темные брови, глаза цвета воронового крыла — и ничего. Теперь Каролина едет. Скоро будет здесь. С Патрисом и Анн-Мари Каролина едет сюда, чтобы увидеть своего сына, чтобы вспомнить своего ребенка. Первая жена возвращается.

Внезапно Сандрину кидает в жар, сердце бьется как сумасшедшее, а он добавляет:

— Они приедут завтра.

Анн-Мари хотела, чтобы ее дочь поговорила с Матиасом по телефону, но кто ж им позволит делать незнамо что и уж тем более незнамо как, там будет видно. И Сандрина успокаивается — чуть-чуть; она понимает, что первая жена вернется не сюда, не к ним, она едет к Патрису и Анн-Мари.

Сандрина выжидает несколько мгновений, хочет, чтобы биение сердца хотя бы немного улеглось. Она не решается спросить, предлагал ли он привезти первую жену сюда, говорил ли он с ней; это опасные вопросы, она не хочет их затрагивать. Но ей необходимо знать, что происходит, она должна быть готова.

Она обдумывает формулировку вопроса и наконец мягко спрашивает:

— Как ты поступишь?

Он сказал:

— Посмотрим на выходные. Я работаю, Матиас в школе. Так что в выходные решим.

Голос его звучит спокойнее, чем в последние дни. Должно быть, он чувствует облегчение оттого, что его жена жива. Это нормально, это нормально, первая жена жива, и у него отлегло от сердца, а чего бы она

хотела? — но когда Сандрина представляет, какого рода облегчение испытывает мужчина, который ложится рядом и кончиком пальца гасит в спальне свет, она холодеет всем телом.

В полумраке она закрывает книгу. Поворачивается к окну и кладет голову на подушку. Чувствует, как он прижимается к ней. Хочет обернуться, обнять его, но он сжимает ее слишком сильно, так, что она не может пошевелиться. У него ненасытные, алчные руки. Он стискивает голое бедро Сандрины, коротко трется о ее трусы, потом резко сдергивает их и проникает вовнутрь. У нее все слишком сухо, ей хотелось бы взять тюбик со смазкой, который лежит у нее в тумбочке на тот случай, когда она не успевает увлажниться, но времени нет, все кончается очень быстро, и после нескольких грубых толчков он рычит почти как зверь и отпускает ее. Теперь она может обернуться, дотронуться до его руки, плеча, легкими жестами попросить, чтобы он в свою очередь успокоил ее, обнял. Далеко не всегда они хотят одного и того же в одно и то же время, и в этом нет ничего страшного, но сейчас он поворачивается к ней спиной и бросает Сандрину одну в душной ночи с теплой и липкой спермой между ног. Она поднимается и ощупью идет в ванную комнату. Первым делом садится на унитаз, чтобы дать стечь последним следам извержения. Колено разодрано, струйка крови стекает вниз по ноге. Она принимает теплый душ; промежность слегка горит. Потом она вытирается и роется в ящике в поисках заживляющего бальзама. Наконец возвращается в спальню, надевает чистые трусы, бюстгальтер, который ей слегка жмет, пижаму; знакомые защитные вещи успокаивают ее, и в голове у нее крутится одна и та же мысль: она ему небезразлична, он хочет ее, он хочет ее сохранить. Эта мысль должна ее утешить, и она повторяет снова и снова: я спокойна, я спокойна. Но ночь то и дело прерывается отвратительными, кровавыми снами, в которых первая жена вселяется в нее, точно паразит, а потом вылезает из ее тела, разрывая все на своем пути.

6

Первая жена должна прийти к ним в воскресенье. Пока она остается у своих родителей. Сандрина не знает, о чем он договорился с Анн-Мари и Патрисом. Она знает одно: в воскресенье первая жена придет к себе домой. Нет, не к себе, а к *ней*, к Сандрине. Чей этот дом? Чей это муж? Чей это сын? И чего ждут от нее и от первой жены? Что они встанут в очередь, начнут драться, поделят все пополам? Вечером, когда муж проникает в нее и топит свое смятение в мягкой утешающей плоти, Сандрина обретает кое-какую уверенность; потом он засыпает, и она всю ночь ворочается с зажатым нутром и разгоряченной промежностью, ей кажется, что она барахтается в зыбучих песках.

В субботу она просыпается ни свет ни заря и с трудом приходит в себя. Проверяет запасы, составляет список покупок. Выходит из кладовки, закрывает дверь. На косяке видны отверстия от шурупов, память о втором замке, который он снял, когда Матиас подросток. Мысль о малыше немного успокаивает. Она едет в магазин. Свет режет глаза, очертания улиц и круговых перекрестков прорисовываются очень четко, как декорации к фильмам. В супермаркете бродит по отделам, дотрагивается до знакомых продуктов. Читает этикетки: частично гидрогенизированное растительное масло, наши сельхозпроизводители отличаются изобретательностью; эти пустые, привычные и безобидные слова облекают ее в покров обыденности и нормальности.

Когда Сандрина возвращается, он все еще спит, а Матиас тихо играет в углу гостиной. Она начинает раскладывать покупки и спрашивает мальчика, что он хочет завтра на обед. Матиас мог бы спросить: «А что? Что завтра будет?», но вместо этого он думает и просит шоколадный пирог. Его отец спускается по лестнице, скрипучая ступенька, как полагается, скрипит в свое время, и Сандрина вспоминает то утро, когда она старательно ее перешагнула, но не сумела запустить кофемашину. Ей кажется, что с той поры прошло много-много дней, а это было чуть ли не вчера.

Надо сварить кофе, но он, помахивая ракеткой, говорит, что идет на корт с Жан-Жаком. Потом осматривает кухню, гостиную, кривит губы. Что-то ему не нравится.

— Матиас, убери игрушки, нечего разбрасывать их где попало.

Матиас у себя в уголке с двумя пластиковыми динозаврами что-то бормочет.

— Что ты сказал? Матиас, ты что-то сказал?

— Да, — снова бормочет ребенок, — да.

Сандрина смотрит на мальчика и на его отца. Матиас еще ничего не знает, наверное, ему объявят о матери вечером. У его отца заспанные глаза, хоть он и умылся прохладной водой; черты лица заострились, тонкие губы вытянулись в ниточку. Он плохо спал, и ему не по себе. Теперь она это видит, она все поняла. Он любил Каролину, он сам это сказал, хотя ему было трудно говорить о своей первой жене; да, любил, хотя однажды признался, что она, Сандрина, возвратила его к жизни, заставила вновь забиться его умолкнувшее сердце. Он любил ее, ту, предшественницу, и Сандрине не нужны были слова, чтобы это знать, она же помнила, как он плакал в тот день в телевизоре; он любил свою жену, но она пропала, считалось, что она погибла, и он страдал. Теперь он любит ее, Сандрину, и нет ничего проще.

— Не волнуйся, — просит она. — Мы сейчас все уберем. Правда, Матиас?

Ее муж уходит со спортивной сумкой через плечо. Она не варит кофе, таинственный запах тунца по-прежнему исходит из таппервера, даже если никто, кроме нее, этого запаха не чувствует. Заливает горячей водой пакетик с травяным чаем и смотрит, как Матиас уплетает два круассана, купленные утром для него и его отца. Она есть не хочет, кусок не лезет в горло.

Покончив с завтраком, Сандрина включает пылесос. У Матиаса свои обязанности: он выносит мусор, стирает пыль с нижних полок большого книжного шкафа с серьезными книгами, который стоит у стены в глубине гостиной. Оба сосредоточены, Матиас старается, и комок у Сандрины в горле потихоньку рассасывается. Несколько раз, совсем ненадолго правда, ей удается даже забыть, почему они затеяли такую большую уборку и делают все еще более тщательно, чем обычно.

Утро проходит. Погода портится, на землю падает несколько капель, и Сандрина радуется, что не начала с мытья окон. Она показывает Матиасу, как выбрать программу на стиральной машине. Очень скоро он сам ее запускает и обменивается с Сандриной

заговорщическим взглядом — его отец не желает, чтобы сын «обабился», а Матиасу нравятся кухня, приправы и ингредиенты, свое место для каждой вещи. Когда приближается время обеда, она готовит салат и поджаренные хлебцы с сыром и ветчиной для Матиаса. Это исключительный день, она не посылает никаких СМС-сообщений, не спрашивает, когда придет муж, что будет есть. Когда он играет в теннис, он проводит вне дома почти весь день, перекусывает, ходит в ресторан. Это его личное время, которое идет ему на пользу, и она его не дергает.

Около трех часов звонят в дверь, она думает, что муж забыл ключи, быстро оглядывается кругом и удовлетворенно вздыхает: порядок безупречный. Матиас сидит в носках на диване, уперев подбородок в колени, и смотрит мультики, он это заслужил. Сандрина идет открывать с тряпкой в руке; но это не он.

Там двое: она — худая с мужской выправкой, он — с седеющими висками и обветренными щеками; они что-то говорят, а Сандрина думает — она их где-то уже видела. Все стоят и смотрят друг на друга. Матиас, заинтригованный тишиной и осмелевший после победы над стиральной машиной, прижимается сзади к ее ногам.

Она копается в памяти, пока они спрашивают, дома ли отец Матиаса. Да, вспомнила. В день Белого марша. Нет, его нет дома, отвечает она. Пара хочет войти ненадолго, и она теряется. Она знает, что должна сказать «нет». Она знает, что в этом доме она не хозяйка. Что она не может решать. Вот уже несколько дней, как появление Каролины, первой жены, напоминает ей об этом с бесчеловечной настойчивостью; сегодня, к примеру, мысль о Каролине с большим трудом оставила ее только перед обедом.

Тем не менее они заходят, хотя Сандрина так и не поняла, с чего они приняли ее смущенное молчание за приглашение. Все, что ей удастся выдать из себя, это: «Полы! Я только что вымыла пол!» Они озадаченно застывают. И в это мгновение Матиас ускользает и приносит чистые прямоугольные насадки на швабры. Протягивает их гостям, те вставляют в них ноги и шествуют, будто императорские пингвины, в сторону дивана. Она не хотела их впускать, не хотела позволить им сесть, но вот они вошли и сели. И что теперь?

— Когда он вернется? — спрашивает мужчина.

— Часам к четырем или позже.

Сандрина смотрит главным образом на женщину, на ее тонкие руки, обтянутые рукавами черной куртки; унылый дождь, который все никак не решается пойти в полную силу, оставил пятна на матовой коже, и ей, этой женщине, должно быть, жарко.

Незнакомец представляется. Они из судебной полиции. Они вели следствие по делу о пропаже Каролины, супруги господина... Может быть, нам поговорить в другом месте? Женщина обрывает себя на полуслове, взглянув на Матиаса. Малыш отрывается от дивана, на котором только что устроился, и безропотно идет наверх. Сандрина ждет, пока проскрипит ступенька, и только потом отвечает:

— И что? В чем дело?

— Теперь мы узнали, что она нашлась. Именно к нам обратились из больницы. Именно мы сообщили Маркесам. И ее мужу, разумеется. Мы говорили с ним этим утром, вы знали об этом?

Женщина не спрашивает, а скорее настаивает, и Сандрина не понимает, зачем все это. Само собой, они с ним разговаривали, это же его жена. Чего они от нее добиваются, что хотят услышать в ответ? Все это как-то ненормально.

Полицейская добавляет:

— Это мы ему звонили, потому что мы с ним хорошо знакомы, с мужем Каролины. Мы допрашивали его после ее исчезновения. Он был под подозрением. Вы это знали?

Сандрина ничего не понимает. Сандрина ничего не говорит. Сандрина больше ничего не слышит.

Ей непонятно, что делают здесь эти люди, усевшиеся на диван, что дает им право откидываться на подушки и говорить такие вещи... говорить, что ее муж находится... находился под подозрением, смотреть на нее в упор, без стеснения рассматривать журнальный столик, книжный шкаф, подставку под телевизор, все, с чего она смахнула пыль, заглядывать дальше, в кухню; их взгляды все портят, пачкают... В это мгновение она слышит за окном шум мотора, и ей нет надобности видеть своего мужа, чтобы понять — он колеблется. Он не мог не заметить незнакомую машину на площадке у дома и теперь задается вопросом, кто к ним приехал. Она слышит, как тихо, тише, чем обычно, поворачивается ручка двери, он заходит, и Сандрина сразу же понимает, что ее муж взбешен. Полицейские не торопясь встают с дивана. Особенно медлит женщина, она ничуть не смущена и, похоже,

чувствует себя как дома; поднимается, опершись ладонями на колени, поправляет джинсы, руки не протягивает.

Отец Матиаса переоделся после тенниса, на нем чистые брюки и голубая рубашка, он выглядит элегантно рядом с полицейскими в темных футболках и потертых джинсах; он любит быть в прямом смысле слова *ухаженым*, любит вызывать уважение у тех, кто ему неприятен, его мокасины хорошо начищены, на одежде ни одной лишней складки. Он подходит к Сандрине, которая, зная его наизусть, видит в его глазах досаду и возмущение. И хотя он предельно вежливо здоровается, по биению жилки у него на лбу, по сжатым кулакам, засунутым глубоко в карманы, она тут же догадывается: он их ненавидит, обоих, и особенно женщину.

Сандрина его понимает. Очень хорошо понимает. Они проникли в его дом без всякого стеснения, да еще косо на него смотрят. Они его не уважают, особенно эта дама, и это сразу чувствуется: полицейская ниже ростом, но, можно сказать, она смотрит на него сверху вниз. Сандрина видит: в этой незваной гостье нет ничего, что может ему понравиться, ничего из того, что он одобряет, в ней ни капли женственности, она небрежно причесана, таких особ, несмотря на их крепкие руки и плоские животы, он презирает, и тут уж можно быть спокойной, хотя это меньшее, о чем ей сейчас надо волноваться, — эта женщина не соперница ей, безоружной, ни с кем не сражающейся на равных.

Он слегка дернул локтем, и Сандрина неуверенно шагнула в сторону кухни. Знак был, но не было указания — понятно, тут дело не в том, чтобы предложить им кофе. Поколебавшись, она в конце концов уходит, сославшись на Матиаса: посмотрю, сделал ли он уроки.

Сандрина не спеша поднимается на второй этаж, всем своим весом наваливаясь на скрипучую ступеньку. Уже наверху она видит, как Матиас выглядывает из своей комнаты, желая посмотреть, кто идет. Она заговорщически улыбается малышу, но это обман, и улыбаться ей совсем не хочется. Душу Сандрины одолевают сомнения. Если ее мужчина не хочет, чтобы она и ребенок слышали разговор с полицейскими, значит, им слышать не положено. Особенно Матиасу, маленькому мальчику, кто их знает, что они скажут. Ей невыносимо думать, что ребенок может услышать что-то грязное, пугающее. Она прижимает палец к губам — тс! — подходит к нему, как к своему

сообщнику, и берет за руку, не позволяя остаться в коридоре. Плотнo прикрывает за собой дверь и рассеянно просматривает тетрадь с сочинениями. Матиас хороший ученик, не блестящий, но прилежный, сосредоточенный; единственная его проблема — это замкнутость и отсутствие воображения. Матиас превосходно справляется с диктантами и сдает безупречные с точки зрения грамматики сочинения, но они до того безличные, что учительница однажды вызвала в школу его отца. «Ваш ребенок ничего не говорит от себя», — пожаловалась она. «Да ему просто нечего вам сказать, — недовольно скривился отец, — к тому же не все обладают воображением». Тем не менее у Матиаса оно есть — он рисует птиц, громадных птиц, одновременно изящных и хищных, их клювы всегда полны зубов. Знаешь, у птиц не бывает зубов, как-то раз мягко заметила Сандрина. Да, ответил тоненький голосок. Но было бы хорошо, если б были. Вот как? А почему? Он промолчал.

К понедельнику надо выучить стихотворение. Сандрина спрашивает, готов ли он, и Матиас, раскладывая игрушки, быстро тараторит «Альбатроса»^[6], прерываясь только затем, чтобы перевести дух, — ему главное поскорей отделаться. Она не настаивает, хотя эта исполинская птица должна была бы понравиться мальчику; она предлагает ему поиграть, и Матиас, поколебавшись, как будто это его секрет, указывает на большую конструкцию лего: дом с ровными, крепкими стенами. Там одна комната с одной кроватью, а на кухне стол и один стул.

— Это дом для одного человека? — спрашивает Сандрина и содрогается, вспомнив о своей прежней квартирке и единственной чашке, которая по вечерам дожидалась ее в раковине. — Немного печально, как по-твоему?

Матиас молчит, он собирает забор вокруг дома, и это требует внимания.

— Знаешь, мне было немного грустно, когда я жила совсем одна. — Слова вырываются у Сандрины прежде, чем она успевает прикусить губу; она знает, что взрослые не должны взваливать на детей бремя своих тревог, она читала об этом в книге, которую купила еще до того, как переехала к Матиасу и его отцу.

Проходит несколько минут, слышится только шорох пластиковых деталей и короткий щелчок, когда ребенок соединяет их друг с другом.

Потом он спрашивает:

— Тебе все еще грустно?

— Нет, Матиас, мне очень нравится жить с вами. С тобой.

Снова тишина, ее нарушают только приглушенные, неясные голоса, которые доносятся до них снизу, из гостиной.

Сандрина оглядывается. Они убрали эту комнату утром, но в ней до сих пор полный порядок. Матиас хороший ученик; его отец не любит, когда игрушки валяются, и потому здесь много коробок для пластмассовых динозавров и цветных карандашей.

— Я схожу пописаю, Матиас, сейчас вернусь.

Она поднимается, опираясь на кровать, и сразу же садится на чистое покрывало с самолетиками.

— Тебе плохо? — спрашивает ребенок.

— Нет, — говорит Сандрина, — просто слишком быстро встала, в глазах потемнело.

Она снова встает, на этот раз все нормально, и бредет в туалет. Окошко под потолком, выходящее на аллею к дому и улицу, открыто. Аромат уходящего лета проникает в ванную и колышет маленькую белую занавеску. Она спускает джинсы и садится на унитаз. Снаружи доносится шум: входная дверь отворяется, на аллее раздаются шаги. Полицейские уходят. Дверь закрывается, резко, с грохотом. Она надеется, что все прошло хорошо.

Голос женщины-полицейского доносится с аллеи:

— А он не промах. Черт, как это он так быстро нашел себе девушку, вот загадка. И она к тому же очень мила.

— Откуда тебе знать, — отвечает ее коллега, — может, с ней он ведет себя ласково.

— Это ненадолго, — возражает женский голос; Сандрина слышит, как открываются дверцы автомобиля. — Знаю я этих парней. Они не меняются. В тот раз нам не удалось его...

Дверцы хлопают, голоса обрываются, Сандрина смотрит на свое колено: расчесанная кожа покрылась коричневой коркой.

Она боится, что ее мужчина будет бесноваться, но визит полицейских словно сразил его наповал. Он зовет их ровным голосом и, когда они спускаются, усаживает на диван, сам садится верхом на журнальный столик и объясняет, что будет дальше. Завтра вместе с бабулей Нини и дедулей Патрисом к нам придет одна дама. Она

проведет с нами какое-то время. Дедушка, бабушка и... полицейские думают, что это твоя мать.

Сандрина обнимает Матиаса за плечи. Слово «мать» врывается в гостиную, точно пушечное ядро, и малыш содрогается всем телом. Новость ошеломляющая, и Матиас вжимается в диван, почти сливается с ним; кажется, что он раздавлен. Мальчик оборачивается к Сандрине, она кивает, он открывает рот, и из него льется поток слов: ребенок щебечет, быстро-быстро, нанизывает вопросы один на другой, Сандрина никогда не слышала, чтобы он так говорил. Так она не умерла? И где она была? Она останется, потом останется? Почему нельзя увидеть ее прямо сейчас, почему она ушла, почему вернулась, где она сейчас и где была, бабушка и дедушка уже видели ее, они придут вместе с ней и... Отец опускает голову, прячет лицо в ладонях, Сандрина видит: он сыт по горло этими вопросами, этой новостью, которую ему пришлось против воли сообщить, и ее последствиями; он сознает, что выпустил что-то на свободу и это что-то ему неподвластно, он не сможет ничего изменить, это все равно что остановить реку или склеить разбившееся зеркало, это невозможно.

Однако это случилось, первая жена вернулась, он сказал это вслух, она снова существует, назад дороги нет.

Снаружи перестают стучать капли, дождь раздумал идти. Он говорит Матиасу: «Завтра будет видно», поднимается и уходит косить газон.

Вторая половина дня спокойна, как грозовое небо. Не зная, имеет ли она на это право, Сандрина пытается объяснить Матиасу, как все произошло. Твоя мама, так предполагают, попала в аварию. Ее нашли далеко отсюда, в Италии. Из-за аварии она ничего не помнила. И не говорила. Ее лечили в больнице, а потом отправили в санаторий. И она провела там немало времени. А несколько дней назад она заговорила. Поскольку она заговорила по-французски, итальянская больница связалась с итальянской полицией, а та — с французской. Твоя мама попросила как можно скорее вернуть ее во Францию. Ее привезли на прошлой неделе. И французская полиция начала искать в своей... картотеке, ну, это как большой словарь, в котором перечислены все пропавшие люди. Твои бабушка и дедушка узнали ее, когда смотрели репортаж, и полиция тоже установила ее личность по своей картотеке.

Она думала, что объяснение будет долгим, но, как оказалось, рассказ занял всего несколько минут. Рассказ о воскрешении первой жены и обо всем, что это означает для них — для нее, Сандрины, и для него, Матиаса, — уложился в несколько коротких фраз.

Матиас говорит «понятно» и торопливо идет в свою комнату.

Сандрина достает утюг, включает радио. Во дворе ее муж продолжает ездить на мини-тракторе по уже выстриженному газону. Она хотела бы подойти к нему, сказать, что все будет хорошо, но в том, что все будет хорошо, она далеко не уверена, зато понимает, что он также, как и она, отчаянно цепляется за обыденность, за заранее запланированные дела.

Завтра здесь будет первая жена. Здесь — у него, у них, у нее, у *нее*, у *Сандрины*. Это не укладывается в голове: это слишком странно. Как ей обращаться с этой женщиной? Как с соперницей, врагом, бывшей женой?

Внезапно Сандрину бросает в жар, рот наполняется густой горькой слюной, она быстро ставит утюг и бежит к раковине. Ее рвет.

Во дворе шум от газонокосилки обрывается. Спустя несколько секунд он заходит через дверь, ведущую в дом с террасы, и ищет Сандрину глазами. Она только что прополоскала рот и боится, как бы он, приблизившись к ней, не почуял резкий запах рвоты, прилипшей к ее губам. К счастью, он говорит коротко: «Не оставляй утюг вот так, без присмотра» — и идет за средством от слизи в прачечную, да, в прачечную, а не в гараж, потому что в гараже упаковка отсыреет, пакет развалится, все пропадет, а деньги под ногами не валяются.

Когда он снова проходит мимо, Сандрина улыбается, кивает, говорит, что, если он не против, она приготовит на ужин овощную запеканку. Муж смотрит на нее пустыми глазами, кивает и выходит в сад. Она видит его через кухонное окно, видит его плечи и маленький полысевший пятачок на макушке. Потом идет наверх чистить зубы.

Проходя мимо комнаты Матиаса, Сандрина слышит за дверью какой-то шум и тихонько стучится. Она не спрашивает, можно ли войти, Матиас прекрасно понимает, что это она — его отец никогда не стучится, для него важно правило открытой двери. Стучится и ждет ответа — это его отец полагает, что ребенок не имеет права на «нет», но она, Сандрина, не такая, она ждет, потом снова стучит.

Матиас плаксивым голоском говорит: «Да!», она заходит и видит, что прелестная, тщательно прибранная комната теперь похожа на пляж после бури. Одежда разбросана, валяется на кровати, на письменном столе, на полу, а ведь совсем недавно тут был полный порядок... Сандрина до того поражена, что ей и в голову не приходит рассердиться, ведь Матиас очень аккуратный мальчик. Он переоделся, на нем желтая футболка с вылинявшим драконом на груди, и эта футболка ему совсем уж мала.

— Но... Матиас, что такое? — мягко вопрошает Сандрина.

На тумбочке лежат фотографии: Матиас совсем маленький со своей матерью, и на нем новенькая футболка с драконом. Сандрина узнает эти фото, она видела их в семейном альбоме до того, как альбом отправили в гараж под предлогом наведения порядка. Тогда она не поняла, почему средство против слизней надо беречь от сырости и держать в прачечной, а фотографии — в гараже; потом решила, что мужчина, который плачет, не хочет нечаянно наткнуться на них, увидеть, страдать. Вероятно, спустя какое-то время Матиас принес фотографии в свою комнату и спрятал. Она смотрит на мальчика, на его мышиную мордочку, на тонкие ручки, стянутые слишком узкими рукавами. Матиас спустился в гараж, дотянулся до полок, до альбомов, забрал свои фотографии, и никто этого не видел.

Сандрина им гордится, гордится вопреки своей книжке о детях, в которой утверждается, что скрытность — плохой знак. Чтобы сделать такое, надо исхитриться, надо быть очень ловким, в этом доме трудно что-то сделать незаметно.

Не глядя на нее, Матиас как-то странно перемещается по комнате; он запаниковал и позволил ей войти, но ему неприятно ее вторжение; а ведь она никогда не повышает на него голоса, и ей непонятно, чего он боится, а потом до нее доходит: он хочет встать между ней и фотографиями, он разрешил ей войти, забыв, что они тут лежат. Неужели он опасается, что она накажет его? Отругает за то, что он без спросу взял фотографии и припрятал?

— Какие хорошие фотографии, — говорит Сандрина как ни в чем не бывало, и явное напряжение, охватившее ребенка, мигом исчезает. Она не сердится, и он успокаивается.

Она приближается к нему, под ногами что-то хрустит — это мешок для мусора. Одежда, из которой Матиас вырос, выстиранная и

сложенная, хранилась в шкафу в коридоре, но Матиас извлек ее из шкафа и из мешка.

— Тебе немного маловата эта футболка. Эй! Я жду. Что скажешь, мой хороший?

— Я хочу, чтобы она меня узнала, — тихо-тихо отвечает Матиас.

Сандрина приседает, в нерешительности смотрит ему в глаза:

— Понятно. Понятно. И... ты уже выбрал, в чем будешь завтра?

Матиас склоняет голову, указывает на дракона.

— Как хочешь. Отлично. Может, уберем остальное? Твой папа... для него это тоже очень непросто, может быть, лучше, чтобы ко всему прочему в доме не было такого бардака? Вдруг мама захочет посмотреть твою комнату?

Они вместе все собирают и складывают. У Матиаса не сразу получается. Обычно Сандрина сама занимается его вещами, но он быстро схватывает, его движения обретают четкость, и в итоге перед ним вырастают аккуратные стопки футболок. Теперь их можно уложить в темно-зеленые мешки для мусора и вернуть в стенной шкаф в коридоре.

— Как будто ничего и не было, — говорит Сандрина и спускается вниз: пора приниматься за запеканку.

Он во дворе; стоя спиной к дому, размеренными движениями стрижет живую изгородь. На миг он поворачивается в профиль, и Сандрина видит, как хмурятся его брови и как сильно напряжены шея и плечи. Когда Матиас появляется на кухне, она сознает, что ее мысли уже давно унеслись куда-то вдаль, а сама она, застыв перед раковиной, невидящими глазами смотрит в окно. Малыш снова в той футболке, что была на нем с утра, в футболке без дракона, по размеру, и надо очень внимательно взглянуть в его лицо, чтобы различить на нем признаки нетерпения. Сандрина чуть не плачет. Теперь она прекрасно знает, каковы ее мужчины. А ведь ей так хотелось принести им счастье. Что ж, остается лишь мечтать, чтобы это не стало для нее концом, расторжением брака в одностороннем порядке, чтобы с ней не поступили, как с дефектной моделью, подлежащей возврату. Она чувствует, что уже на грани, ей хочется сделаться злой, эгоистичной, хочется думать только о себе, но каждый раз, когда Матиас задевает ее или стоит рядом и до нее доносится исходящий от ребенка аромат мыла и выпечки, она сдается. Она хочет одного: чтобы он не страдал.

Странный ужин, можно подумать, что это самая обычная суббота, а ведь завтра они откроют дверь и впустят в дом неизвестное, неведомое, крушение их хрупкого счастья. Сандрина не отрывает глаз от Матиаса. Перечеркнуть, склеить, восстановить нельзя, долгие месяцы он был сиротой без матери, больше года, почти два, как такое можно исправить? Возвращение, которое берedit его раны, вызывает тревогу в его птичьих повадках и страх, который целиком отразился в простых вопросах: «А что, если она меня не узнает? Что тогда? Она все равно будет моей мамой?» И как его сердечко переживет второе исчезновение матери? Сандрина заводит разговор о шоколадном пироге на завтрашний обед, она надеется, что отец Матиаса подхватит его, скажет, что он думает, чего опасается, но слышит: «Они должны приехать к двенадцати» — и больше ни слова.

Вечер у телевизора тянется долго и мучительно. Дождь так и не пошел, а небо все так же хмурится. Пульт у него, и ему все не нравится, все неинтересно; он не дает посмотреть документальный фильм, который увлекает Сандрину и Матиаса, переключает каналы все чаще и чаще. Матиас сидит между ними, прижав ноги к груди и уперев подбородок в колени; когда его отец говорит о фильме: «Какая фигня», мальчик еще сильнее прижимает колени к груди, и по его пустым глазам Сандрина видит, что он ушел куда-то в себя, где сам себе по секрету что-то рассказывает. Она смотрит на его ножки, на пальчики, обтянутые носками.

Отвергается еще одна передача, наконец отец говорит:

— Ладно давайте вашу документалку.

Он находит нужный канал, и в этот момент голос за кадром подводит итог: «...в ближайшие годы» — затем идут финальные титры.

— Ну вот, уже конец! — Отец возмущен так, как будто это их вина. — Иди спать, Матиас.

Мальчик опускает ноги на пол и спешит в свою комнату.

— А где «спокойной ночи»? — звучит ему вслед низкий голос.

Ребенок застывает, упираясь взглядом в носки, говорит:

— Да, спокойной ночи.

— Ступай, — разрешает отец; он негодует; весь мир негодует, и сумеречное небо наваливается всей своей тяжестью на уже давший трещину дом.

Хорошо бы унять его раздражение, думает Сандрина, но как? Он все время отмалчивается, уклоняется от разговора, ясно, что он не желает обсуждать ни завтрашний день, ни вчерашний, ни тот, когда по телевизору показали его первую жену, и Сандрина не хочет настаивать. Она спрашивает наобум:

— Может, чаю?

И немедленно получает резкий окрик:

— Это ты мне?

Сандрина колеблется. Ей кажется, что снаружи по плиткам террасы стучат капли дождя — неужели пошел? Она говорит:

— Да, а кому же еще. — И пытается усмехнуться, как будто это всего лишь шутка, но она знает, что это не так.

— А-а... наконец-то ты вспомнила, что я тут живу, а то я уж думал, что я в чужом доме, в гостях. — Он цедит слова сквозь зубы, швыряет пульт на мраморный пол, встает с дивана и идет к лестнице.

Сандрину берет оторопь, она восклицает:

— Подожди, не уходи, что с тобой?

Он не останавливается, он поднимается вверх и чуть ли не кричит:

— Сколько раз повторять: дверь должна быть открыта! — Потом идет дальше, и все.

Внезапно на Сандрину наваливается усталость; напряжение отняло у нее все силы. Снаружи только теплый ветер, гроза так и не разразилась. Она опускается на пол, собирает части пульта, вставляет выскочившие из него батарейки. Теперь надо подняться, поправить подушки на диване, разобрать посудомойку. Каждая нога весит не меньше тонны, но она делает все, что полагается, и благодаря повседневным обязанностям избавляется от боли и тревоги, повторяя про себя: «К тому времени, когда я приду в спальню, он уже успокоится и мы сможем поговорить».

Но когда она все заканчивает, принимает душ и заходит в спальню, он лежит недвижимо, отвернувшись к стене, и Сандрина засыпает с ожиданием бури.

7

Она просыпается на рассвете. Небо по-прежнему черное, а сад изнемогает от жажды. Дождь так и не пролился; сквозь сон она различала короткие вспышки молний и раскаты грома, и небо представлялось ей громадной бесплодной и немой утробой, способной разродиться лишь тихим урчанием.

Спускается на кухню, с опаской открывает кофе, и к горлу тут же подступает тошнота: опять этот отвратительный запах тунца. Наверное, надо показаться врачу. Может, с ней что-то не так, что-то серьезное, откуда это извращенное восприятие запахов? Опухоль мозга — вот что у нее такое. Она ослабеет, зачахнет, сделается смертельно бледной, как героиня классического романа, и они оба, ее мужчины, придут к ней в больницу — навестить. Любящие руки будут сжимать ее исхудавшие пальцы, «Я люблю тебя, я тебя люблю, не умирай», — скажет каждый из них, и она с последним вздохом прошепчет: «Будьте счастливы...» — и оставит их первой жене. Но они никогда ее не забудут, обольют слезами ее смертное ложе, думая про себя, что она нужна была им для счастья, и первая жена, та, которая вернется и завладеет и домом, и обоими мужчинами, сделается навеки второй. Это о ней, о Сандрине, они будут сожалеть; ее фотография будет стоять в желтой рамке, и она глазами загадочной Сфинкс изо дня в день будет следить за каждым шагом Каролины. И первая жена содрогнется, ей будет не по себе, этой самозванке, которой позволили жить в ее собственном доме. И тогда, только тогда, они будут на равных. Первая станет второй, вторая — первой.

Сандрина пьет чай, ежится, бюстгальтер жмет и врезается в тело. Похоже, она опять поправилась. Мысль пролетает мимо невесомым перышком. Раньше она бы вся напряглась, запаниковала, растерялась, но как сбить с ног того, кто уже и так стоит на коленях, тяжело барахтаясь в волнах зыбучего песка? Случившейся катастрофы оказалось довольно, чтобы перестать считать себя уродиной, чтобы все ушло, чтобы наконец-то сделалось безразлично, сколько места ее тело крадет у этого мира. Да, освобождение совсем безрадостное, и она вспоминает бабушку, какой та была отстраненной, перед тем как улететь в неведомые края: оболочка тут, а глаза все дальше и дальше. Может, она, Сандрина, и в самом деле умирает, умирает от неудавшейся любви? Думая об этом, она позволяет себе погрузиться в болезненные видения: у нее будет инсульт, ее муж спустится, найдет ее

распростертой на полу, позовет на помощь, но все будет напрасно. Который час? Семь пятьдесят две. Время есть, если insult случится прямо сейчас, до того мгновения, как первая жена постучится в дверь, ее, Сандрину, уже успеют увезти. Она вздыхает и ставит свою чашку в посудомойку. От чашки несет лакрицей, обычно она не выносит этого запаха, но в последнее время такой чай — это единственное, что она может пить. Да, определенно, insult на пороге.

Ладно, хватит уже. Она достает из холодильника масло, смешивает муку и сахар, и, когда Матиас появляется на кухне, пирог уже в духовке.

Малыш заглядывает в раковину, смотрит, не осталось ли в миске тесто. Сандрина готовит для него с удовольствием и знает, как он любит вылизывать остатки. Это помогает ей не съесть их самой: гораздо проще себя урезонить, если хочешь сделать приятное ребенку, но в это утро разводы теста не внушили ей никакого желания, а сильный запах топленого шоколада она даже не почувяла — была слишком занята, воображая себя бледной и неподвижной, в пиджаке прекрасного покроя и шелковой блузке, в великолепном гробу.

Она еще не залила миску водой, чтобы отмочить. Сует руку в раковину и вытаскивает ее. Держи, сладкоежка, сырое тесто — это все, что ты хочешь на завтрак? Он кивает, да, так и есть, и уже облизывает вымазанный в тесте палец. Сандрина замечает, что волосы, окружающие личико вороненка, слегка влажные. Он уже оделся и умылся, хотя обычно по выходным спускается на кухню в пижаме. Сандрина видит на нем желтую футболку с динозавром, ту, вчерашнюю, которую он приготовил, чтобы мать узнала его. У Сандрины сердце разрывается, и ее не может утешить даже улыбка, которую между двумя порциями теста дарит ей обычно далеко не щедрый на ласку Матиас.

На улице серо и сыро, небо по-прежнему предгрозовое. Может быть, муж захочет, чтобы она накрыла аперитив на террасе? Ведь ему нравится показывать свой безупречный сад, аккуратные ряды цветов и идеальную живую изгородь. Эту изгородь он кромсает каждую субботу, кромсает до тех пор, пока листья не перестают упрямиться и не выстраиваются в ровную линию.

Когда стрелка часов приближается к десяти, Сандрина запускает кофемашину и просит Матиаса понюхать:

— Чем пахнет, как по-твоему?

Он колеблется:

— Кофе? Нет? — Как будто она задает вопрос с подвохом.

— Да, спасибо, я просто хотела проверить.

Ставит чашку и тосты на поднос и поднимается на второй этаж.

Сгорбившись и спустив ноги на ковер, ее мужчина неподвижно сидит на краю постели. Как будто он хотел встать, но застыл в нерешительности, раздавленный тем, что ему предстоит. Его голова медленно приподнимается. Неожиданно луч солнца, чуть ли не рукотворный в своей силе, проникает сквозь стекло и рисует у него на лице причудливые тени; впадины и кратеры похожи на пропасти сомнения и гнева. Сандрина пятится, отступает, говорит: «Я принесла кофе». Он проводит рукой по лбу, как будто хочет пробудиться ото сна, вырваться из кошмара; солнце прячется за тучу, и когда его большая, резких очертаний ладонь опускается, Сандрина видит в его глазах отчаяние. И узнает мужчину, который умеет плакать.

Она ставит поднос на комод и, распахнув руки, подходит к нему. Он припадает к ее животу в позе потерявшегося ребенка, в позе, которая его так расслабляет и нежит, и говорит:

— Это какой-то кошмар, кошмар, я не знаю, что делать.

Сандрина гладит его голову, плечи; он тоже предвидит минуту, когда все станет неоспоримой явью, когда уже нельзя будет запереть первую жену в шкатулке умолчания, спрятать подальше от глаз и тем самым позволить им жить дальше, как прежде; да, конечно, первая жена, которую он давно перестал ждать, вернулась из небытия, но только когда она войдет в его дом, она окончательно обретет плоть и кровь, ее жизнь сделается настоящей, а присутствие — неотвратимым. Может быть, первая жена видится ему черной тучей — черной тяжелой грозовой тучей, которая надвигается на них, готовая обрушиться ураганом, готовая разнести все, что они создали, что воссоздали все втроем.

Она продолжает молча гладить его. Муж ненавидит показывать свою слабость, она это знает. Советовать рискованно, это все равно что навязывать, порядочные жены так никогда не делают, но ведь она уже почти изгнанница, сосланная за границу этой семьи. Она думает, что он любит ее, но уверенности в его чувствах нет никакой; она видит

себя на тонкой ветке, которая вот-вот сломается; сломается, и злая сила унесет ее далеко-далеко, далеко от мужа, от ствола, питавшего ее.

Тем временем он берет себя в руки, приступ паники остается позади, и оба не скажут о нем ни слова.

Она говорит:

— Я вчера погладила твои рубашки, они висят в прачечной, но я могу их принести, если хочешь, или, может, ты хочешь сам выбрать? Может, ты хочешь, чтобы я накрыла стол на террасе?

Он отрывается от нее и встает; без одежды он всегда кажется ниже ростом, и всякий раз она вспоминает то, что ее мозг упорно отвергает: она выше на несколько сантиметров. Он делает глоток кофе, гладит ее по щеке. У нее по телу бегут мурашки, она прижимает руки к груди. У нее такое ощущение, будто она сдала тест, будто кофе и рубашки были ее форой и она ею воспользовалась. Главное, не подать виду, что решаешь за него, дать ему время снова надеть на себя маску мужчины, притвориться, что не видела его сомневающимся, голым.

— Да, — говорит он наконец, и изо рта у него пахнет кофе. — Голубая там?

— Да, да, голубую я тоже постирала. Подожди, сейчас принесу.

Она уже подходит к лестнице и заносит ногу над первой ступенькой, когда он громко кричит ей вслед:

— Нет, накрывай в доме, будет дождь.

Незадолго до полудня они слышат на улице шум мотора. Стол уже давно накрыт. Сандрину полностью поглотило выравнивание скатерти и приборов. Она пытается устроить прием по случаю важного события, но не праздничный. Это должно быть что-то вроде поминок — неотчетливо крутится у нее в голове; да, так и есть, для нее это похороны, и с самого утра ей кажется, что каждое ее движение, каждая мелочь, сделанная по дому, — это гвоздь в крышку ее собственного гроба.

Звонок застает Сандрину у раковины на кухне, и ослепительная молния разрезает небо прямо над липой на краю сада.

Она снимает фартук и остается в своем офисном костюме, который заставляет ее держать осанку, чувствовать себя подтянутой; если она надевала его в воскресенье, он обычно возмущался. Конечно, ведь он предпочитает, чтобы она одевалась иначе — носила светлые вещи, блузки в цветочек; но в этот раз он промолчал, может, даже и не

заметил, ему было не до того, он долго выбирал вино, потом вышагивал по гостиной, выискивал пыль там, где ее не бывает, и все это время немая Каролина в желтой рамке не спускала с него глаз.

Матиас, который сидел на своем любимом месте в гостиной — в уголке между креслом и окном, машинально рассматривая картинки в книжке про птиц, вскакивает и несется к двери.

Еще одна вспышка молнии освещает гостиную, час назад так потемнело, что они никак не могли решить, включать свет или нет. Сандрина, глядя на Матиаса, думает: вот что такое молниеносная скорость, она с таким никогда прежде не сталкивалась, и вот увидела, как с *молниеносной скоростью* мальчик мчится к своей наконец-то вернувшейся матери.

— ПОДОЖДИ! — кричит отец, и Матиас встает как вкопанный, протянув руку к двери. Ему так не терпится, что он стонет и оборачивается — Сандрина в жизни не видела столь ясно читаемого выражения мольбы на лице, — но отец хватает его и отодвигает в сторону. Он сам открывает дверь

— Ах! — вскрикивает Матиас с удивлением и волнением и прикрывает ладошками рот.

За дверью не Каролина, а двое полицейских, тех же самых, что уже приходили к ним в дом. О, наверное, они попали в ДТП, думает Сандрина. Машина с Анн-Мари, Патрисом и Каролиной по дороге сюда опрокинулась в кювет. Ну что же, прекрасно, это гораздо более милый сценарий. Она, Сандрина, хорошо относится к родителям первой жены, но это очень серьезная авария и сейчас им объявят: «Они все погибли на месте, они не страдали»; такое иногда случается в фильмах и книгах; там полицейские так и говорят: «Они умерли мгновенно, даже ничего не почувствовали».

Сандрина вешает фартук в шкафчик в кладовке, на специальный крючок — каждая вещь должна быть на своем месте. Она совершенно спокойна, безучастна, ей все равно, и лучше не придумайшь. Полицейские что-то говорят, Матиас топчется на месте, рука его отца упирается в дверной косяк, Сандрина продолжает думать: «Если бы они все разом погибли, наверное, нам было бы проще»; но ее муж отступает в сторону и освобождает проход. Следом за полицейскими появляется Патрис, за ним Анн-Мари. На пороге она оборачивается и машет рукой хрупкой женщине, чей силуэт застыл посреди аллеи.

Все сгрудились в прихожей и расступились, давая этой женщине пройти, это как неспешная волна, набегающая на берег, а за волной идет она — Каролина.

Худенькая, темноволосая, в джинсах и белой футболке, в черных балетках... Она делает несколько шагов и как будто что-то ищет, потом ее глаза останавливаются на Матиасе, закусившем пальчики во рту.

— Матиас, это ты... — говорит Каролина с некоторой неуверенностью, и вместо ответа он подлетает к ней и прижимается с такой силой, что его пальцы, обхватившие джинсы матери, белеют от напряжения, а лицо полностью скрывается у нее между ног.

Та, наклонившись, гладит головку маленького вороненка.

Сандрина смотрит на мужчину, с которым она живет, — на мужа Каролины, она видит его спину, плечи, руки и с этого внезапно и неожиданно возникшего расстояния замечает, до чего скованы все его жесты. Если он сейчас подойдет к Каролине и обнимет ее, то, может быть, сама она, Сандрина, рухнет как подкошенная и сдохнет прямо тут немедленно. Стоит ни жива ни мертва, но он не делает ни одного движения, он даже не протягивает руки женщине, которая не глядит в его сторону, довольствуется тем, что обходит ее и закрывает наружную дверь. Все мнутя в замешательстве, полицейские топчутся на месте, даже родители Каролины, которые тысячу раз бывали в этом доме, не осмеливаются пройти в гостиную и присесть.

Каролина не может пошевелиться из-за Матиаса, человечка-присоски, скулящей пиявки; наконец ей удается извернуться и наклониться к нему, она шепчет что-то ему на ухо, спрашивает:

— Может, сядем? Эй, Матиас? Ну же!

Малыш слегка отпускает ее, она подходит к дивану, но он и там усаживается ей на колени и снова прилипает.

Сандрина поздравляет себя с тем, что ничего не чувствует. Все эти дни она готовилась к худшему, твердила себе, что все кончено, и это сработало, а иначе при виде Матиаса, до краев переполненного любовью, она бы обязательно расплакалась, ведь за все это время она не получила от него ничего, кроме вежливого безразличия, в лучшем случае — молчаливое согласие на ласку, редко взаимную. При всей странности происходящего Сандрина делает, что положено: она берет поднос с тартинками из белого хлеба и входит в гостиную.

Анн-Мари вежливо улыбается, завидев ее в роли прислуги, и даже приподнимается навстречу.

— Здравствуй, Сандрина, погоди, я помогу.

Но Сандрина говорит:

— Нет, что вы, Анн-Мари, не стоит. — И ставит поднос на журнальный столик.

Затем молча ждет, что ее представят первой жене, а та смотрит на нее с выражением, которое невозможно понять.

Кажется, время остановилось. Патрис смотрит на Сандрину, Анн-Мари — на Каролину, Каролина — на Матиаса, полицейские — на его отца. Наконец отец Матиаса выходит из оцепенения; оторвавшись от пятна на полу за диваном, он смотрит на Сандрину и говорит:

— Это... это нормально, что ты ее не помнишь, это Сандрина... она, я встретил ее после твоего, после того как ты... она живет с нами с недавнего времени... — Потом, поколебавшись, добавляет: — Она очень ласкова с Матиасом.

Анн-Мари и Патрис дружно кивают, и Каролина отвечает только:

— А, хорошо, добрый день, Сандрина.

Неловкость никуда не исчезает, но Сандрина не обращает внимания на тяжелую атмосферу и старается по возможности превратить нелепую встречу в нечто не выходящее за рамки обыденного.

Она идет на кухню за подносом со стаканами, соками, вином и пивом; за окном шумит дождь; потом подает блюда с арахисом, рулетики из слоеного теста с сосисками, а тем временем слово за слово с большим трудом начинается разговор.

Говорят о странной погоде и дожде, который должен был зарядить с самого утра, но нет, вот только-только пошел. В конце вступает Каролина:

— Мне очень жаль, думаю, вы ждете объяснений, особенно ты, Матиас, но я ничего не помню, и следствие еще продолжается, надеюсь, когда-нибудь выяснится, что же со мной случилось.

Матиас смотрит ей в глаза и говорит:

— Но меня, меня-то ты узнаешь, мама?

Каролина гладит его по щеке и улыбается — мило, широко и тепло, но ничего не отвечает, она отворачивается и смотрит на полицейских.

Женщина-следователь переводит взгляд на Матиаса и говорит, что, может быть, ему лучше пойти в другую комнату, но Матиас не слышит,

он безразличен ко всему, кроме своей матери.

Каролина кивает и спрашивает:

— Ты не хочешь показать мне... — И, спохватившись, продолжает: — Хочешь, мы пойдем поиграем в твою комнату?

Она забыла этот дом, думает Сандрина. Вспомнила ли она Матиаса?

Пока они вдвоем поднимаются по лестнице, Сандрина раздает напитки. Женщина-следователь от вина отказывается, выбирает газированную воду. Она начинает говорить, и Сандрина сколько угодно может рассматривать ее. Теперь видно, что она не так молода, как показалось поначалу, но в ее лице и резких движениях есть немалая энергичность. На ней кожаная куртка и светло-серая футболка, и сквозь расстегнутые полы куртки видно, что ткань под мышками потемнела от пота. Сама Сандрина никогда не носит футболок, легкая одежда вообще не для нее при таких-то телесах, и она никогда не допустит, чтобы другие видели, как она потеет. Однако эта женщина абсолютно уверена в себе, подобной уверенности ей, Сандрине, в жизни не достичь.

Когда Каролина и Матиас достигают скрипучей ступеньки, Сандрина открывает бутылку с фруктовым соком так неловко, будто ее тело решило подтвердить этот приговор.

Женщина говорит, что следствие по делу об исчезновении Каролины было закрыто, но Анн-Мари и Патрис уговорили дочь снова подать заявление, в котором написано, что на нее было совершено нападение; возможно, ее хотели убить. Они с коллегой взялись вести это дело, поскольку уже занимались предыдущим, сразу после исчезновения.

Полицейская не сводит глаз с Сандрины, смотрит на нее в упор, но без осуждения, однако Сандрина не привыкла смотреть людям в глаза — привыкла прятать их, опускать. Она всегда настороже, как травоядное животное, и как быть с этим прямым, пристальным взглядом, она не знает. Такое чувство, что следовательница ждет от нее показаний или же она ее от чего-то предостерегает. За окном капли дождя падают на террасу, на газон. Когда женщина наконец переводит взгляд на мужа Каролины, Сандрина с облегчением позволяет себе посмотреть в окно. Дождь — нет, ливень — ударяется о бетонные, с примесью мелкой гальки, плиты и, разлетаясь в разные стороны,

пропитывает влагой тщательно постриженную траву. Но Сандрина все слышит — слышит, как Анн-Мари поясняет, что в Италии ее дочь наблюдалась у психотерапевта, а после возвращения во Францию ее осмотрели специалисты в Питье-Сальпетриер... и ей посоветовали... в Париже ей посоветовали... найти кого-то здесь, поблизости... чтобы вновь обрести память. Хотя Анн-Мари говорит с паузами, в голосе ее нет ни малейшего сомнения в том, что ее дочь целиком и полностью восстановится — это неизбежно произойдет; Патрис проводит рукой по губам, подбородку и смотрит себе под ноги; у него вид не столь уверенный. «Ах да», — добавляет полицейская, и тут раздается какой-то шорох. Сандрина отрывается от окна и видит, что дама в пропотевшей футболке протягивает Анн-Мари лист бумаги. Здесь имена психотерапевтов, которых рекомендует специалист, сотрудничающий с полицией, говорит женщина в куртке. Разумеется, выбирать должна сама Каролина, вмешивается Патрис, мы сделали бы это за нее, если б она не могла решать, но это не так, у нее нет явных психических отклонений, она только не может вспомнить, что произошло.

Фраза повисает в воздухе; Анн-Мари прижимает пальцы к губам, и Патрис берет ее за руку, повторяя:

— Да в этом все дело. Специалисты говорят, что это может... что память, может быть, вернется, но пока — нет, наша Каролина ничего не помнит. — Затем Патрис смотрит на мужчину, который снова стал его полноценным зятем, и повторяет: — Она ничего не помнит.

— Совсем ничего? — переспрашивает зять, который одновременно продолжает оставаться мужем Сандрины. — Она совсем ничего не помнит?

Анн-Мари говорит:

— Какие-то мелочи начали всплывать после того, как мы приехали к ней в Париж. Детские воспоминания... И еще одно очень четкое воспоминание: когда она вернулась домой, в нашу квартиру, она вспомнила день, когда получила водительские права. Она потому и поехала с нами, что узнала нас, своих родителей. Но мне очень-очень жаль, тебя она не помнит.

Все поворачиваются к Сандрине, и она понимает, что вслух задала вопрос:

— А Матиаса?

Анн-Мари хриплым голосом говорит:

— Нет, она не помнит даже Матиаса. В больнице, где она находилась, врачи сказали, что у нее был по меньшей мере один ребенок. Она очень хотела его увидеть. Она думала, что уж это она обязательно вспомнит... материнский инстинкт...

Сандрина снова отворачивается и смотрит на сад. В материнский инстинкт она не верит. Однажды они с Матиасом смотрели документальный фильм, там говорилось, что самка может не признать своего детеныша, принять его за чужого, даже бросить его умирать, если запах покажется ей незнакомым. Чтобы узнать об этом, Сандрине никакие фильмы не нужны, ей хватило собственной матери. Зато Матиас слушал голос за кадром, замерев, и, когда на экране появилась обезьяна, прижимающая к груди детеныша погибшей самки, Сандрина сказала: «Ты это видел, Матиас?» И не посмела добавить: «Это совсем как мы с тобой».

— Анн-Мари, вы думаете, она узнала своего сына? — спрашивает мужчина-полицейский. Он редко открывает рот. Голос у него ровный. Мягкий, приятный.

— Нет, не думаю, — говорит Анн-Мари и всхлипывает.

Патрис прижимает ее к себе и говорит:

— Все будет хорошо, все наладится, Нини, она уже здесь, с нами, разве это не чудо? Ну что ты? Ну что ты, Нини, дорогая, если она узнала нас, то нет ничего невозможного.

Сандрина сидит на табуретке, ей не хватило места на диване или где-либо еще, и в это мгновение ей очень хочется, чтобы муж тоже обнял ее и сказал: «Все будет хорошо, все наладится», но нет, он слишком подавлен, устался в пол, сцепив пальцы.

Раздается скрип, все поднимают голову: по лестнице спускается Каролина. Анн-Мари высмаркивается, они с Патрисом успевают немного отодвинуться друг от друга, пока их дочь одолевает последние ступеньки. Все лица обращены к ней, все ждут, и она, скрестив руки на груди, говорит:

— Он уснул чуть ли не на полуслове, думаю, для него это слишком.

Сандрина еле слышно поясняет:

— Да, он плохо спал этой ночью.

Каролина пытается улыбнуться:

— Я тоже. — Потом она достает из заднего кармана джинсов слегка помятую пачку сигарет. — Ничего, если я покурю на улице?

В ответ — тишина. Муж Каролины по-прежнему молчит, он в шоке, и Сандрина сглаживает момент:

— Конечно, идите, вы не промокнете, если постоите у стены под навесом.

Женщина-полицейский встает, засовывает руку в карман куртки и говорит Каролине:

— Я с вами.

Застекленная дверь движется в одну сторону, потом в другую. Сандрина идет включить духовку — пора подогреть курицу. Из окна кухни она не видит ни Каролину, ни следовательницу, они прижались к стене. Но видит их руки. То одна рука поднимается, то другая, сигарета подносится ко рту, вдох, постукивание по фильтру. У Каролины кисть маленькая, загорелая, с недлинными пальцами и коротко остриженными ногтями. У полицейской кисть крупнее, сильнее, ногти у нее тоже короткие, слегка пожелтевшие от табака. Окно приоткрыто, и Сандрина слышит, как они переговариваются. Слышит и то, что в гостиной мужчина-полицейский ровным голосом пересказывает и так всем известные факты — про день, когда пропала Каролина, про недели безрезультатных поисков, про овраг на краю поля. Он уверяет, что они тогда прошли по всем следам. Сандрине нет нужды слушать это снова, ей все это рассказывал муж, и пока она моет листья салата, прислушивается к женским голосам, раздающимся снаружи.

— Как вы? — спрашивает полицейская.

— Неплохо, только очень странно, — отвечает Каролина. — Я надеялась, что, увидев все это... это...

Голос обрывается, и женщина-полицейский говорит что-то подбадривающее, уверяет, все наладится.

Сегодня все как один говорят «все наладится», потому что все идет наперекосяк, думает Сандрина.

— В самом деле ничего? Совсем ничего? — снова спрашивает женщина спустя несколько мгновений.

— Ничего, — отвечает Каролина. — Его лицо, запах... ничего. Я хочу сказать, да, это мой сын, я вам верю, но я этого не знаю, то есть знаю, но это как если бы... я путаюсь, не знаю, как объяснить...

— Понимаю, — говорит женщина, — да, я понимаю. Это начало сложного процесса, Каролина. Я не психотерапевт, но я говорила со специалистами из центра, когда мы вместе с вашими родителями приехали в Париж. Они сказали, что не могут ничего обещать, что нужно время. То, что вы вспомнили своих родителей, это хороший, очень хороший признак. Как вы хотите пока все организовать?

Молчание, выдох, облачко дыма, и Каролина говорит:

— В любом случае я хочу остаться у родителей. Они так тоже считают. Все так считают... И я хочу сказать в ответ на ваши мысли, что этого мужчину я тоже совсем не узнаю, и к тому же здесь теперь другая женщина.

Это о ней. Каролина говорит о Сандрине. Они говорят о ней.

Сандрина ждет.

Каролина добавляет:

— И он почти все время молчит, можно подумать, что он тоже меня не узнает.

По ходу разговора у женщины-полицейского нашлось для Каролины несколько любезностей, она говорит мягко — это совсем не тот голос, что звучал в гостиной, — и Сандрина думает, что и сейчас следовательница найдет подходящие слова. Скажет: ну да, для него это тоже шок, я его понимаю, он был очень взволнован, когда узнал, что вы нашлись, или что-то в этом роде, но нет, она молчит. Еще несколько облачков дыма. Тишина. И наконец она произносит:

— Мы это уже обсуждали, Каролина. Я была с вами откровенна во всем, что касается вашего... исчезновения. Вы знаете, что я думаю о вашем муже. Бывшем муже. Я тоже думаю, что будет намного лучше, если вы предпочтете держаться от него подальше.

Сандрина напряглась. Каролина не сказала, что ей лучше остаться у родителей, она сказала, что это то, чего она хочет. И кто это *все*, кто тоже так считает? Ее родители? Полицейские? Психотерапевты центра, откуда ее забрали?

Салат уже вымыт. За окном не знают, где затушить сигареты. Наконец дверь распахивается, Каролина входит с двумя окурками в руке, она заходит в кухню с вопрошающей улыбкой. Сандрина говорит «да» и указывает на мусорный бак рядом с холодильником.

Каролина выбросила окурки и подошла к раковине:

— Можно я помою руки?

Сандрина отвечает:

— Да-да, конечно! — И отодвигается, забрав сушилку для салата.

Каролина решительно намыливает руки, ополаскивает их, потом открывает шкафчик под раковиной, в котором хранятся полотенца. Сандрина ошеломленно наблюдает за ней. В этом доме ничего не валяется где попало, он этого не любит. Полотенца всегда лежат в этом шкафчике, и когда у них гости, обязательно кто-нибудь с мокрыми руками спрашивает: «А где можно?..» Но Каролина знает, определенно *знает*, где найти то, что нужно.

Она закрывает дверцу, коротко улыбается Сандрине и идет в гостиную. Там она ловко проскальзывает между журнальным столиком и диваном, и Сандрина снова ловит себя на том, что повадки Каролины кажутся ей змеиными. Женщина, которая так мало говорит, женщина гибкая, словно угорь... Она лжет. Наверняка хочет что-то захватить, что-то украсть.

Каролина садится рядом с матерью, это видно из кухни. Рассматривает своего мужа, явно пытаясь привлечь к себе его взгляд. Он поднимает голову, коротко смотрит на нее, стискивает пальцы, оборачивается в сторону кухни и командует: «Пора садиться за стол». Сандрина кивает. Она пытается улыбнуться своему мужчине, подбодрить его, но, похоже, все, на что способны ее губы, это гримаса, отнюдь не похожая на улыбку. Внезапно ей делается жарко, она ставит салатницу, которую только что наполнила, и хватается за край столешницы. Тянется к крану, повторяя про себя: «Пить, пить, это поможет...» — но вдруг все делается белым-бело.

Спустя месяцы, а может, спустя секунду, она открывает глаза. Мужчина-полицейский поддерживает ее голову, а Каролина приподнимает ей ноги. Каролина была медсестрой. То есть она училась на медсестру. Начала учиться до того, как встретила своего мужа, а после не захотела возвращаться на курсы, потому что любила заниматься домом. Да и Матиас родился. Сандрина все это знает — так рассказывал муж в самом начале их жизни, чтобы не было вопросов и чтобы больше не заводить об этом разговор, потому что, как поняла Сандрина, ему было больно вспоминать. Еще Каролина могла бы стать ветеринаром, но у нее были проблемы, она сомневалась в своих силах, — так сказала Анн-Мари, когда они вдвоем пили кофе, пока мужчины во дворе любовались новой машиной, а Матиас играл с

солдатиками. У мальчика была особая манера игры: пластиковые солдатики у него по большей части страдали от ран, потому что на них напали. И он их укладывал, укутывал, укачивал — так девочки играют со своими куклами. Анн-Мари, заметив это, поделилась воспоминанием о своей дочери — рассказала о великодушии Каролины, о ее предрасположенности к заботе и уходу, о том, как она любила животных. «Этому мальчишке нужны куклы, смотри, как он обращается со своими солдатиками!» Сандрина рассмеялась: «Его отец никогда такого не одобрит!» Анн-Мари ответила на это: «Да, правда...» — и больше уже не улыбалась.

С собакой была та же история. Матиас любит собак, а собаки любят Матиаса, это очевидно. При виде любой собаки глаза Матиаса становились огромными. В это невозможно поверить: *все* собаки любят Матиаса. От мелких шавок до огромных алабаев. Они подбегают к нему на улице, лизут руки, бодают, требуя погладить. На прогулках, когда они выходят втроем, это почти комедия. Собака улыбается Матиасу, как умеют улыбаться собаки, потом видит его отца и рычит, шерсть встает дыбом. Радость и злоба, злоба и радость. Увидев такое впервые, Сандрина сказала: «Да это же готовый цирковой номер!» Но, разумеется, ее муж был непоколебим: никаких собак в доме. Причем Анн-Мари и Патрис готовы были взять на себя все расходы и купить породистую собаку, потому что поначалу отец Матиаса говорил: «Ну нет, вы возьмете дворнягу неизвестно откуда. А вдруг пес больной, заразный?» Тогда они предложили купить спаниеля или сеттера, с родословной, с прививками, все как полагается, но отец сказал: «Нет, он с собакой возиться не станет, собак надо выгуливать, от них шерсть по всему дому... У Сандрины прибавится хлопот». Сандрина приподняла брови, вот уж не думала, что станет предлогом; она бы предпочла, чтобы они с мужем обсудили это между собой. Но, с другой стороны, дорогуший пес мог проникнуться отвращением к главе семьи, вот тогда да, это и вправду было бы непросто. «А если вам самим взять собаку?» — предложила она старикам, чтобы найти компромисс. И теперь у Анн-Мари и Патриса есть пес, который безумно любит Матиаса и всеми силами ненавидит его отца, чего и следовало ожидать. Анн-Мари и Патрис, особо не раздумывая, выбрали в приюте дворнягу неизвестных кровей и ни о чем не жалеют. Когда Сандрина привозит к ним Матиаса, то назад забирает

счастливого, пахнувшего псиной ребенка с испачканными после игр на воздухе коленками; полуовчарка-полуузнамокто по кличке Пикассо вылизывает мальчика, заставляя его позабыть об обычной сдержанности... Эти быстрые живые картинки мелькают в голове Сандрины, когда она открывает глаза лежа на полу кухни.

Она возвращается к жизни при ослепительно ярком свете. Вокруг обеспокоенные лица, а на заднем плане ее раздраженный муж не выдерживает и говорит:

— Хватит, дайте ей отдышаться.

Каролина осторожно опускает ее ноги на пол.

Полицейский говорит:

— Вроде бы никакой серьезной раны нет, но из головы сочится кровь.

Он отходит, и его место занимает мужчина, с которым Сандрина живет, ее муж. Опускается рядом с ней на колени, спрашивает, как она. Сандрине нравится, что он обеспокоен, она рада, что он наконец-то вышел из оцепенения. Помогает ей сесть, говорит:

— На голове ничего не видно.

Она ощупывает свой череп и не находит даже шишки, только локоть слегка побаливает.

— Все хорошо, — говорит она. — Если хочешь, мы можем сесть за стол. — И протягивает руку, чтобы он помог ей встать на ноги.

Женщина-следователь возражает, и Сандрина думает, что та противится из вежливости, как это делают гости, которые отказываются взять последний кусок торта: «Нет, нет, что вы, спасибо». Но женщина достает мобильник и звонит в скорую. Он еще не выпустил руку Сандрины, и она чувствует, с какой силой сжались его пальцы. Она знает, что в эту минуту ее муж спрашивает себя: «Черт, да кто она такая?!» Еле сдерживаясь, ее мужчина роняет:

— Но она же говорит, что все нормально!

И полицейская спокойно отвечает ему:

— Удар головой. Вызываем скорую. Или, если хотите, Сандрина, я отвезу вас в отделение неотложной помощи.

Сандрина медлит с ответом, но ей не удается принять решение, потому что он стискивает ей пальцы, делая больно, все больнее и больнее.

Полицейская говорит:

— Отпустите ее, господин Ланглуа.

И в долю секунды странная атмосфера, которая колебалась, не зная, к чему склониться, сменяется неприкрытой враждебностью. В каком-то смысле это приносит облегчение, как разразившаяся гроза. Ему не нравится эта женщина из полиции, а ей не нравится он. Она его унижает, она командует в его доме, и не исключено, что она делает это нарочно.

Чувствительность пальцев восстанавливается, дыхание, мысли возвращаются. Главное — не раздражать его еще больше, найти правильное решение. Сандрина понимает, что будет лучше, если она поедет в неотложку, а обед подаст Анн-Мари. Ведь, если она останется и каким-то образом испортит возвращение первой жены, он ее возненавидит. Он не выносит истеричек и не выносит баб, попадающих в истории.

— Хорошо, — говорит Сандрина, — если вы в самом деле думаете, что так правильно, можно поехать в больницу.

На самом деле это звучит как последний шанс для женщины-полицейского сказать: «Вы правы, останемся, раз, по-вашему, все нормально». Но нет, та лишь кивает и протягивает руку, помогая ей встать.

Покидая дом, Сандрина чувствует приступ паники, ей кажется, ее изгоняют, выталкивают. Это ровно то, чего она боялась: возвращается первая жена, а она, вторая, оказывается на улице. Она сглатывает, глубоко дышит, пытается успокоиться. Ее муж смотрит на них, машет рукой, стоя у двери. Сандрина отвечает тем же, заставляет себя улыбнуться.

Полицейская говорит:

— Пристегнитесь.

Маловероятно, что они успеют вернуться к десерту.

Полицейская заводит мотор, уверенно выруливает на проезжую часть и направляется в сторону больницы.

Мимо проплывают домики коттеджного поселка, потом круговой перекресток, развязка и шоссе.

— До больницы минут пятнадцать, — говорит женщина.

— Да, знаю, — отвечает Сандрина. И добавляет, чтобы как-то поддержать разговор: — Вы живете где-то поблизости?

— Нет, но я очень часто бывала здесь после исчезновения жены господина Ланглуа.

«Жена господина Ланглуа», «мадам Ланглуа» — это Каролина, а кто же еще, пусть Сандрина даже в мыслях ее так не называла. Для нее она «Каролина», или «первая жена», или «его бывшая», или «мать Матиаса». Себя она порой воображала настоящей, официальной женой господина Ланглуа, *мадам Ланглуа, госпожой Ланглуа* и даже доставила себе парочку приятных минут, выписывая на клочке бумаги *Сандрина Ланглуа*. Так делают все девочки-подростки, но когда она была девочкой, у нее не было ни любимого, чье имя можно было бы примерить на себя, ни времени на каракули, так что она позволила себе это маленькое удовольствие гораздо позже, но верить в то, что правда когда-нибудь станет мамам Ланглуа, запретила себе. И была права.

— Вы это знали? — спрашивает женщина, и Сандрина понимает, что не слышала ничего из того, что ей только что сказали.

Может, ей и в самом деле нездоровится? Да еще эти преследующие ее запахи... Наверное, хорошо, что она покажется доктору, она и сама думала об этом, хотя, конечно, момент не самый подходящий. Но, по крайней мере, дело будет сделано, и вечером, когда она расскажет ему, что у нее уже случались головокружения и тошнота, может, он не будет так злиться из-за того, что женщина-полицейский настояла на поездке в больницу и она, Сандрина, согласилась.

— Прошу прощения? — говорит Сандрина, усилием воли возвращая себя к разговору.

— Я сказала: ваш сожитель был под подозрением после исчезновения госпожи Ланглуа, вы это знали или нет?

Сандрина кивает. Она не хочет, чтобы ей напоминали об этом. Да, знает, это было в новостях. Но она тогда влюбилась в мужчину, который плакал, и ей совсем не хочется вспоминать отвратительные комментарии Беатрисы, а также измышления тех, кто ничего не знает, но говорит гадости. Она уверена, что ее мужчина — мужчина, который плачет, — не мог причинить зла своей жене.

Она надеялась, что на этом следовательница остановится, но нет, куда там, и Сандрина, слушая вполуха, уже вообразила, как расскажет вечером об этом человеку, которого она полюбила: «Что за противная

баба, какая злая, зачем говорить мне такие вещи, говорить мне гадости о тебе, она несла бог знает что».

— Одежду, в которой Ланглуа был в день исчезновения жены, так и не нашли. Свидетели видели его в то утро в сером и белом, а вечером — в белом и голубом. Он приехал за сыном в школу после окончания занятий, чего не делал никогда, но так и не заявил о пропаже жены. Впрочем, он и заявления не подавал, это сделали ее родители, Анн-Мари и Патрис. Их дочь должна была заехать к ним с Матиасом после школы, но так и не появилась. Это вы тоже знали?

Сандрина глядит на свои пальцы, скребет ногтем выемку на ногте другой руки, потом переходит к следующему ногтю, и так без конца.

— В тот день, когда Каролина исчезла, он не вышел на работу. Он никого не предупредил, что его не будет. Нам он сказал, что заболел и остался в тот день дома из-за простуды. Сказал, что его жена отвезла Матиаса в школу, потом приехала домой, переоделась и ушла на пробежку в лес, который находится у восточного края поселка. Какой мужчина, поняв, что его жена не вернулась после пробежки — а пробежка обычно занимает минут тридцать — тридцать пять, никому не позвонит и не заявит о пропаже? Он сказал, что думал, будто она поехала за покупками. Это тоже? Это вы тоже знали? А то, что когда вечером к нему пришли, он был здоров как бык? Без малейшего симптома простуды?

Сандрине безумно хочется, чтобы эта женщина замолчала. Да, полагается быть вежливой, но ей хочется, чтобы эта женщина заткнулась.

Наконец, чтобы поставить точку, она говорит:

— Да. Он мне все это рассказывал, когда мы встретились. Ему нечего скрывать.

— Правда? — Следовательница произносит это тоном рыбака, который только что почувствовал, как рыба заглотила наживку. — А он сказал вам, что его объяснения ни черта не стоят, потому что он не позволял жене водить машину? Почти два месяца она была вынуждена ходить пешком. До школы полчаса пешком. Они с ребенком проделывали этот путь без машины утром и вечером, и так по меньшей мере шесть недель.

Сандрина трет виски. У нее и в самом деле начинает раскалываться голова. Да, безусловно, это прекрасная мысль — поехать к врачу.

Женщина-полицейский паркуется неподалеку от входа в отделение неотложной помощи. Выключает зажигание, несколько мгновений молчит, а потом говорит совсем другим тоном — мягким, обеспокоенным:

— Сандрина, господина Ланглуа не просто допрашивали в рамках расследования. Два года назад он был главным подозреваемым, и все так считали. К нему было не придрататься, и нам стоило огромных, огромных трудов найти улики, но в конце концов мы кое-что нашли. Мой коллега и я, мы оба думаем, что Каролина вовсе *не пропала*. Вы понимаете, что я хочу сказать?

Сандрина отвечает лишь:

— Пожалуйста, можно мне выйти?

И ее собеседница вздыхает.

Она неловко вылезает из машины. Все, что наговорила ей эта женщина, жужжит у нее в голове, как гигантское черное насекомое. Оглушительное, невыносимое жужжание... Эта женщина лжет! Зачем она лжет, зачем преподносит уже известную историю, уродуя ее, искажая до ужаса. Сандрина знает, что это неправда, муж все рассказывал ей. Он плакал и ничего не утаил, вывернул душу наизнанку, и она долго гладила его влажные от слез щеки и клялась себе, что позаботится о нем, потому что любит его, потому что он тоже любит ее, а люди не врут, когда любят друг друга. Эта тощая полицейская не любит ее мужа, значит, она врет!

Сандрина переводит дух. От свежего воздуха ей делается лучше, но от ощущения, что виски сдавлены тисками, избавиться не удастся. К счастью, следовательница ничего больше не говорит, и вообще-то они приехали сюда не для этого, спохватывается Сандрина, пока они идут от машины к отделению.

В холле тихо и спокойно. Полицейская бегло осматривает сидящих на стульях людей, потом достает свой значок и идет к окошку. Тонем сердечным, но властным она просит принять Сандрину как можно скорее.

Врач в кабинете ведет себя любезно, а когда до нее доходит, что больная по чистой случайности попала к ней в сопровождении полицейской, она вежливо, но уверенно выставляет последнюю за дверь. В коридоре слышатся голоса, две женщины явно возмущены, и Сандрина слышит несколько раз: «Я все понимаю, но...», что на самом

деле означает «Да пошла ты...». Теперь полицейская ждет снаружи, но из-за этой интермедии Сандрина проникается к докторше симпатией, хотя прежде она никогда не имела дела с врачом-женщиной и в глубине души не может отделаться от представления, что мужчины больше знают и умеют.

Ей предлагают проследить глазами за указательным пальцем, постараться не моргнуть, когда светят в зрачки очень яркой лампой.

— Обмороки, как часто?

— Нет, но головокружения несколько раз за последнее время. И еще тошнота... нет, проблема не в тошноте, а в кофе, который пахнет странно — тунцом.

— Тунцом? — переспрашивает врач, и ее брови взлетают вверх, а Сандрина смущается, отнекивается, извиняется.

Она не любит врачей, не любит повышенного внимания к себе, не любит беспокоить, не любит, когда ее обсуждают. Врачи всегда торопятся, и потом она всегда оказывается сама виновата: нужно больше спать, меньше пить, чаще ходить пешком, есть то-то и то-то. Что бы там ни было, Сандрина никогда не говорит всей правды, особенно с тех пор, как старик, которого приводила к ней мать, когда она в самом деле бредила от высокой температуры, увидел у нее на теле синяки и ничего не сказал, ничего не сделал, а только пощупал ее крохотные соски под тем предлогом, что ему надо что-то там проверить. Разумеется, она никогда об этом не заговаривала, случаются вещи куда более серьезные, но тихий голос, тот, что бывает злобным, тот, который она старается не вспоминать, потому что он может навлечь на нее неприятности, в тот день прорычал: *Твою ж мать, за каким лешим он трогал грудь у четырнадцатилетней девчонки с насморком?*

На тунца Сандрина машет рукой, как будто не то сказала или пошутила, но врач улыбается, терпеливо ждет и спрашивает:

— Тунцом? То есть вы варили кофе и вдруг запахло тунцом? Или сам кофе пахнет, как тунец?

Она пытается объяснить, хоть ей и хочется поскорее все закончить, ведь в это самое время в ее доме Анн-Мари подает на стол.

— Хм... — продолжает докторша, — могу я вас попросить лечь?

Странная формулировка, думает Сандрина, с пациентами так не разговаривают, им говорят: «Раздевайтесь, раздвиньте ноги, здесь

больно? Хорошо, это только стресс, одевайтесь, я чеков не принимаю». Она застывает от удивления и неуверенности, а докторша продолжает:

— Я бы хотела вас осмотреть. Меня интересуют ваши лимфоузлы и живот.

Сандрина ерзает на кушетке, покрытой жесткой бумажной пленкой. Женщина просит ее приподнять футболку, говорит, что сейчас прощупает живот, но сама пока что копается в ящике стола.

Уф, можно перевести дух. Ноги, коленки с болячками ей всегда стыдно показывать, слава богу, в этом нет необходимости.

Погремев металлическими инструментами, докторша недовольно фыркает:

— Черт, они не пополнили... ладно, подождите, я сейчас вернусь. — И выходит, оставив Сандрину лежать на кушетке.

Когда дверь приоткрывается, Сандрина видит ту женщину из полиции; она с любопытством заглядывает в кабинет, смотрит на ее тело, на черный топ под блузкой, на оголенный живот... Что с ней, с этой женщиной? Что она вынюхивает? Странная она, однако.

Затем Сандрина видит, как полицейская останавливает возвращающуюся докторшу, что-то говорит ей, задает вопросы; та отрицательно качает головой, ее, по всему, раздражает этот разговор, и, дабы положить конец ему, она отвечает что-то вроде: «Пожалуйста, посидите в холле». Когда она толкает дверь, вид у нее слегка озадаченный, и Сандрина чувствует на себе пристальный взгляд. На застекленной двери есть маленькая шторка, и докторша задергивает ее, чтобы отгородиться от чужих взглядов.

— Простите, но, может быть, вы приподнимете ваш топ?

Сандрина делает, что просят, и женщина оглядывает ее; похоже, она тоже что-то выискивает. Но не находит; складка между ее бровями слегка расправляется, и она начинает ощупывать шею Сандрины. Говорит: теперь я проверю лимфоузлы, а потом живот. Здесь больно? А здесь? Здесь что-то чувствуете, нет?

Под конец она говорит:

— Послушайте, ваша сопровождающая настаивает на рентгене, но у вас нет признаков травмы головы. Зрачки нормальные, реагируют как надо, координация не нарушена. Кроме того, вы... может быть, вы беременны, и вам ни к чему лишнее облучение.

Беременна.

Сандрина почти не слышит ее, сильный шум в ушах перекрывает все звуки. То есть она слышит, но так, будто это разговор в соседней комнате, смутный и малоинтересный.

— Я хочу сказать, что травмы головы я у вас не вижу. Сейчас я выпишу вам направление на анализ мочи, это позволит определить, беременны вы или нет. И еще вам надо сходить к вашему гинекологу. У вас есть гинеколог?.. Мадам?.. Мадам?.. Сандрина?

Докторша надавливает ей на запястье, как на кнопку дверного звонка, и шум в ушах прекращается, Сандрина оборачивается к ней.

— Вы... Вы не ожидали такого? Для вас это сюрприз? — спрашивает докторша и, увидев, как лицо Сандрины расплывается в глупой улыбке, тоже начинает улыбаться.

Сандрина быстро-быстро кивает, словно обрадованный ребенок:

— Да-да, я и подумать не могла!

Докторша говорит:

— Хорошо, тогда я надеюсь, что ваши анализы это подтвердят.

Она оставляет ее одну и уходит за бланками. Сандрине плевать, она щупает свой, как всегда, слишком большой и мягкий живот и свою слишком плоскую грудь; наконец-то это дурацкое тело на что-то сгодится, сделает нечто невероятное — произведет кого-то на свет. Немыслимо, безумно, совершенно безумно... Сандрина, столько лет страдавшая в этой уродливой оболочке, вдруг прониклась величайшей признательностью, благодарностью к своей плоти, которой удалось — которой удастся — сделать нечто столь грандиозное. У нее будет младенец, ребенок. Она будет так хорошо о нем заботиться, она растворит последние капли своей дурной крови в этом маленьком новом создании. Какой прелестный кабинет, какая милая, хорошая докторша, какие красивые облака, и ничто и никто не сможет впредь уязвить Сандрину, которая улыбается всем телом, включая живот.

По дороге назад полицейская меняет стратегию или, лучше сказать, вовсе от нее отказывается. Она говорит обо всем и ни о чем: о погоде, о доме, в котором теперь живет Сандрина. Прошло чуть больше часа, все еще должны быть за столом, и она сможет подать свой шоколадный пирог.

Вдруг Сандрина чувствует, что она проголодалась, легкая тошнота, донимавшая ее в последнее время, прошла, и она точно сможет поесть. Она хочет чего-то и понимает, что ей хочется фенхеля. Когда они

проезжают круговой перекресток неподалеку от коттеджного поселка, Сандрина просит остановиться на минутку у супермаркета и спешит в овощной отдел. Вот он, фенхель, прямо из Италии; его круглая луковка напоминает белую попку, пронизанную полупрозрачными нитями; Сандрина чувствует свежий, слегка анисовый запах, он поднимается к ее носу и истязает желудок. Оплатив покупку, она тут же, у кассы, снимает пакет, сдирает с овоща верхние слои — грязные, наверное, — и кусает его. Мякоть твердая, каждый кусочек высвобождает тонкий и ароматный сок. Сандрина в восторге; сосредоточенно, как грызун, она съедает два больших куска.

— Вот это да, прямо так, без соуса, без ничего? — улыбается полицейская.

Сандрина успевает покончить со своим фенхелем до того, как они паркуются у дома. Она отстегивает ремень безопасности и направляется к двери. Полицейская останавливает ее, дотронувшись до локтя, и протягивает ей свою визитку:

— Здесь номер моего телефона. Договорились? Если вы почувствуете себя... если что-то пойдет не так, что бы это ни было, звоните. В любое время, Сандрина, я не шучу.

Сандрина не глядя берет карточку и говорит: да-да. Засовывает прямоугольный ламинированный кусочек бумаги в задний карман своих черных джинсов. Асфальт еще мокрый, небо серое, день далеко не радостный, но Сандрине он видится великолепным. У нее нет ни малейшего представления о том, что происходит или произойдет в этом доме, где находится первая жена, ей все равно. Будь что будет, крошка моя, безмолвно обращается она к своему животу.

За обеденным столом подошла очередь сыра. Анн-Мари заправляет листья салата маслом и уксусом. Матиас говорит и говорит, его голосок встречает их у дверей. При бабушке с дедушкой он всегда становился более разговорчивым, но такого потока слов Сандрина от него никогда не слышала. Он рассказывает Каролине о школе, о птицах, о собаке по кличке Пикассо, Каролина задает вопросы, ей все интересно, у нее такой вид, будто она жаждет наверстать упущенное. Все кажется почти нормальным, несмотря на присутствие полицейских и ожившей покойницы. Все прилежно играют комедию, слышится голос Патриса: «А вот когда я учился в школе...», но

вообще-то за семейными обедами все так или иначе играют комедию, только на этот раз чувствуется небольшой перегиб.

Сандрина выходит на сцену и всех успокаивает: просто давление упало. Она садится за стол, смотрит на поднос и нож для сыра с раздвоенным и изогнутым лезвием, благодарит Анн-Мари за то, что та всем распорядилась. Разговор возобновляется, за столом вспоминают школьные экзамены, строгих и добрых учителей. Сандрина не в силах совладать с улыбкой, у нее есть секрет, очень хорошо спрятанный секрет. Разумеется, она не раскроет его сейчас, глупо делать объявление в присутствии Каролины и двух полицейских, она будет беречь свой секрет пуще глаза. Несколько раз Сандрина встречается глазами с будущим отцом, брови его хмурятся, и хотя она каждый раз отвечает ему улыбкой, его это не успокаивает. Бедняжка, он не знает, а значит, у него еще нет этой высшей, всепобеждающей причины — причины, которая отменяет все остальное, причины быть счастливым, решить, что все происходящее не так уж важно. Каролина? Поживем-увидим, но даже это уже не имеет значения.

Доходит черед до шоколадного пирога и кофе; пустые бутылки стоят в ряд у раковины. Каролина говорит, что ей надо будет приходиться сюда время от времени, пробовать уловить зыбкие образы. Посмотрим, что скажет психотерапевт, обрывает ее Анн-Мари. Но когда Каролина говорит, что малыш мог бы приходиться к ее родителям, у которых она поживет какое-то время, тут ей никто не возражает.

Отец Матиаса рассматривает свои пальцы, туфли, потом по очереди переводит взгляд на полицейских, снова смотрит на свои руки, потом на ботинки и наконец с трудом выдавливает из себя:

— Ну, если хочешь, почему бы и нет, приходи время от времени.

То-то же, думает Сандрина, и ничего страшного. В самом деле, поживем-увидим.

Он отталкивает от себя тарелку и добавляет:

— Все.

Сандрине хорошо знаком этот ритуал, он означает: «Я наелся, обед окончен, выходим из-за стола».

Анн-Мари говорит:

— Да, похоже, нам пора домой.

Матиас помалкивает, довольствуясь физической близостью матери, их стулья стоят вплотную, ее рука обнимает мальчика за плечи.

Внезапно до него доходит, что она снова его покидает. Лицо его искажается от ужаса. Он обхватывает Каролину за талию и кричит: «Нет! Нет, нет, нет! Нет, почему, зачем?» — и дать ему ответ очень трудно. Затем, что в мире взрослых не всегда принимают первую жену, вернувшуюся к жизни, его мать не хотят пускать в дом, под крышей которого появилась другая сожительница. По идее, Сандрина должна была бы нырнуть в свою раковину, страдать из-за того, что она доставляет хлопоты, сожалеть о своем существовании, но нет, она не просто сожительница — она вторая жена, и она носит под сердцем ребенка этого мужчины, у нее есть свое законное место рядом с ним. И она сидит, не говоря ни слова; она заслужила свой стул за этим столом.

Матиас продолжает настаивать, чтобы мать осталась.

— Нужно найти много доводов и объяснений, — шепчет полицейский своей коллеге. — Говорил же, надо было привести социального работника.

Сандрина не понимает, как сотрудница социальной службы смогла бы уговорить мальчика. Она встает, собирает бокалы для вина за ножки и идет — *дзынь-дзынь* — к посудомоечной машине. Анн-Мари уже положила в нее грязные тарелки, и Сандрина говорит себе: «Как это мило, однако». Она расставляет бокалы на верхней сетке и заботливо выравнивает их. У себя дома она мыла посуду вручную, и после переезда ей пришлось пройти целую кучу уроков на тему, что и как делать, чтобы посуда хорошо помылась, ибо если что-то делать, то делать надо на отлично.

Матиас, по-прежнему сидя рядом с матерью, начинает подвывать от огорчения, и Сандрина слышит, как его отец, повысив голос, говорит:

— Все, Матиас.

Обычно этого достаточно, чтобы справиться с ребенком, но сегодня день не такой, как всегда, и даже грозный окрик отца не действует.

Сандрина повторяет свой заход на кухню и обратно, убирает тарелки из-под десерта. Полицейские поднимаются, и за столом остаются только Матиас, переплетенный с Каролиной, старики, ласково утешающие его, ну и, разумеется, отец, которому явно хочется, чтобы все было не так.

Когда Сандрина возвращается в третий раз, чтобы забрать пустые чашки, он в полном изнеможении поворачивается к ней.

— Может, ему поехать к ним на эту ночь? — шепчет Сандрина.

Продевая пальцы сквозь тоненькие ручки чашек, она склонилась как можно ниже, чтобы ребенок не услышал, а то ведь подольет масла в огонь. Напрасно, даже сквозь рыдания Матиас все слышит. Он кричит, умоляет:

— Да-а-а, да-а-а, пожалуйста, да-а-а!

Не совсем понятно, кого он умоляет, отца, мать или их обоих, но как бы там ни было, Сандрине на этот раз не удалось остаться в тени. Ее муж трет переносицу и в конце концов говорит:

— Да, хорошо, но, Матиас, только на эту ночь.

После того как ночь свободы подарена, рыдания мало-помалу стихают, но малыш еще всхлипывает, что свидетельствует о его глубочайшем отчаянии. Он дрожит, затаенный в свою слишком маленькую футболку с драконом, пока Анн-Мари вытирает ему полотняной салфеткой щеки и говорит:

— О-ля-ля, какое горе, но теперь все хорошо, Матиас, все хорошо... Кстати, раз ты спишь у нас, тебе нужно взять, во что переодеться, и еще собрать рюкзак для школы на завтра. Может, ты пойдешь с мамой наверх и все подготовишь?

На столе пусто. Каролина чуть ли не извиняется:

— Я понимаю, что это будет... что это непросто для... — Она колеблется, не решаясь обратиться на «ты» к мужу-незнакомцу. — Для вас... обоих. — Ее взгляд переходит на Сандрину. — Яне хочу разрушать то, что вы втроем создали, правда, но дайте мне шанс вспомнить, хорошо?

Она встает и машинально протягивает руку своему мужу. Он ее пожимает, и когда их ладони соприкасаются, Сандрина видит: с Каролиной что-то происходит — она вздрагивает... нет, не вздрагивает, это что-то почти неуловимое, как рябь на тихой воде от дуновения ветерка, и настолько мимолетное, что Сандрина решает, что ей показалось.

Затем Каролина протягивает руку Сандрине, и Сандрина, пока держит ее руку в своей руке, изо всех сил старается преодолеть застарелую нелюбовь к прямым взглядам: она с жадностью рассматривает Каролину, как ни крути, им нужно посмотреть друг другу в глаза. Сандрина пытается хоть что-то прочесть на чужом

лице, но не видит ничего, кроме черных, всепоглощающих, засасывающих глаз.

Анн-Мари говорит:

— Мы попробуем найти психотерапевта и узнать, что нам делать. Надо удостовериться, что ребенок не будет еще сильнее травмирован. Спасибо за... очень любезно с твоей стороны, что ты доверил его нам на этот вечер, — обращается она к зятю.

Тот придает своему лицу привычное выражение, улыбается, говорит:

— Да, конечно, надо попытаться все как-то организовать. Просто он привык жить без матери.

Каролина не спускает с него глаз, и лицо ее так же непроницаемо, как на фотографии в желтой рамке; Матиас тянет ее за руку и торопит, она отводит взгляд и идет с Матиасом наверх. Все смущенно мнутя, ждут, когда они спустятся с вещами, а Сандрина возвращается на кухню, думая, включить посудомойку или сейчас это неудобно. Она чувствует, как в гостиной растет напряжение, но ее муж никому не предлагает снова присесть и подождать.

— Место этого ребенка здесь! — рывкает он, как только шум мотора растворяется в слепополуденном воздухе.

Сандрина вручную моет маленькие рюмки для коньяка, которые выставляла на стол, когда подавала кофе. Эти рюмки должны были создать впечатление, что все нормально. Она вздрагивает от его рыка и от неожиданности. Рюмка выскальзывает из пальцев и раскалывается, стекло впивается в кожу, она видит, как по пальцу струится кровь. Тянется к рулону бумажных полотенец, отрывает кусок, оборачивает им палец, как куколку; на все уходит несколько секунд, но этого довольно, чтобы он успел добавить:

— И теперь *эта* знает, кто здесь командует! Куда идти или не идти, это не тебе решать!

Он в ярости, и он приближается к ней.

Сандрина вспоминает о соседях — у них с ними сообщающиеся дома — и закрывает окно. Все равно уже похолодало. Палец снова начинает кровить, красное пятно расползается по бумаге; она надеется, что порез не слишком глубокий, не хватало еще снова ехать в больницу. Снимает самодельную повязку, и он, заметив кровь, мгновенно приходит в себя:

— Мне очень жаль, прости, что накричал, покажи, что там у тебя.

Как ни странно, вид крови его успокаивает, превращает во внимательного медбрата. Он усаживает ее у кухонного стола и идет наверх за аптечкой, потом уверенно обрабатывает ранку. Сандрина спрашивает себя, может, это подходящий момент, чтобы сказать ему о крошке, но ей претит делать это на бегу, при таких обстоятельствах. Она хочет, чтобы это было... чтобы это было как-то иначе, как-то значительно что ли. И потом он напугал ее, настроение уже не то, и она решает, что разумнее дождаться результатов анализов. Да, лучше подождать, удостовериться и только потом объявить ему. Да, она повременит. И заводит речь о другом — пользуется тем, что из-за ее пальца он так растрогался, и тихо добавляет:

— Знаешь, я не понимаю, как иначе ты мог выйти из положения. То есть как бы ты смог отказать ему и не позволить пойти с матерью, по крайней мере сегодня. Ты сам сказал, что надо найти решение, что это сложный процесс.

Он слишком туго затягивает бинт и снова раздражается:

— Это еще что? Ты у нас теперь главный психотерапевт? Они только об этом и твердят, а я не верю в этот бред, еще не родился на свет психотерапевт, который подойдет к моему сыну и начнет пудрить ему мозги!

Сандрина ойкает, потому что он сжал ее палец слишком сильно и надо менять бинт — палец снова начал кровоточить. И снова он смягчается при виде крови, долго извиняется и целует пострадавший палец.

Наконец он убирает дезинфицирующий раствор, смотрит на палец: забинтован идеально.

— Она тебе что-нибудь сказала в машине? — Вопрос звучит ровно, мягко. Он бросает упаковку от бинта в мусор. Сандрина морщит нос. Как бы ей хотелось не отвечать, как бы ей хотелось, чтобы он не спросил; но вот он, вопрос, и не промолчишь.

— Она сказала только, что допрашивала тебя после исчезновения. А я сказала, что мне это известно. Что ты мне говорил.

— И это все?

— Она сказала, что ты запрещал Каролине водить машину. Что она водила Матиаса в школу пешком. И все.

— И что ты ответила?

— Ничего, у меня болела голова, мне хотелось одного: чтобы она замолчала.

Он улыбается: Сандрина дала правильный ответ. Кладет руку ей на плечо, рядом с шеей, и вздыхает. Потом опускается на колени. Он кажется озабоченным.

— Послушай, Сандрина. Я... я не говорил тебе об этом, и я не хочу, чтобы Матиас знал. Но она... она пила. Много. Я не позволял ей садиться за руль, потому что боялся, как бы... я боялся за ее безопасность... и за Матиаса тоже.

Сандрина смотрит на него, на его лицо и видит, что он серьезен.

— Ты понимаешь?

Она не задумываясь кивает.

— Они там накручивают черт-те что, — добавляет он, — эти полицейские. Особенно баба. Но правда в том, что Каролина пила. Дни напролет она сидела в этом доме и пила. Я пытался вытащить ее, но я... я уже не знал, что делать. Она прятала бутылки в разных местах, я не мог за ней уследить. Понимаешь?

Сандрина снова кивает. Это все объясняет. Он прав, это все объясняет. А эта женщина-полицейский постоянно сбивала ее с толку. Да, это все объясняет.

Внезапно у Сандрины тяжелеют веки; он видит, что у нее слипаются глаза, и говорит:

— Пошли посмотрим телик, потом тут уберешься.

Остаток дня проходит тихо; она прижимается к нему, сидя на диване, пока на экране гоночные автомобили мчатся по трассе Формулы-1. Обычно за просмотром таких передач она бралась за книгу, но не сегодня. Сегодня ей ничего не нужно, кроме как чувствовать его близость. Вытянуться, положив голову ему на колени, и согревать душу мыслью о крошке, которая растет у нее в животе.

Их телефоны дружно вибрируют — пришло сообщение от Анн-Мари: они благополучно доехали, все хорошо, еще раз спасибо.

Сандрина снова погружается в мечты и в итоге засыпает. Врач предупредила ее, что если она действительно беременна, то будет утомляться, это нормально. Еще она велела сделать анализ крови как можно скорее, а вообще нужно есть, как только проголодаешься, и спать, сколько захочется. Направления на анализы лежат на дне ее сумочки, предусмотрительно спрятанные в каталог акций, который она

машинально прихватила на кассе супермаркета и скрутила в трубочку, чтобы ничего не помять.

Он будит ее около семи часов вечера. На смену гонкам пришли новости, и он снова хочет есть. Остался цыпленок и салат; она накладывает ему большую тарелку, но сама к еде почти не притрагивается: после дневного сна ей никак не удается прийти в себя. Покормив мужа, она все убирает, запускает посудомойку и идет в душ.

Летней жаре, кажется, пришел конец, и ей хочется, не откладывая, облиться самой горячей водой. Она выходит из душевой кабины, берет полотенце, стирает пар с зеркала и смотрит на себя, на свою грудь и живот. Что же, она была права, еще ничего не заметно, но что-то в самом деле изменилось.

Запускает пальцы в промежность, скользит ими по складкам, недоумевает, как же ей удастся исторгнуть оттуда человеческого детеныша, и говорит себе, что она не первая, там видно будет.

Надевает легинсы, майку и ничего больше, никакого нижнего белья, особенно бюстгалтера, который ей так жмет. Ложится, берет книгу с тумбочки и, едва успев пробежать глазами одну страницу, впадает в забытие.

...Он отчаянно трясет ее: еще только полдесятого, а она уже дрыхнет? И даже не разгрузила посудомойку! Сандрина бормочет, еле ворочая языком: в больнице сказали, это от стресса и переутомления, ей надо больше спать, — потом поворачивается на бок, роняет книгу и, нимало не задумываясь над тем, почему она солгала, засыпает как убитая.

8

Будильник звенит и звенит, а ей никак не удается разлепить веки. Спустя минуту он ногой толкает ее под щиколотку, раз, другой, третий и говорит:

— Твой будильник.

Ему можно спать еще час.

Сандрина поднимается, садится на край постели, опускает ноги на коврик. Понедельник, утро, а она без сил, но тут она вспоминает о крошке и встает, пусть и с тяжелыми ногами, но с легким сердцем. Умывается по-кошачьи, выбирает одежду. Вытаскивает из ящика комода белье побольше. У нее всегда в запасе несколько размеров, она не выбрасывает вещи, если ей удастся немного похудеть, потому что уверена — провал не за горами, она не только никогда не достигнет идеального веса, который просчитала однажды по журналу, но и вернется назад — снова с запасом наберет. Она думает о слове «наберет», и ей кажется, в нем заложен смысл — что кто-то что-то жаждет заполучить. Возможно, это как раз о нем, о ее муже, возможно, ему нужна такая вот плоская, но широкая попа, такой выпирающий живот, как у нее, потому что, с тех пор как она здесь живет, она поправляется, а он подстрекает ее, требуя покупать много хлеба, добавлять цельные сливки в выпечку, и все же... все же ей посчастливилось обзавестись крохой, невзирая на противозачаточные, которые она глотала по утрам.

Она возвращается в ванную, подкрашивает ресницы, наносит тональный крем и пудру и открывает шкафчик с аптечкой, где лежит блистер с пилюлями. Выдавливает одну и бросает в умывальник. *Щелк* — тихо отозвался фаянс. Раньше она ничего не утаивала от мужа, и этот обман поднимает в ней такие волны недовольствия и неуверенности, что маленький секрет превращается в целую гору. Нет, конечно, все это не касается крохи, о существовании которой он еще не знает; это совсем другое — это не ложь, это сюрприз. На кухне с легким сердцем она открывает холодильник. Ешьте что хотите и покажетесь гинекологу, сказала врач. Опять же раньше она всегда заглядывала в холодильник со смущением и чувством вины, но сейчас

она не слышит где-то далеко, на заднем плане, голос отца, который говорит: «Нет, вы только посмотрите на эту жирную дуру жрет и жрет...» Ничего такого, этим утром все по-другому. Она съедает четыре редиски, полстаканчика сметаны с ванилью и одно апельсиновое печенье, на которое обычно даже не глядит. Потом идет наверх, чистит зубы и едет на работу.

Сандрина мирно едет в свою контору, пока музыка на ее телефоне не прерывается сигналом сообщений. Он проснулся, он беспокоится. В любой другой день она бы схватила телефон и набрала: *я еду на работу*, а если он не отстает и требует уточнений: *только что выехала на трассу; на круговом перекрестке у Велейры; на въезде в зону застройки*. Но сейчас и речи нет о том, чтобы взяться за телефон. Это опасно. А если с ней что-то случится? Нет, не с ней, прежней Сандриной, а с ней — будущей матерью. Одной рукой она выключает телефон, перед тем как тронуться после остановки под знаком «Стоп», и прибавляет громкости радио. А когда паркуется у конторы, видит, что муж звонил ей три раза.

Включает телефон, нажимает «перезвонить», и он тут же кричит:

— Ты где? Где ты была?

— В машине, за рулем.

В его криках что-то незнакомое, непривычное, но в чем дело, она не понимает. Последние дни были настолько странными, что обыденное кажется стертой монетой. Но с появлением крохи все изменится. Ей не терпится сдать анализы, удостовериться в своей беременности, потом выбрать идеальный, подходящий момент и сообщить ему приятную новость, сама она уже ни капельки не сомневается, но лучше объявить ему и тут же показать справку.

Перед глазами Сандрины мелькают радостные картины: результаты анализов лежат на журнальном столике... или лучше смешная открытка, плюшевый мишка, бутылочка с соской? Не говорить же сейчас, по телефону, на парковке. И потом секрет греет ей душу. У нее есть что-то, принадлежащее только ей одной. Что-то очень важное. Она опускает руку на живот и улыбается:

— Все хорошо, поверь, все хорошо. Телефон был у меня в сумке, поэтому я не видела, что он вибрирует, но я уже на месте. А ты? Тебе удалось опять заснуть? У тебя все нормально?

Он сбавляет тон — возможно, ей удалось его успокоить:

— Я хочу, чтобы ты была на связи, ты же знаешь.

Да, она знает. Поначалу ее удивляло его столь сильное, столь постоянное беспокойство, но потом она вспоминала, что его первая жена пропала, и все становилось понятным. Но сегодня ничто не может испортить ей настроения, и она говорит:

— Мне жаль. Не терпится тебя увидеть. До вечера.

Он молчит, потом говорит:

— Ты забыла сварить кофе.

Это правда. Она о нем и не вспомнила, заварила себе чай и не притронулась к тапперверу, где лежит кофе с тунцом, не подошла к кофемашине. «О, такие вещи часто случаются, — заверила ее доктор, — много чего может произойти. Некоторые женщины становятся близорукими, но это только на время беременности, у других разбухает нос, а есть и такие, кого по полгода рвет; так что честно вам скажу: если кофе, который пахнет тунцом, единственная ваша проблема, то надо лишь отказаться от него, и все будет прекрасно...» И Сандрина не стала делать кофе, а муж прав, она напрочь о нем забыла. Она снова говорит:

— Мне жаль, правда. Прости, я заглажу свою вину вечером, приготовлю рис на молоке, как ты любишь, договорились?

День проходит, как любой другой понедельник: все заходят в контору и говорят: «Как дела?» Понятно как — как в понедельник. В обеденный перерыв Сандрина выходит купить сэндвич, и на нее смотрят, как будто у нее на лбу выросли рога, ведь в полдень она неизменно достает свой таппервер с салатом или овощами и жует их, точно кролик, потому что она следит за собой и перекусывает только в комнате отдыха. Сегодня она говорит: «Всем приятного аппетита!» — и спускается в булочную. Долго выбирает, но ей ничего не хочется; она останавливается на пирожном с малиновым вареньем, покупает одно, откусывает два раза и прячет в сумку, потом сидит на скамейке и наслаждается теплом — уже можно выйти на улицу в пиджаке, нежится под солнечными лучами, которые греют, но не заставляют потеть. Достает книгу и дочитывает главу, на которой отключилась вчера вечером.

Когда она доходит до конца страницы и вставляет закладку, перед ней останавливается незнакомый мужчина и говорит что-то непотребное, грубое, в том же роде, как они обычно говорят, и смысл у

всех сводится к одному и тому же: «Ты на улице одна, значит, моя». Сандрина говорит:

— Оставьте меня в покое, вы что, не видите, я беременна?

Он просит его извинить и уходит. Невероятно, ведь на самом деле ничего не видно. Но это сработало!

После перерыва Беатриса подходит и спрашивает:

— Сандрина, ты как?

Но ответить ей слишком сложно, поэтому Сандрина улыбается и говорит:

— А ты?

Это всегда помогает выкрутиться, никто не решается настаивать. Беатриса отвечает:

— Спасибо, все нормально. — И идет на свое рабочее место.

После обеда телефон вибрирует очень часто. Приходят новости от Анн-Мари: Матиас в школе, все прошло хорошо; когда Каролина и Анн-Мари привезли его утром на занятия, он понял, что это было исключением, что взрослые пока еще только ищут выход и хотят все правильно организовать; она может забрать его, как обычно. Ее муж тоже пишет: что ты делала этим утром, что ты ела на обед и что ты делаешь сейчас, выедешь ли с работы в пять часов? Сандрина успокаивает его, заверяет, снова успокаивает и снова заверяет. Дни напряженного молчания были такими мучительными, потрясение — таким глубоким, что сегодня ей чуть ли не по душе непрерывные заботы.

Когда ее рабочий день заканчивается, она, прежде чем отправиться в обратный путь, как обычно, предупреждает его, и он этим очень доволен; вот так и восполняется ущерб, нанесенный первой женой, надо дать ему немного времени, чтобы проглотить и переварить, и все наладится. *Перетерпеть* — вот что главное. Сказать: «Я возвращаюсь, скоро буду». И главное — это Матиас, главное — это кроха.

Матиас, как обычно, послушно сидит и ждет в холле. Молодая учительница улыбается при виде Сандрины:

— Вы знаете, он всегда такой замкнутый, а сегодня мы не могли уговорить его помолчать.

Сандрина пытается улыбнуться в ответ, но получается немного натянуто. Несмотря на то что с самого начала она была с Матиасом очень терпелива, заботлива и внимательна, он оставался сдержанным,

почти холодным. Она старалась не обижаться, поскольку обида — это плохое, мелкое чувство; она хочет быть к нему доброй, только доброй, а теперь еще добрее, поскольку все, что течет в ее жилах, питает и крошку тоже. И когда Матиас протягивает ей руку, ни капли дурного в ее мыслях не остается.

Мальчик говорит скупой, рассказывает, что он рисовал, и она просит показать; они останавливаются, чтобы достать рисунок из рюкзака. Это снова птица, огромная, с клювом, из которого торчат зубы, и она спрашивает:

— Матиас, ну почему ты все время рисуешь зубастых птиц?

— Потому что только так они могут улететь и защитить себя.

Мальчик говорит об этом как о чем-то очевидном, не требующем разъяснений, и прячет рисунок — он хочет отдать его маме.

— Так тебе было хорошо? У бабули с дедулей? — интересуется Сандрина, защелкивая ремень безопасности, и видит в зеркале заднего вида, как Матиас несколько раз со всей силы утвердительно трясет головой.

Дворняжка Пикассо сразу полюбила Каролину, и та позволила собаке спать в его комнате. Пикассо, конечно же, не разрешают забираться на постель, но как только взрослые выходят за дверь, пес сразу устраивается поверх одеяла, на ногах у Матиаса, и Матиас засыпает счастливый, хотя ноги затекают. Сандрина с изумлением слушает его восторженный рассказ. Разумеется, в сравнении с другими детьми, которые звонко и непрерывно щебечут, Матиас до конца не раскрывается, но за несколько минут до дома он выкладывает Сандрине больше, чем за все те месяцы, что они провели под одной крышей.

Дома он умолкает и просит разрешения подняться в свою комнату. Сандрина идет наверх чуть погодя; Матиас аккуратно выкладывает на тумбочку свои любимые книги; заметив взгляд Сандрины, он втягивает голову в плечи, точно черепаха, и снова превращается в привычного Матиаса, боязливого и слегка плутоватого, рот на замке, взгляд в сторону.

— Что делаешь? — спрашивает Сандрина, и в конце концов он с большим трудом шепотом выдавливает из себя, что это на случай, если он переедет к бабуле и дедуле и будет жить у них с мамой. Он

закусывает губу и продолжает умоляющим тоном: — Только не говори ему, обещаю, не скажешь?

Сандрина кивает, польщенная его доверием, и ей не хватает духа добавить, что ничего не выйдет, а если и выйдет, то не скоро, учитывая реакцию отца в воскресенье вечером. Но ребенку незачем это объяснять. Всему свое время. Вместо этого она говорит:

— Да, хорошо, но, может, лучше собрать их в сумку и отложить в уголок? Чтобы не разводить бардак.

В благодарность за доверие она прикрывает дверь, хоть и не до конца, пусть он побудет в столь дорогом ему уединении, ты мне — я тебе, и идет в спальню убрать в комод стопку чистого белья.

Она укладывает трусы в ящик, когда раздается шум машины. Спускается, и от нетерпения у нее неожиданно розовеют щеки, так ей хочется рассказать о крошке. Черт с ними, с анализами. Она скажет уже сегодня. Может, не сию секунду, а вечером. Может, она подаст аперитив, а он спросит, что у нас за праздник... Ступенька скрипит у нее под ногами, но ей не до того. Она кладет руку на живот. Нет, не надо никакого аперитива, она не станет откладывать.

Он уже запер замок, швырнул портфель на пол и прижался носом к маленькому окошку в верхней части двери. К Сандрине он не оборачивается и вместо приветствия цедит сквозь зубы:

— Сука.

Она застывает на месте, под лестницей.

— Вот сука! — повторяет он. — Она, блять, и в тот раз неделями... да какое неделями — месяцами торчала перед домом в своей жестянке.

По крайней мере, он говорит не о ней, думает Сандрина, но о ком?

С ошалелым видом она приближается к нему, прижав руку к животу и недоумевая, а он наконец поворачивается, оглядывает ее сверху вниз с упреком и говорит:

— Ты растолстела.

Он говорит: «Ты растолстела» — и ей снова двенадцать лет. Слишком толстая, с чересчур толстой задницей; тело — ее враг, оно расползается, выводит ее из спасительной незаметности, которая могла бы ее защитить; мужчины на улице ее оскорбляют и лапают; голова втянута в плечи. Но он-то, он... Он любит ее такую, как она есть, и она это знает, он всегда ей так и говорит; он подсовывает ей сыр,

запрещает соблюдать диету и лишь иногда, изредка делает ей замечание — как сегодня, сейчас.

Сандрина опускает голову, она не знает, что сказать, она никогда не знает, что сказать, да и в любом случае, когда он *такой*, лучше промолчать.

— Ты что, умрешь, если оденешься по-другому?

Это правда, она всегда одевается одинаково, тут не поспоришь. Она сосредоточивается на своих тапочках, считает плитки, попавшие в поле зрения, и ждет, когда это пройдет.

— Я купил тебе блузку, я покупаю тебе одежду, но нет, ты предпочитаешь свои шмотки, ты так рисуешься, да? Выпендриваешься?

Шесть, семь, восемь плиток. Сандрина не понимает: она одевается слишком строго или слишком однообразно? Или ходит не в том, что он купил? Но она знает, что спрашивать бесполезно.

Девять, десять, одиннадцать...

Звенит дверной звонок, и Сандрина про себя говорит большое спасибо тому, кто позвонил, кто бы это ни был.

Это она, та самая женщина из полиции. Значит, это о ней он говорил. Это она помешала им вернуться к нормальной жизни, разозлила его, и он прав, она, эта стерва, испортила им вечер.

Полицейская не намерена войти, вторгнуться к ним, нет. Она застывает на пороге и, опершись локтем о кирпичную стену в нескольких сантиметрах от звонка, чешет в затылке, пропуская волосы сквозь пальцы. Ехидная, вот еще одно слово, которое не каждый день слетает с языка, эта полицейская — ехидная, слишком раскованная и провоцирующая. Она говорит:

— Да я только зашла взглянуть, как вы тут. Мальчик, и все такое. — Затем она просовывает голову внутрь, и тон ее становится серьезным: — Здравствуйте, Сандрина. Надеюсь, у вас все хорошо?

Сандрина не отвечает. Ее муж оборачивается и так же пристально, как полицейская, смотрит на нее. Сандрина чувствует, что ей надо ответить враждебно — поддержать мужа, показать, что она на его стороне, но она молчит.

Незванная гостья слегка кивает; можно подумать, она понимает все без слов.

— Как малыш? Он дома? Я звонила Маркесам, они сказали, что вы забрали его из школы.

Ее муж сохраняет спокойствие. Кулаки сжимаются так, что белеют косточки пальцев, но он сохраняет спокойствие; он только громко бросает Сандрине:

— Ты сказала ему спуститься?

Приказ достигает второго этажа. Матиас идет вниз, легкие ножки шагают по ступенькам. Он останавливается на последней и видит полицейскую.

— Так ты спал у бабушки с дедушкой, да? — спрашивает та, и он кивает. — Все прошло хорошо? — Еще один кивок. — Ладно, не буду вас больше беспокоить, я просто проезжала мимо.

Она уходит к машине, но не отъезжает. Он из-за двери наблюдает за ней. Долго, не говоря ни слова.

— Чего она к нам приебалась? — спрашивает Сандрина спустя целый час.

Она накрывает на стол. Ему не нравится, когда Сандрина выражается, но это словцо доказывает, что она на его стороне; это доказательство поддержки, и это важнее всего.

Он обнимает Сандрину за талию и целует — услышал ее окольную декларацию преданности. Она склоняет голову ему на плечо; все сказано, она с ним, он с ней, гора, давившая ему на плечи, стала немного легче.

Он отрывается от нее, садится за стол, говорит:

— Вкусно пахнет.

Зовут Матиаса, тот спускается.

— И как все прошло? — спрашивает мальчика отец.

Матиас молчит, вопрос повторяется. Наконец малыш шепчет:

— Все хорошо, мы ели шоколадное мороженое.

— А твоя мать, что она тебе говорила? А? Матиас, посмотри на меня. Что сказала твоя мать? Она вспомнила? Что она вспомнила?

Сказать Матиасу «Посмотри на меня» — это как велеть рыбе летать. Он такой застенчивый, уклончивый, скользкий, как уж, когда речь идет о том, чтобы избежать взглядов взрослых.

Мальчик пытается, делает усилие над собой; ПОСМОТРИ НА МЕНЯ звучит снова и громче, атмосфера накаляется.

Это все из-за полицейской, думает Сандрина, это ее вина, и вечер безнадежно испорчен.

Она спрашивает у Матиаса:

— Хочешь добавки тушеных овощей?

Его отец рявкает:

— НЕ ЛЕЗЬ!

Это полицейская виновата, это ее вина, ведь все было хорошо, все было бы прекрасно.

Он кричит на нее, не смущаясь присутствия Матиаса, и Сандрина чувствует себя виноватой, что малыш это видит и слышит. Вина — первое, что приходит ей в голову после пустых и жарких минут, когда она застывает в неподвижности, ощущая себя маленьким уязвимым существом — вот что должна чувствовать мышь перед котом, и она ненавидит себя за свой паралич, но это сильнее ее — она снова становится маленькой провинившейся девочкой.

Матиас что-то шепчет, но слов не разобрать. Его отец настаивает:

— Она что-то вспоминает? А? Вы провели вместе целый вечер, она же говорила с тобой. Нет, это невозможный ребенок, МАТИАС, ПОСМОТРИ НА МЕНЯ.

Мальчик плачет: я не знаю, она ничего не говорила, и наконец до его отца доходит.

— Она даже тебя не вспомнила, так? — делает он вывод.

Матиас в шоке, он поднимает полные слез глаза и смотрит на отца, но тот не понимается:

— Никто с этим пацаном никогда не говорит нормально, только я обращаюсь с тобой, как с женщиной, Матиас. Так вот, слушай: твоя мать тебя не вспомнила, и мужчины не плачут.

Маленький человечек хорошо знает, что означают слова «мужчины не плачут», это значит, ему плакать нельзя. Он глотает слезы, Сандрина уже видела такое, и это все равно что смотреть на землетрясение, на внезапный разлом земной тверди. Матиас с усилием что-то раскрывает внутри себя и прячет туда свои слезы. Каждый раз у нее такое впечатление, что он заглатывает самого себя.

Под столом Сандрина кладет руку себе на живот и думает: «Нет, не сегодня. Крошка еще немного побудет в тайнике. Некуда спешить».

9

Ей некуда и, главное, незачем спешить еще несколько дней, так как он раздражен и огрызается. По утрам все идет как обычно, но вечерами атмосфера накаляется, становится угрожающей. С работы он возвращается в бешенстве — следовательница каждый вечер торчит в своей машине у их дома. Она появляется незадолго до его прихода, а уезжает поздно и не всегда в одно и то же время. Сандрина спрашивает себя, зачем она это делает. Разве непонятно, что она все портит? Неужели до нее не доходит, что из-за ее присутствия отец Матиаса лезет на стену? Если бы им троим выпал спокойный вечерок, она бы рассказала про крошку, она смогла бы... они смогли бы, и стало бы... Она не знает, как стало бы. Как-то по-другому, лучше. Неделя тянется целую вечность.

В четверг вечером ее снова тошнит, и она с трудом сдерживается, чтобы не выскочить из-за стола, не уйти подальше от пюре с его невыносимым запахом.

Ее спас телефон, городской телефон, выбрасывающий трели дурных новостей. Он сказал: «Что там еще?» — и пошел к аппарату, и Сандрина, воспользовавшись этим, одним движением смахнула содержимое своей тарелки в раковину и быстро села на место. И улыбнулась Матиасу, вытирая липкую руку бумажной салфеткой.

Над пустой тарелкой ей стало легче дышать, и к тому времени, когда он присоединился к ним, она уже немного пришла в себя.

Это Анн-Мари, объявляет он, они приедут в субботу.

Сандрина понимает, что ему не оставили выбора, и еще раз мысленно обращается к своему животу: «Не сегодня». Он не любит навязавшихся гостей, не любит, когда сообщают о времени прихода в его собственный дом. Про дом он сам сказал Сандрине однажды вечером: «Дом записан на мое имя, здесь я хозяин, здесь все мое»; и ей сразу вспомнился гоблин из волшебной сказки, трясущийся над своими сокровищами. Сандрина думает, что на самом деле ему не обязательно было соглашаться на визит первой жены и ее родителей, но раз надо — значит, надо, у него есть принципы, и потом со стороны это будет выглядеть... хм...

Матиас с громким стуком ставит стакан на тарелку — мальчик понял, что сказал отец, и это жест радости с его стороны, но тот цедит сквозь зубы:

— Осторожно, Матиас.

— Они будут у нас обедать? — спрашивает Сандрина, и ее муж отвечает:

— У нас тут не ресторан, и, кроме того, придет социальный работник. И еще эти.

Сандрина понимает: полицейские, они снова будут здесь.

Вечером в постели он берет ее резко и грубо, будто чувствует, что в ее теле что-то изменилось, и хочет заставить ее признаться, выдать свою тайну, но Сандрина не сдается, потому что это неподходящий момент, это неправильно, нехорошо.

После она немного пугается, заметив кровь на туалетной бумаге. Вытирается второй раз, третий, снова рассматривает бумажку и успокаивается. Ничего особенного, ничего страшного. Она повторяет это перед сном и утешает себя тем, что все равно ей завтра к гинекологу.

Кабинет сиренево-белый. Врач темнокожая, кожа у нее с каким-то лиловым отливом. Пахнет эвкалиптом. Сандрина выбрала врача случайно, подумав, что Клод — это мужчина. Она ни разу не бывала у гинеколога, после того как врач, к которому она ходила раньше, не сказал чтоб часто, тоном, не терпящим возражения, велел ей принимать противозачаточные таблетки — мол, это более практично — и выписал рецепт. Поселившись в доме любимого мужчины, она просто упрасивала аптекаря, чтобы тот выдал ей очередную упаковку. Аптекарь разговаривал с ней как с полоумной; она ненавидит эти разговоры, но это всего лишь минута, и эту минуту надо пережить, а потом она могла несколько месяцев ни о чем не волноваться. Это верно, она испытывала небольшое чувство вины из-за того, что не пошла к прежнему врачу, но в мыслях быстро нашла отговорку: если узнает, скажет, что просто выбрала того, кто ближе к ее работе. Гинеколога Сандрина искала со своего рабочего компьютера и не забыла удалить историю поисков; от этой таинственности у нее сложилось впечатление, будто она готовит большой сюрприз, нечто грандиозное. В лаборатории она настаивала, чтобы у нее взяли кровь из ноги, однако ей, странно посмотрев на нее, отказали. Ну что же, она

не забыла избавиться от повязки до возвращения домой и припрятала синячок на сгибе локтя; ей повезло, укол сделали хорошо, след от него был почти незаметен.

У гинеколога с обманчивым именем густая пышная шевелюра, и Сандрина, которая всегда ненавидела свои прямые тонкие волосы, с завистью смотрит на облако вокруг ее лица.

Она садится на стул, и доктор с улыбкой говорит «Итак!», как будто они знакомы сто лет и как будто докторша сторает от нетерпения услышать все, что Сандрина захочет сказать. Но Сандрина, словно плохая ученица, не знает, с чего начать; она достает из сумки результаты анализов и протягивает ей.

Женщина просматривает листок и говорит:

— Хорошо, и что вы думаете?

Сандрина не понимает вопроса, и докторша напротив опять улыбается:

— Я хочу сказать, что вы на шестой неделе беременности. Вы этому рады или для вас это проблема?

Сандрина запинается, она-то полагала, что ответ выскочит сам собой, но по неведомой причине слова даются ей с трудом, и в конце концов она выдавливает из себя только тихое:

— Да-да, я рада...

Улыбка напротив становится чуть более внимательной.

— Не хотите поделиться? Отец есть? Как все обстоит на самом деле?

Сандрина хихикает. Разумеется, отец есть; на секунду она представляет себя небесной девой с ребенком на руках, что у нее непорочное зачатие. Ну что за вопрос, всегда есть отец... а впрочем, у ее папаши было свое мнение насчет потаскух, которые остаются одни с ребенком на руках. «Смотри у меня, Сандрина, это раньше их называли падшими, чтоб не обзывать блядьми. Но как бы их ни называли, это шлюхи, слышишь, шлюхи. Женщине нужен муж, и никак иначе». Она фыркает, прогоняя воспоминание, и ловит себя на мысли, что отец в последнее время то и дело появляется у нее в голове, и он, и мать тоже. Почему? — ведь она же постаралась убрать их в шкапулку, под замок.

Она жестом просит ее извинить и говорит:

— Простите, я от всего этого слегка отупела, да, конечно, отец есть.

— Вы не отупели, нет, — отвечает улыбка. — То, что вы переживаете, это потрясающее событие, есть от чего начать заикаться. Он в курсе?

— Нет еще.

— Бывает.

— Но я сама недавно узнала. Только поэтому. Мне в это воскресенье сказали. Да, и вот еще...

— Что это?

— Письмо... записка от врача из неотложки, она мне велела... она сказала... в общем, она просила передать это вам.

Докторша читает, говорит:

— Хорошо... да... понятно.

Письмо ложится рядом с результатами анализов на стол.

Сандрина раскрепощается. Врач, к которому она раньше ходила, никогда так не делал, он никогда не сидел вот так спокойно, положив руки на стол, и никогда не ждал с приветливой улыбкой, когда она расскажет, с чем пришла. У него надо было раздеваться... «Да, догола, хм, это сэкономит нам время. Ах, вам холодно, ничего, это ненадолго, нет, не дергайтесь, не двигайтесь, нет, лежите спокойно, да нет, совсем не больно, вот и все, одевайтесь». Конечно же, у Сандрины бывали вопросы, но она не осмеливалась их задать, но у этой милой женщины, может, и отважится спросить, но все это так неожиданно, что все вопросы ускользают, точно шустрые ящерицы под камнями.

Женщина спрашивает:

— Что у вас с утомляемостью, тошнотой, слабостью?

И Сандрина говорит «хорошо», потому что это правда. Да, все отлично, а после того, как та врачиха из неотложки сказала «спите сколько хотите», она отключается по вечерам без зазрения совести, единственное — следит за временем, чтобы посудомойка не заканчивала работу слишком поздно.

Женщина задает новые вопросы, расспрашивает о болезнях в ее семье. Сандрина ошалело смотрит на нее, ее семья — это Матиас и его отец, а не те двое, уроды, которым она только мешала, пока наконец не собралась с духом и не уехала от них. Она не знает, что отвечать; вспоминает, как однажды отец сказал: «Из-за тебя нам пришлось

попотеть, ты никак не желала вылезать. Ну, вылезла, и ради чего? Посмотри на себя». Но этого Сандрина не говорит, конечно. Это — бесполезная информация. Докторша напротив нее держится до того прямо, двигается до того свободно, что Сандрина завидует ей, и она не будет ей ничего такого открывать.

Время идет, и Сандрина удивляется, что ее не выставляют за дверь. Тут ее озаряет, она с досадой думает: «Ну и тупица, как ты могла забыть» — и сразу спохватывается: с крошкой внутри она не имеет права говорить о себе такие вещи.

Она открывает рот:

— Простите, я хотела спросить... У меня вчера были кровянистые выделения, это не страшно для ребенка?

Врач спрашивает:

— Ах вот как? И много? Вы что-то почувствовали? Сколько, если сравнить с месячными?

Сандрина мотает головой:

— Нет-нет, ничего особенного, всего несколько капель.

— И все-таки. Это было как при месячных, или когда вы ходили в туалет, или вы просто заметили пятна на белье?

Тяжеловатая тема для разговора, Сандрина никогда не описывала выделения с такой точностью. Однажды она отважилась спросить у своего прошлого гинеколога, отчего у нее на четвертый день месячных часто очень много крови, на пятый — почти ничего, а на шестой опять много, но он отмахнулся от нее с равнодушным и даже покоробленным видом, как будто она смутила его своим отвратительным вопросом в его кабинете с шикарными картинами на стенах.

— Иногда бывают небольшие кровотечения, — успокаивает ее доктор, — и если вы согласитесь прилечь, я вас осмотрю.

Она не велит раздеться, и Сандрина теряется:

— Что, прямо так, в одежде?

Докторша уже стоит рядом с гинекологическим креслом и накрывает его белой пеленкой.

— Да, — говорит она, — я только вашу блузку приподниму, если вы не против. — Прежде чем положить ладони на живот Сандрине, она растирает их, объясняя: — У меня всегда очень холодные руки.

И Сандрина успокаивается. Она всю жизнь ненавидела врачей, еще до того старика, который щупал ее грудь во время насморка; она

боялась показать свое тело и услышать нелестные, оскорбительные суждения. Но эта милая темнокожая женщина обо всем предупреждает, спрашивает разрешения, ощупывает мягко, и Сандрина спокойно лежит, вместо того чтобы сжаться или дергаться, как она обычно делает, когда до нее дотрагиваются.

— Ну что же, все очень спокойно, — говорит докторша и указывает на постер с картинками. — Зародыш внутри вас сейчас такой. — Сандрина видит: совсем крошка, червячок. — На данный момент, по моему мнению, ничего тревожного не происходит. Но я все же назначу вам дополнительные анализы, вы не возражаете? Проверим сахар, железо, всего ли хватает. И еще надо запланировать первое УЗИ. Вы будете приходить ко мне, и мы шаг за шагом будем делать все что нужно.

Сандрина вздыхает с облегчением, поняв, что осмотр закончен и у нее нет ничего страшного. Но тут ее пронзает новая тревога: цена. Ее прежний гинеколог обходился очень дорого — ее муж настаивал, чтобы она ходила к дорогим врачам, в клинику для богатых, пусть все видят, что он может о ней позаботиться. Вдруг и эта докторша стоит столько же, а ходить к ней придется раз в неделю? В холле она не подумала справиться, сколько стоит консультация, и ее бросает в пот: только бы хватило наличных.

Пока она застегивает брюки и утягивает живот, гинеколог говорит:

— В первые месяцы это нормально — чувствовать усталость, но надо себя щадить. Тело само потребует все, что ему нужно, вы только прислушайтесь к себе хоть немного, договорились?

Наконец она объявляет цену, совсем небольшую, в раз пять-семь меньше, чем у врача с ледяными руками и ледяным взглядом, и Сандрина тихо смеется с облегчением.

Докторша удивляется, спрашивает:

— Что смешного?

— Нет-нет, ничего, просто мой партнер настаивал, чтобы я ходила к врачу, у которого консультация стоит сто двадцать евро, и я... я боялась, что...

На этот раз смеется докторша:

— Нет, это не про нас, у нас тарифы по медицинской страховке... Вы дадите мне свою карточку?

Сандрина смущается:

— Извините, я забыла ее.

— Что ж, тогда оплату отложим; надо будет подписать бумагу, и все... Но это выйдет немного дороже.

Сандрина пожимает плечами: все равно получается недорого, и это не портит ей настроения.

Гинеколог распечатывает назначения, что занимает чуть больше времени, чем обычно, потому что в принтере закончилась бумага. Заполняя лоток, она говорит как бы невзначай:

— Знаете, наблюдать у одного и того же врача — это очень важно. Необходимо следить за ходом беременности, у вас наверняка будет множество вопросов, приступы страха, волнения... Если вы хотите, чтобы я вас наблюдала, то надо, чтобы вы мне доверились. — Она смотрит Сандрине прямо в глаза и очень ласково спрашивает: — Вы мне доверитесь?

Но Сандрина глаза отводит. О, как она понимает Матиаса, который боится вопросов в лоб и таких вот прямых взглядов; она смотрит на руки женщины — крупные, сильные, с овальными ногтями приятного сливочного оттенка.

Наконец она говорит:

— Да, конечно, — надеясь, что докторша не станет больше ни о чем спрашивать.

Он не возвращается домой в положенное время, и Сандрина беспокоится. Женщина из полиции приезжает, как обычно, а вот его машины нет. Потом приходит СМС-сообщение: он ужинает с Кристианом, и Сандрина предлагает Матиасу съесть еще один тост с сыром и ветчиной. Побывав в духовке второй раз, хлеб немного подсыхает, но Матиас ест с аппетитом. Потом они устраиваются перед телевизором, как дети-заговорщики, и случайно натываются на повтор заинтересовавшего их документального фильма от прошлой субботы; они наблюдают, как казуары пробираются сквозь мокрые заросли. Матиас доволен, а раз Матиас доволен, то и Сандрина тоже. Завтра у него в школе нет занятий, и они досматривают фильм до конца, затем вместе идут наверх, вместе чистят зубы и соревнуются, у кого больше пены.

Сандрина укрывает его одеялом, и он спрашивает:

— Завтра моя мама опять придет?

— Да, — говорит Сандрина, пытаясь справиться с уколом ревности, который она чувствует всякий раз, когда Матиас произносит слово «мама».

— Мама вспомнит что-то еще? Что-то новое? — опять спрашивает ребенок, и, разумеется, он хочет услышать, что она вспомнит *его*.

— Знаешь, Матиас, — говорит Сандрина, — врачи сказали, что надо набраться терпения, но есть еще кое-что, что ты никогда не должен упускать из виду: твоя мама вернулась, потому что ей сказали, что у нее был ребенок. Она вернулась ради тебя.

Это успокаивает малыша, и он улыбается во весь рот, перед тем как свернуться калачиком под одеялом.

Сандрина оставляет его дверь приоткрытой и бредет по коридору с телефоном в руке: новых эсэмэсок нет, хотя уже поздно. Нет, конечно, такое и раньше случалось, иногда он задерживался на работе допоздна, иногда засиживался с приятелями, когда у него теннис и обед в ресторане, но все-таки вечера он любит проводить дома, с ними.

Она заходит в комнату с полками, где первая жена хранила свои книги и занималась шитьем. Сандрина заняла часть полок, но ей так и не удалось сделать эту комнату своей. Иногда ее охватывает дрожь, когда она заходит, — ей чудится легкое дуновение на затылке, хотя она не верит в призраков... Что за глупости, какие призраки, ведь Каролина не умерла.

В окно видно, что на другой стороне улицы стоит полицейская машина. Что же ей нужно, этой женщине? — думает Сандрина. Неужели у нее нет своей жизни? Потом она говорит себе, что, может быть, у этой женщины есть дети, а она сидит здесь, вместо того чтобы быть с ними.

Она обходит комнату. Рядом со столом, на котором стоит швейная машинка, пристроилась высокая плетеная корзина без ручки и без крышки, в ней лежат отрезки ткани и всякие лоскуты. Сама она шить не умеет, но с подачи мужа оставила все это — вдруг когда-нибудь займется шитьем? А что, если найти лоскуток с каким-нибудь веселеньким рисунком и сшить что-нибудь совсем простенькое, слюнявчик, например, а потом показать ему и объявить о будущем ребенке? Да, это будет здорово, отличная идея.

Сандрина хочет поднять корзину на стол, но та весит гораздо больше, чем она предполагала, а доктор запретила ей носить тяжести.

Она садится на пол и по очереди вынимает ткани — решает рассортировать их: гладкие, с рисунком, белые... Ей попадаются симпатичные лоскуты, она узнает обрезки с маленькими воздушными шарами, красными и белыми, у Матиаса когда-то была пижамка с таким рисунком, она видела ее на одной из старых фотографий, что малыш вытащил из альбомов. Она вынимает тяжелые шерстяные отрезки и вдруг, когда корзина опустела почти на две трети, натывается на кусок сложенного конвертом желтого флиса. Внутри, кажется, что-то зашито. Она ощупывает сверток — да, между желтой тканью и синтепоновой подкладкой что-то есть.

Ей приходится распороть стежки, чтобы узнать секрет.

Паспорта — два паспорта. Один на имя Каролины, второй — для Матиаса. Выданы в одно и то же время, за несколько недель до исчезновения Каролины.

Сандрина сидит на полу среди стопок ткани с двумя маленькими книжками в руках. У нее самой такого паспорта нет, она никогда никуда не ездила. Паспорта новенькие, какие-то негибкие, она с трудом смогла их пролистать. На фото Матиас еще совсем маленький, а его мать очень серьезная; две пары черных глаз не мигая смотрят прямо на нее.

Она не знает, как поступить с этими двумя паспортами, постепенно теплеющими в ее руках. Осторожно приподнимается и бросает взгляд в мансардное окошко. Полицейская машина все еще там. Сандрина оглядывает комнату. Это владения Каролины, здесь ее полки, ее коробки, все чисто, все в порядке, но теперь, когда в ее руках паспорта, она понимает, что эта комната полна тайн. Каролина что-то прятала. Каролина что-то скрывала... Она вспомнила жест Каролины — как та распахнула шкафчик под раковиной и достала оттуда полотенце. Нет, она точно что-то скрывает.

На улице слышится шум мотора. Сандрина снова выглядывает в окно и видит, что полицейской машины уже нет. Однако Сандрина не чувствует облегчения; паспорта в ее руке весят целую тонну — что с ними делать, как ей быть, чтобы не случилось еще одно светопреставление?

Снова раздается шум мотора: это он. Должно быть, дожидался отъезда полицейской, может быть, на аллее у футбольного поля

неподалеку от въезда в поселок; он приехал слишком быстро, чтобы списать это на совпадение.

Сандрина растерянно оглядывается, колеблется, мнется, наконец заворачивает паспорта в желтый флис и убирает обратно в корзину. Если он сам докопает до паспортов, скажет, что корзину она не разбирала и ничего не видела. Хватает первую попавшуюся стопку и кладет ее на сверток, потом застывает, прислушиваясь.

Он ставит машину, и проходит чуть больше времени, чем требуется, прежде чем гремят ключи в замке. Ее муж со вздохом наклоняется и снимает обувь; шаги на ступеньках чуть тяжелее, чуть громче.

Приостанавливается в коридоре, чтобы распахнуть дверь в комнату Матиаса, идет дальше и обнаруживает ее в комнате Каролины. Глаза красные, изо рта противно воняет. Он напился.

— Ты что тут забыла? — спрашивает с вызовом и упреком.

Сандрина не знает, что сделала плохого; он же сам настаивал, чтобы она шила, вязала, наводила порядок, да еще вдобавок ко всему уволилась с работы; ему должно понравиться, что она тут занялась тряпками, но нет, он на грани ярости. И она опять говорит себе: «Не сегодня, моя крошка; и нужно дышать ровно, чтобы не дать ему заподозрить, что что-то не так, что я нашла тайник, что Каролина лжет, что Каролина его обманывала».

Она говорит:

— Видишь? Достала отрезы, подумала, может, сшить новые шторы в гостиную, и посмотрела, есть ли что-то подходящее.

Это ее коронный прием: он любит, чтобы все было по полочкам, все на своих местах, это снижает его тревожность и стыкуется с его планами, в которые входит, что Сандрина должна быть при нем, чуткая, заботливая.

Он говорит:

— Мм... ну-у ланно... рас так.

Ее муж в самом деле пьян, она еще не видела его таким, нет, никогда не видела. Он любит все контролировать и не выносит расхлябанности в хлам пьяного человека.

Сандрина спрашивает себя, почему он так напился, а вслух говорит лишь:

— Я приберусь тут и приду.

Он уходит. Сандрина думает: он вел машину пьяный, а ведь уже неделю у его дома дежурит полиция. Чего он добивается? Может быть, ищет возможности поступать так, как хочется ему самому? На него первая жена свалилась как гром среди ясного неба, а раньше он страдал от вторжения в его жизнь Анн-Мари и Патриса. Жена вернулась из небытия, и он не может ничего сделать... Не исключено, что на его месте Сандрина тоже запила бы.

Она проверяет, насколько надежно укрыт желтый флисовый сверток, наводит в комнате порядок и идет в спальню. Ее муж храпит в трусах и носках, его одежда валяется у кровати.

Сандрина подбирает и складывает вещи, ложится. Он не шевелится. Она засыпает.

Посреди ночи он пробуждается, включает свет, идет в ванную и пьет из-под крана шумно, как мучимый жаждой зверь.

Сандрина не открывает глаз — докторша сказала: прислушивайтесь к своему телу, а ее тело хочет спать.

Она натягивает одеяло на лицо, чувствуя себя примерной ученицей, хорошо усвоившей урок.

10

Как ни странно, эта суббота похожа на предыдущую; подъем, пока муж спит — завтрак вдвоем с Матиасом, дрожащим от нетерпения. Мальчик спрашивает:

— Сегодня я опять поеду с мамой к бабуле-дедуле?

Сандрина говорит:

— Я не знаю Матиас, это зависит от твоего отца.

Ребенок замыкается; Сандрине очень хочется утешить его, но она удерживает себя. Не ей решать, а его отец в последние дни на таком пределе и до того потерянный, что она боится разочаровать малыша. Она предлагает ему испечь печенье, ведь гости приедут к ним на кофе.

Сандрина не дает Матиасу смешивать ингредиенты его отец не выносит, когда сын возится у плиты, — но она доверяет мальчику нож с закругленным лезвием, чтобы вырезать фигурные кусочки из раскатанного теста. Работать ножом — это другое дело, это можно, это по-мужски.

Печенье уже в духовке, когда отец Матиаса тяжело спускается со второго этажа. Он принял душ и оделся, у него покрасневшие глаза, но это видит только она и только потому, что знает его наизусть; для любого другого он выглядит как всегда.

Он требует аспирин и воды, спрашивает Матиаса, который предусмотрительно достал свои школьные тетради, сделал ли тот уроки, и мальчик утвердительно кивает. Кивает и ждет. Одним вопросом отец никогда не ограничивается — у него в запасе всегда целая куча быстрых и конкретных вопросов. Одно время Сандрина думала, что отец Матиаса совсем не интересуется школьными делами, но она ошибалась — он считает, что у его сына всегда и все должно быть в порядке, только это его и заботит. Это тот минимум, которого он требует от мальчика, и он не проверяет каждодневно его выполнение, поскольку выполнение подразумевается само собой.

Но этим утром он садится рядом с Матиасом за обеденный стол и говорит с ним мягко, просматривая его тетради, в том числе для рисования. Матиас рисует то же, что и все, но как только предлагается свободная тема, на листах появляются странные птицы с

распростертыми крыльями и клювами, полными зубов. Отец хвалит сына, потом предлагает ему поиграть в футбол во дворе. Обычно в это время он занимается садом, выравнивает живую изгородь и стрижет газон, но сегодня исключение из правил.

Сандрина одним ухом прислушивается к ударам по мячу, а сама крутится в прачечной. Она знает, ему понравилось бы, если б его сын рос более бойким, более уверенным в себе, настоящим мальчишкой; и часто, когда они вот так играют, это плохо заканчивается: Матиас, не проявляющий никакой напористости, задиристости, разочаровывает отца. Он не умеет делать обманные движения, не уводит мяч из-под ног соперника. Его отец хочет, чтобы Матиас занялся спортом, где самое главное — победить, но мальчику, похоже, чуждо желание взять верх над кем-то. Однако этим утром отец терпелив, и сквозь открытую стеклянную дверь доносится смех обоих. Погода стоит довольно мягкая, так что можно проветрить дом, и это нормальное, счастливое утро успокаивает Сандрину.

Они обедают на воздухе; на десерт Матиас ест печенье, макая его в шоколадный крем (Сандрина этот крем терпеть не может), царит мирная тишина, которую нарушают лишь довольные причмокивания мальчика. Ее муж смотрит на сад, и Сандрина боится, что он заметит какой-нибудь беспорядок: сорняк, опавшие листья, — и это испортит то хрупкое спокойствие, которого нет уже две недели, с тех пор как они увидели первую жену на экране телевизора. Она кладет руку на живот, думает, что это подходящий момент, но раздается шум мотора, и ее муж напрягается всем телом.

Первыми прибывают полицейские, за ними Каролина и ее родители, последней появляется незнакомка, которая, едва успела зайти, без всякого стеснения рассматривает диван, стол, стулья, книжные полки и все остальное. Сандрина думает, что это, наверное, и есть социальный работник. Женщина пожимает ей руку, у нее крепкая холодная ладонь, она говорит: «Доктор Бенасса», и Сандрина не решается спросить: «Доктор — в смысле врач?» Так, может, это не социальный работник? Но почему тогда первая жена пришла в сопровождении врача?

У ее мужа веселый голос, хотя ему нелегко держать марку, она знает это. Он говорит:

— Присаживайтесь! — Потом смотрит на Сандрину: — Кофе?

Она просит ее извинить и идет на кухню. Матиас на диване уже прилип к матери, которая выглядит не такой неуверенной, как в прошлый визит.

Сандрина готовит кофе, убеждая себя, что это случится сегодня вечером: да, сегодня вечером она скажет ему про крошку. Ее муж хоть и делает над собой усилие, но выглядит так, будто хочет показать свою добрую волю; кто знает, может, у него это получится?

Она слышит, что доктор Бенасса — психотерапевт, она из тех специалистов, кто по мере необходимости сотрудничает с полицией. Она будет помогать Каролине, пока та не найдет врача, который будет ее вести постоянно. Доктор Бенасса говорит, что с целью восстановить память они попробуют разные методы, в частности гипноз, но главное, чтобы Каролина как можно больше находилась в знакомых местах.

— Да, разумеется, я понимаю, — говорит муж Сандрины.

Повисает тишина, Сандрина оборачивается к гостиной и бросает на него взгляд. На лице мужа натянутая улыбка, обнажающая клык; напротив него сидит полицейская, та самая, которая всю неделю каждый вечер дежурила у дома и которую он обзывал сукой. У полицейской широко распахнутые удивленные глаза.

— Я хочу сделать так, чтобы все прошло как можно лучше для Матиаса, — добавляет он. — Полагаю, все согласится, что в этой истории главное — мой сын.

Мальчик сидит на диване рядом с Каролиной, она поглаживает большим пальцем его ладошку, которую он вложил в ее ладонь; две пары бездонных черных глаз напоминают Сандрине о паспортах, спрятанных в комнате для шитья.

Она выносит поднос с кофе, и полицейская по-доброму улыбается ей, говорит:

— Большое спасибо, Сандрина.

Сандрина спрашивает себя, почему эта женщина все время смотрит на нее так, будто они с ней в одной связке, тогда как с ее мужем ведет себя холодно, чуть ли не кривясь от отвращения. Зачем она следит за ними по вечерам? Зачем она портит им жизнь? В этой комнате собрались одни притворщики, делает она вывод, все взрослые лгут; единственный, кто не лжет, это Матиас. То есть как... Он говорит слишком мало, чтобы врать, но и он таится, скрывает свои мысли и чувства. В ее голове мгновенно проносится: *«Забирай ребенка и*

уходи», мысль приходит неизвестно откуда, и Сандрина не понимает, почему это она должна уйти, если муж любит ее, хочет ее. Зачем ей уходить, когда она вот-вот создаст семью, когда у нее уже есть семья? Зачем ей разрушать то, о чем она так долго мечтала?

Это все беременность, успокаивает она себя, это нормально, ну конечно, это просто гормоны. Она вспоминает, как однажды ее муж сказал, что мозг беременной женщины теряет до десяти процентов своего веса, а потом рассмеялся и добавил: «Оно и к лучшему». Она обиделась, и он сказал: «Да, ладно тебе» — и Сандрина заставила себя улыбнуться, потому что знала: если она рассердится, то он, в свою очередь, вскипит и разозлится. К тому же он говорил не о ней, а о жене Кристиана, которая после рождения последнего ребенка несколько недель ни на что не годилась: ныла, валяясь в постели, а под конец очень коротко подстриглась и потребовала развода. Он часто рассказывает ей о жене Кристиана, занозе в заднице, которая сама не знает чего хочет, но Сандрина никогда ее не видела и вряд ли теперь увидит. Если он заводит речь о Кристиане, то говорит о нем с жалостью или даже с презрением: мужчина, которого бросили, это не мужчина. У нее нет своего мнения о Кристиане. Когда ее муж приглашает друзей к ним на ужин, она озабочена тем, чтобы не ударить в грязь лицом, и по большей части крутится на кухне. Но она, конечно же, знает, что муж умнее ее, образованнее, что у него более значимая работа, и старается не опозорить его. Однажды вечером Кристиан предложил ей сигарету, и она согласилась — выпила два бокала, и ей вдруг показалась привлекательной идея стать одной из тех женщин, кто так элегантно пускает дым в теплой летней ночи; импровизируя, будто на сцене, она сыграла роль молодой, (слегка) сексуальной, (слегка) раскованной подружки, но ее муж этого не оценил и после ухода гостей заговорил с ней громким голосом. Нет, закричал, и кричал так громко, что она испугалась, как бы Матиас не проснулся. С тех пор она никогда не выпивала и уж тем более не курила, но он снова и снова возвращается к этому случаю и внимательно вглядывается в нее, когда говорит: «Пойду побросаю мяч с Кристианом», как будто в этом имени заключалось что-то особенное, что должно запустить в ней какой-то отклик и выдать ее, а между тем они с Кристианом за почти два года обменялись всего десятком вежливых приветствий («Добрый вечер!»), а в тот самый день он

сказал: «Огонька?» и «Дивная ночь», а она ответила: «Да, перед вашим приездом моросило, и лаванда пахнет очень сильно...» — «Да, правда, а я-то думаю, откуда этот аромат», — откликнулся он.

Ну вот, опять она отвлеклась, он прав, беременные женщины сильно глупеют.

Полицейская говорит:

— Что ж, хорошо, очень хорошо.

В ее голосе слышится сомнение, но улыбка становится широкой, пожалуй, даже искренней — он попал в цель, демонстрируя добрую волю. Сандрина знает, что это «хорошо» вселяет в него уверенность, успокаивает; муж снова чувствует, что он в своем доме и здесь у него все под контролем.

Каролина обходит комнаты с повисшим на ее руке Матиасом, ее сопровождают психотерапевт, женщина-полицейский и бывший муж. Бывший? До сих пор никто не объяснил Сандрине, что будет дальше: их с Каролиной брак аннулировали или нет после ее исчезновения? они разведутся? — она ничего об этом не знает. Но и не смеет задать этот вопрос, думая, что с ее стороны он покажется весьма эгоистичным, и к тому же он нуждается в том, чтобы она оставалась с ним и поддерживала его, а не усложняла ему жизнь. Насчет усложнять — тут и полицейской хватает. Эта женщина не просто смотрит на нее, а буквально впивается взглядом, и Сандрина все больше и больше видит в ней опасное, вредоносное существо. Полицейская с ее темными волосами, курносым носом и курткой из гибкой матовой кожи напоминает ей летучую мышь; как-то они с Матиасом видели таких по телевизору — эти мыши-вампиры присасываются по ночам к домашним животным и сосут их кровь.

Сандрина сидит в гостиной с родителями Каролины и полицейскими; у нее прекрасно получается поддерживать пустой разговор: «Какое прекрасное печенье». — «О, это так, пустяки». Хвалит духовку: «Она очень высокого качества, и в этом весь секрет». Добавляет: «Печенье я испекла утром, а свежее всегда вкусное...» — но тут Анн-Мари резко обрывает ее, и Сандрина чувствует, что безмятежности пришел конец. Мать Каролины никак не оставит ее в покое. Но почему, почему? Ведь она ничего не требует — ничего, просто ей хочется остаться в этом доме с Матиасом и крошкой, которая родится, ей хочется мирной семейной жизни с мужчиной, который

умеет плакать. Она напрягается. Сейчас Анн-Мари скажет, что за все надо платить, и она уже на волосок от того, чтобы выпалить: «Ну зачем, зачем вы это делаете, зачем вы это делаете со мной? Я глупа, у меня нет своего мнения, я не хочу, чтобы со мной говорили о сложных и небезопасных вещах, считайте, что *меня здесь нет!*» Но ничего не выходит. Ну, разумеется, с тех пор как Каролина вернулась, Анн-Мари ведет себя совсем по-другому, она забывает о безопасной дистанции, она нарушает ее, и Сандрина точно знает: если сейчас Каролина вернется в гостиную в сопровождении своего эскорта и он, ее муж (а кто же он ей?), увидит, как они обсуждают что-то с Анн-Мари, все пойдет под откос, а ведь она хочет только одного:

Спокойного!

Вечера!

Пожалуйста!

Прошу!

Черт бы вас всех побрал!

Но куда там, нет, конечно же, нет. Анн-Мари говорит вполголоса:

— Послушай, Сандрина, как ты знаешь, полицейские возобновили расследование. Они хотели бы выяснить... но лучше лейтенант сам тебе скажет, к чему они пришли.

Полицейский знаком дает понять, что все нормально, и Сандрина догадывается, что Анн-Мари с ним заодно, что, должно быть, она часто с ним беседует и видит в нем человека, которому можно доверять, почти что друга.

Он начинает:

— Вы уже знаете, что я и моя коллега серьезно занимались этим делом...

Само собой, Сандрине это известно.

— Мы регулярно связывались с Маркесами... моя коллега собирала всю информацию, мы пытались докопаться до деталей, вот почему нам сразу же дали знать, когда парижские коллеги установили личность Каролины.

Полицейский объясняет, что теперь, когда стало известно, где так долго находилась Каролина, они начали с другого конца, чтобы отследить цепочку в обратном направлении. Связались с больницей в Италии, в которой она провела все эти месяцы, прежде чем заговорила — заговорила по-французски, к изумлению медицинского персонала.

Просмотрели записи с камер наблюдения в приемном покое, куда доставили Каролину и где ей оказали первую помощь. Уточнили график работы сотрудников скорой помощи, которые привезли ее в больницу после того, как поступило сообщение о бредущей по рисовому полю в Пьемонте голой женщине. Каролину увидела итальянская автомобилистка, она и позвонила в службу спасения; потом они с ней связались и сняли показания. Каролина находилась далеко от границы, если учесть ее вид и состояние, но на машине оттуда до Франции рукой подать. Также они составили список автозаправочных станций на протяжении трехсот километров и сейчас опрашивают управляющих, служащих, бывших служащих. Все это требует времени, а также сотрудничества с итальянской полицией, поэтому надо набраться терпения.

При упоминании о голой дочери, бредущей по колкому полю, Анн-Мари ежится, обхватывает себя руками, как будто ей холодно, но сдерживается, не плачет.

Полицейский добавляет:

— Мы также получили историю болезни из итальянской больницы, и это довольно большое досье.

Потом наступает тишина, полицейский и родители Каролины смотрят на Сандрину, как будто ждут от нее какой-то реакции, и единственное, что приходит ей в голову:

— Разве это не конфиденциальная информация, зачем вы все это мне говорите?

Анн-Мари опускает глаза, едва заметно покачав головой в знак то ли отрицания, то ли разочарования, а может быть, осуждения.

Со стороны гаража доносится шум — возвращаются Каролина и ее сопровождающие. Молодая женщина первой входит в гостиную, Матиас висит у нее на руке.

Сандрина спрашивает:

— Хотите еще кофе?

Каролина в это время говорит: «Хорошо, да, хорошо», но к кофе это не относится, потому что психотерапевт говорит: «Тогда пойдете», и становится ясно, что они собираются подняться на второй этаж.

Сандрина стоит с почти полным кофейником в руках, ее муж смотрит на нее, проходя мимо, и она понимает, что он хотел бы

оказаться в любом другом месте, но только не здесь. Он окидывает взглядом родителей, мужчину-полицейского, и спрашивает Сандрину:

— Хочешь пойти с нами?

Сандрина чувствует, что спасена — он заметил ее смятение и уводит из гостиной, которая превратилась в комнату для допросов. Ей не терпится, чтобы все эти люди ушли, но раз уж надо пережить это вторжение, то лучше быть рядом с ним, с мужем, а не в одиночку отражать нападки. Она польщена тем, что он позвал ее с собой — это еще одно доказательство того, что он нуждается в ней.

Психотерапевт морщит нос и говорит:

— Я думаю, что присутствие человека, которого Каролина никогда не знала, может повредить процессу больше, чем что-либо другое.

Но ее муж совершенно спокойно парирует:

— Сандрина — моя подруга, она стала для Матиаса настоящей матерью, и здесь она у себя дома.

Он кладет руку на шею Сандрины тем жестом собственника, который с самого начала так приятно обнадеживал ее; она чувствует его горячие пальцы у себя на затылке и не может удержаться от того, чтобы с легкой заносчивостью не посмотреть Каролине прямо в глаза, как бы говоря: «Видишь, видишь, я тоже имею право тут находиться». В глазах первой жены что-то мелькает, и Сандрина думает: «Она ревнует».

Ее муж стоит в ожидании вердикта, но на самом деле он не сомневается: раз он так решил, с этой минуты Сандрина будет с ними, это его дом, и здесь он главный. Психотерапевт как будто размышляет, потом говорит:

— Да, конечно, пойдёмте.

И теперь процессия шествует вверх по лестнице; скрипучая ступенька отзывается шесть раз: Каролина и Матиас, его отец, Сандрина, психотерапевт, полицейская.

На прошлой неделе Каролина уже была в комнате Матиаса, однако они снова туда заходят. Психотерапевт восклицает:

— Какой идеальный порядок! — словно в этом есть что-то плохое.

И муж Сандрины говорит:

— Матиас весь в меня, он очень аккуратный. — В его голосе звучит гордость.

Потом он протягивает руку, чтобы взъерошить волосы ребенка, и заодно притягивает мальчика к себе, приобнимает его одной рукой, в то время как другая рука все еще лежит на шее Сандрины; они стоят втроем посреди детской, и он улыбается и ей, и Каролине. Каролина ничего не говорит, впрочем, она с самого начала была немногословна.

Осмотрев детскую и спальню, они направляются к комнате с полками. Сандрина не спускает глаз с первой жены, следит за каждым ее вздохом и жестом, она ждет, что скажет Каролина, завидев большую корзину с тканями, но ничего не происходит. Каролина заходит в комнату и застывает в неподвижности, устремив взгляд в окно. Сандрине не видно ее лица, но ничего, ни одно движение не говорит о том, что Каролина что-то вспоминает. Она делает шаг, другой, разворачивается, но ее взгляд ни на чем не задерживается, пока она не подходит к книжным полкам. Кажется, что-то наконец привлекло ее внимание. Она наклоняется, чтобы прочесть названия, и указывает на книгу с синим корешком:

— Я помню эту книгу. Я читала ее в лицее.

Психотерапевт изображает ободряющую улыбку:

— Очень хорошо, Каролина, продолжайте, не торопитесь.

Каролина протягивает руку, но останавливает себя, оглядывается на сопровождающих и со слегка смущенным видом девушки в гостях у школьной подружки спрашивает:

— Можно?

Все оборачиваются к Сандрине, а она — к своему мужу, и тот самым любезным тоном говорит:

— Ну разумеется!

Книги очень плотно прижаты друг к другу, и надо сильно надавить на корешок, чтобы вытянуть одну из них. Каролине это удается, она подносит книгу к лицу, нюхает ее, читает, что написано на обороте обложки. Она как ребенок, которому объяснили про пять чувств, и тот по очереди опробует их. «Может, сейчас еще лизнет?» — думает Сандрина. Психотерапевт одобрительно кивает, и Сандрина решает, что доктор Бенасса подсказала ей этот метод и Каролина примерная ученица. Потом ее мысль меняет направление. «Это у нас с ней общее, — думает она, — я бы тоже так поступила». Тут же она вспоминает, что она и Каролина полюбили одного мужчину, и говорит себе: «Вот и еще один общий пункт», но что ей с того, не понимает.

Матиас ждет в коридоре, ему объяснили, что все, что Каролина пытается сделать, очень важно, и он согласился отпустить ее руку, когда она заходит в очередную комнату. Отец мягко дотрагивается до его головы, привлекает к себе и прижимает к своим ногам. Сандрина прекрасно видит, какая складывается картина: они втроем против всех остальных. Возможно, для Каролины это печально, но она, вторая жена, чувствует облегчение оттого, что они, все трое, рядом, сплоченные. Она чувствует тепло, исходящее от тела мужа, и это тепло во всех смыслах согревает ее. А Каролина одна в комнате для шитья, и даже воспоминания оставили ее, разве что эта потрепанная книжка, которую она читала в лицее... Тут в голове мелькает: «Эта женщина действительно ничего не помнит о том, что замышляла перед своим исчезновением? Или она ломает комедию?» Сандрина вспоминает про полотенце, которое так легко нашла первая жена, — уж слишком уверенными, совершенно естественными были жесты, когда Каролина открыла дверцу, чтобы достать полотенце и вытереть руки, на это трудно было не обратить внимание. Однако сегодня хрупкая темноволосая женщина кажется ей такой одинокой, такой неприкаянной в этом уголке, который должен быть ей хорошо знаком, что она забывает историю с полотенцем. Проникнувшись жалостью, она указывает на книгу и предлагает:

— Возьмите ее, если хотите.

Каролина прижимает книжку к груди и говорит:

— Правда? Спасибо.

Сандрина отвечает:

— Да, конечно, к тому же она ваша. — И чувствует, как пальцы мужа слегка сдавливают шею, как бы в знак одобрения, как бы в награду.

Каролина заканчивает осмотр, и психотерапевт говорит:

— Вы не хотите задержаться здесь на минутку?

Но Каролина отвечает:

— Нет, я немного устала.

Все возвращаются в гостиную, где ждут полицейский и родители Каролины. Их беседа обрывается на полуслове, точно они заговорщики. Сандрина варит свежий кофе, Каролина и полицейская выходят покурить на террасу, а отец с Матиасом устраиваются в кресле. Психотерапевт объясняет, что она очень рассчитывает на эти

визиты, которые помогут что-то там разблокировать, и Сандрина отмечает про себя множественное число, которое означает, что это посещение не последнее, будут и другие. Она украдкой заглядывает из кухни в гостиную — боится, что ее муж выйдет из себя, но нет, он спокоен, и Матиас как приклеенный сидит у него на колене.

Каролина и полицейская возвращаются с террасы, усаживаются на диван.

— Разумеется, я понимаю, — говорит муж, — что, как я уже заметил ранее, для всех нас главное — сделать так, чтобы все прошло наилучшим образом для Матиаса. — Он кладет руку между лопатками ребенка и добавляет для ясности: — Мой сын — вот главное.

В черных глазах Каролины ничего не отражается, и Сандрина опять в сотый раз повторяет про себя дурацкий речитатив: «Кто эта женщина, о чем она думает, чего она хочет, что значат эти застывшие позы и плавные, как у змеи, движения?» Каролина сидит на самом краешке дивана так прямо, словно готова немедленно встать и уйти; когда он гладит ребенка по спине, а потом кладет ладонь ему на шею, она мгновенно скрещивает руки на животе, чем еще больше подчеркивает свое сходство с пугливой ящерицей, которая колеблется, не зная, застыть на месте или спастись бегством. Потом она говорит: да, конечно — и отводит глаза в сторону, не смотрит ему в лицо. *Ящерица*, думает Сандрина.

Когда она разливает по чашкам кофе, все ненадолго умолкают, а потом Анн-Мари легко и непринужденно, так, словно эта мысль только что ее осенила, спрашивает:

— А что, если Матиас сегодня переночует у нас?

Пальцы на шее Матиаса чуть сжимаются, отец придвигает ребенка к себе, хмыкает. Полицейская сидит на табуретке, которую притащили из кухни, чтобы всем хватило места; сидит и постукивает пальцами по колену — с вызовом, как кажется Сандрине. Она пытается не обращать внимания на этот стук и смотрит только на Анн-Мари и Патриса, но краем глаза видит движение пальцев; это нервирует, ей хочется, чтобы это прекратилось. Она чуть поворачивается на своей табуретке, чтобы полицейская исчезла из поля зрения, но все равно чувствует, что та не унимается, и неожиданно замечает, как участилось ее собственное дыхание.

Она сосредоточивается на вдохах и выдохах, в то время как все остальные ждут ответа от отца Матиаса.

И наконец тот говорит:

— Мой сын прилежный ученик, он много работает в школе. Выходные предназначены для отдыха в семье...

Анн-Мари тут же восклицает:

— Мы тоже его семья!

Сандрина никогда не видела ее такой враждебной. Он, как большую тяжелую куклу, пересаживает Матиаса с одного колена на другое и хмыкает.

Анн-Мари откашливается и говорит:

— Прошу прощения, я... это... в общем, я хочу сказать, что мы тоже очень любим Матиаса.

Сандрина в этом уверена, всем известно, что Анн-Мари и Патрис любят Матиаса; и все знали об этом еще до того, как они завели ради внука этого страшенького Пикассо. Любовь видна по тому, как они на него смотрят, им интересна вся его жизнь, они восхищаются своим дорогим Матиасом, восхищаются его рисунками с зубастыми птицами, тем, как он ест шоколадное мороженое и завязывает шнурки. Но у них нет на него никаких прав, это Сандрина тоже знает, ведь ее муж не раз говорил: «Если они хотят видеть Матиаса, то пусть приходят сюда, потому что все зависит от меня». Так и есть, все обеды, все развлечения, все ночи, которые Матиас проводит в доме бабушки и дедушки, требовали согласования. Как правило, переговоры вела Анн-Мари своим слегка плаксивым голосом, иногда звонил Патрис, который просто объявлял: «Мы хотели бы взять его на это воскресенье», и очень часто старики соглашались прийти к ним, потому что так проще. Однако Сандрина знала, что Матиас обожал оставаться у них на ночь, так было и до появления этой смешной дворняжки, но мальчику такие визиты позволялись крайне редко. А теперь — два раза подряд, и это уже слишком. Именно так отец Матиаса и отвечает голосом спокойным и назидательным:

— Это слишком, Анн-Мари.

Полицейская вздрагивает, а психотерапевт прочищает горло и говорит:

— Разве не будет проще спросить самого Матиаса?

Сандрина думает: «Нет-нет, только не это!» Она, эта женщина, не понимает, что делает, Матиас здесь не командует, не он решает. Она не понимает, какой вред наносит ребенку. У его отца очень четкие представления о том, что дозволено решать ребенку: ничего. Все, кто живет в его доме, живут по его правилам, а эта психотерапевт, которая вмешивается и несет черт-те что, ставит Матиаса в безвыходное положение, потому что ответа на такой вопрос нет. Если он скажет, что хочет поехать к бабушке и дедушке, отец будет недоволен, а если скажет, что хочет остаться дома... Да нет, он не хочет оставаться здесь... как пить дать. Он хочет уйти со своей мамой, это же очевидно.

Сандрина не знает, как быть, а психотерапевт, сидя в кресле, улыбается, словно она гордится собой. Как же, как же ей в голову пришла замечательная идея. Дура, и ты тоже, ты тоже, сука, хочешь взорвать наш мир.

Сидя на коленях у отца, Матиас смотрит на Сандрину, и она, одна-единственная, понимает, что означает его взгляд. И говорит:

— Только на эту ночь, да? И привезите его обратно завтра утром, хорошо?

Она отрывает взгляд от Матиаса и смотрит на его отца. Это ошибка, она понимает, что ошиблась, что не должна была открывать рот.

Матиас говорит «да!», как угорь выскользывает из отцовских лап и прыгивает на пол. Сандрина думает, что он целиком прилепится к своей матери, но нет, он бежит к ней, Сандрине, и бросается ей на шею. Она не привыкла к таким порывам со стороны ребенка и даже не успевает обнять его в ответ.

— Спасибо! — кричит он и быстро бежит на второй этаж собирать вещи. В этот раз он не нуждается в подсказках.

Ступенька скрипит, ребенок исчезает за дверью своей комнаты, и психотерапевт говорит: «Прекрасно»; полицейская говорит: «Неплохое решение, господин Ланглуа»; а ее коллега добавляет: «Все признаки и случаи проявления доброй воли будут учтены в суде».

Ее муж в полном недоумении оборачивается к нему:

— В каком еще суде?

Полицейская с сияющим видом сообщает:

— О, мы посмотрим, как пойдут дела, но наверняка придется договариваться об опеке. Видите ли, родительские права есть не

только у вас, но и у матери тоже. Госпожа Маркес, как и вы, имеет право видеть Матиаса.

Он говорит:

— Яне понимаю, на что тут может претендовать моя теща. — И говорит так, как будто Анн-Мари тут нет.

Полицейская тоном человека, чей день удался на славу, выплескивает новую порцию яда:

— Под госпожой Маркес я имею в виду не присутствующую здесь бабушку Матиаса, а Каролину.

Как, недоумевает Сандрина, разве Каролина — не Каролина Ланглуа? И опять возникает вопрос о статусе Каролины, пропавшей жены, предположительно погибшей, но нет, живой. Выходит, если ты воскресла из мертвых, то берешь себе девичью фамилию, так, что ли?

По гневной вене, которая вспухла и забилась у него на виске, видно, что он понял: Каролина — мать Матиаса; даже если она не узнала сына, все равно это признанный факт. И в любом случае придется оформлять развод, а при разводе всегда один теряет — другой приобретает, один выигрывает — другой проигрывает.

Вена колотится, как очумелая, и Сандрина знает, каких безумных усилий ему стоит ровным тоном ответить:

— Я понимаю, что вы хотите сказать, но думаю, мы с Каролиной сможем урегулировать все и прийти к договоренности, как только ее состояние стабилизируется. А пока, полагаю, нежелательно доверять моего сына женщине, которая сама себя не помнит. Не так ли? А, Каролина?

Каролина вздрагивает, как человек, которого резко разбудили. С тех пор, как она вернулась, он впервые обратился к ней напрямую и посмотрел в глаза. Или нет? Он называл ее раньше по имени? Сандрина никак не может вспомнить, но, кажется, не называл. Каролина — как немая, сегодня почти никто не слышал ее голоса; это можно понять — ей трудно разговаривать с бывшим мужем и Сандриной. Так может, она прекрасно помнит о паспортах и своих махинациях? Что она задумала, что означают эти ее змеиные повадки, это ее хладнокровие?

— Так ведь, Каролина? — Он повышает голос; звучит, будто он обращается к полоумной, и Каролина отвечает в точности, как Матиас, и эта точность настораживает.

Она говорит:

— Да, конечно. — И в ее ровной интонации ничего не чувствуется, ни капли неудовольствия или принуждения.

На лестнице слышится топот — малыш, он готов. Полицейская говорит:

— Отлично, они привезут его завтра. В котором часу? В три часа дня?

Три часа дня — это далеко не утро, эта сучка злоупотребляет терпением отца Матиаса, не знает меры, ведет себя, как хозяйка. Сандрину тошнит, она просит ее простить и бежит наверх, в туалет, думая только о том, чтобы удержаться от рвоты. Быстро заскакивает в ванную комнату, и ее выворачивает в раковину. Открывает кран, чтобы вода заглушила звуки. Она немного забрызгала пол, коврик и блузку, но ничего страшного. Выдавливает в рот каплю зубной пасты, надевает другую блузку — к счастью, у нее есть похожая и того же цвета, может, никто и не заметит разницы, — бросает коврик в бак для грязного белья, проходится губкой по полу и раковине, торопится и, когда промывает губку, слышит, как хлопает входная дверь. И тут же обливается холодным потом, ждет, что ее снова вырвет, но нет, позывы прошли.

Она подходит к окну спальни: там, на аллее, Каролина, ее родители, Матиас, полицейские и психотерапевт. Все уходят, и она остается с ним один на один.

Сандрина думает, что он ее позовет, но снизу не доносится ни звука. Она оглядывается, ищет глазами что-то, сама не зная что. Снова смотрит в окно, видит, как Каролина сажает Матиаса в детское кресло, как ее родители кладут рюкзак в багажник,жимают руки полицейским. Они отъезжают. Полицейские разговаривают с психотерапевтом, которая уже сидит за рулем своего автомобиля, потом она тоже уезжает, а следом за ней и полицейские. Шум моторов постепенно стихает.

Как только установилась полная тишина, Сандрина слышит, как он идет. Нет, не идет — бежит. Ступеньки стонут под его ногами, сейчас он будет здесь, и ее охватывает дрожь. Она боится того, что сейчас будет, боится, зная, что совершила ошибку, отпустив Матиаса, боится того, что он сделает. У нее есть несколько секунд, чтобы найти хоть какой-нибудь выход, но в голове пусто — какая-то пылающая пустота,

и когда он врывается в спальню с перекошенным от бешенства лицом, она не шевелится. Ему до нее всего три шага, и все, на что она способна, это считать, считать шаги, отделяющие ее от гибели: один, два, три — вот он, уже перед ней.

Он разевает пасть и орет:

— ДА КТО ТЫ ТАКАЯ? СУКА! ТЫ ЗА КОГО СЕБЯ ПРИНИМАЕШЬ? ЭТО МОЙ ДОМ, СЛЫШИШЬ, МОЙ, А ТЫ ДОЛЖНА ДЕРЖАТЬ СВОЙ ГРЯЗНЫЙ РОТ НА ЗАМКЕ!

Хватает ее за шею, и в жесте этом нет ни тени нежности.

С душераздирающей ясностью Сандрина сознает, что в нем никогда ее и не было, никогда, и этот жест означает не «я люблю тебя», а «ты моя».

Он сдавливают сильнее, и она начинает задыхаться, ей больно, но это не главное, она думает не о боли, а о воздухе — о воздухе, которого больше нет.

Он орет:

— С ЧЕГО ЭТО ТЫ ВЗЯЛАСЬ РЕШАТЬ, ГОВОРИТЬ ЗА МЕНЯ? ТЫ НИКТО, СЛЫШИШЬ, НИКТО. ТЫ ВСЕГО-НАВСЕГО ТОЛСТАЯ СУЧКА! ТВОЕ ДЕЛО ЗАТКНУТЬСЯ, ПОНЯЛА? ЗАТКНУТЬСЯ! ЗАЧЕМ ТЫ ЭТО СКАЗАЛА, СУКА, БЛЯДЬ? ЗАЧЕМ ТЫ ЭТО СКАЗАЛА?

Сандрина ничего не понимает, это ведь абсурд. Раньше он требовал объяснить, почему задержалась, почему ужин не готов, почему не присылала сообщения, но никогда, никогда не доходил до такой ярости, и она не знает, что сделать, что сказать, чего он хочет: чтобы она ответила или чтобы молчала? Что ей сделать, чтобы это прекратить? И в конце концов она шипит:

— По... помо...

Он слегка ослабляет хватку, и она шепчет:

— Помочь! Я хотела тебе помочь! Просто помочь! — Он еще немного разжимает пальцы, Сандрина прислоняется к стене и повторяет: — Я хотела тебе помочь, я... просто помочь. Они ведь потом заговорили о суде, об опеке, я просто хотела выручить тебя, они же сказали, что если ты... если мы не сделаем ничего для примирения, никаких шагов навстречу... я хотела тебе помочь.

Она сползает вниз по стене, у нее отнялись ноги, от ужаса она даже не плачет. Прижимает колени к груди — надо защитить живот, крошку.

При мысли о крошке слезы наконец брызгают из ее глаз, из горла вырываются рыдания, и он, увидев, что она плачет, что ей очень горько, приседает, просит прощения, обнимает, целует, чуть ли не пьет ее слезы, и его поцелуи делаются солеными.

— Все, все, не плачь, — говорит ее муж. — Это они, эти две стервы. Эта сучка из полиции чуть ли не угрожала мне в моем собственном доме. Не плачь, я не хотел, сам не знаю, как вышел из себя. Но посуди сама, ты сделала это без спроса, я слышу и думаю: она с ними заодно. Но я не хотел, ну посмотри на меня... Все, все, не плачь, все будет хорошо, я люблю тебя... Я не хотел... Не делай так больше, никогда не делай. Ладно, я буду держать себя в руках, обещаю, но и ты обещаешь, что никогда не будешь так делать. Обещай — никогда, и все будет хорошо, я люблю тебя. — Он помогает ей подняться, говорит: — Ну же, мы остались вдвоем, давай воспользуемся этим, ладно? Пошли в сад, пошли, пошли в сад.

Внизу стол заставлен чашками и блюдами, тарелка из-под печенья вся в крошках.

Он говорит:

— Давай я сам этим займусь?

Поправляет ей растрепавшиеся волосы, убирает прядку за ухо, а Сандрина задается вопросом: это напряжение между лопатками, этот пылающий кол — он теперь там навсегда?

Муж надевает ей на нос солнечные очки и говорит:

— Давай, ты справилась с приемом, я сам тут уберусь, ты заслужила отдых... Нет, погоди-ка...

Он открывает раздвижную стеклянную дверь, ведущую в сад, вытаскивает из сарая, что прячется за высокой живой изгородью, два шезлонга и раскладывает их. Это садовая мебель особого дизайна, очень дорогая, а потому ее надо беречь от солнца и осадков. Затем возвращается к ней с видом довольного собой мальчишки и снова говорит:

— Погоди, погоди!

Обходит ее и через несколько секунд возвращается с подушками, которые стащил с дивана.

— Смотри, так тебе будет удобно.

Сандрина следует за ним на автомате, чувствуя, как прохладный ветерок осушает ее щеки.

Он усаживает ее в шезлонг и говорит:

— Вот так! Сиди и не двигайся, а я пойду убираться.

Из дома раздается позвякивание посуды, он управляет за несколько минут и присоединяется к ней. С собой он приносит книгу, которая лежала у нее в сумке, а под мышкой у него журнал из тех, что он любит, — что-то об автомобилях, красивых, дорогих. Устраивается рядом с ней, и так они проводят вторую половину дня: он читает, время от времени с улыбкой оборачиваясь к ней, она смотрит в книгу и ничего не видит, время от времени для правдоподобия переворачивая страницу.

Когда начинает темнеть, он говорит:

— Что скажешь, может, сходим в кино?

Раньше, когда Сандрина жила одна, она часто ходила в кино и, даже когда переехала к нему, не оставила своей привычки. С ним она была в кино пару раз. Ей так хотелось прижаться к нему через подлокотники, целоваться в темноте, ведь в ту пору, когда она была подростком, подобного и близко не было. Но он всего этого не любил и к тому же считал, что женщине нечего делать одной в кинотеатре, и она перестала туда ходить. И если он предлагает пойти сейчас, то просто из желания загладить вину.

Он начинает перечислять названия фильмов; она вспоминает, что видела одно из них на афише, и говорит:

— Да, вот этот можно посмотреть.

Он говорит:

— Ты уверена? Выглядит как ерунда... Может, лучше этот?

Она говорит:

— Да.

Ей все равно. Единственное, что сейчас важно, — это то, что он снова стал самим собой. Таким, как вначале. Добрым. Он только что плакал вместе с ней, он снова мужчина, который плачет.

Они едут на машине смотреть фильм, в зале он обнимает ее. На экране женщина прижимает к груди пухленького младенца, и Сандрина пытается ни о чем не думать. Потом они идут в ресторан, он заказывает паэлью на двоих, наполняет ей тарелку, и она ест и ест, надеясь, что ее не начнет тошнить. Он часто так делает: заказывает для них по своему выбору и настаивает, чтобы она доела все до крошки... тем самым он как бы говорит, что полнота ее не портит. Иногда он

даже с раздражением спрашивает, зачем и для кого именно она хочет похудеть. Этим вечером ей не хочется спорить, она думает об одном — чтобы все прошло спокойно и они легли спать. Она хочет поскорее забыть этот день. У нее есть на это право, и она знает — бывают такие дни, которые в счет не идут.

11

Утром ее муж звонит Кристиану и долго с ним говорит. Он в саду, на нем джемпер, потому что похолодало. Сандрина в доме. Окна закрыты, она ничего не слышит. Кристиан — адвокат. Вначале она пыталась давать мужу какие-то советы, но он предпочитает общаться с Кристианом; Кристиан — его друг, а она... секретарь в юридической конторе, это совсем не то, что ему нужно, ведь она знает гораздо меньше Кристиана.

Разговор заканчивается спустя час; он берет куртку и говорит, что поедет к Кристиану, так будет проще. Сандрина спрашивает, вернется ли он к трем, и он говорит, что не знает. Скорее всего, ему не хочется снова сталкиваться нос к носу с чужими людьми, которые будут сверлить его глазами, — с полицейскими, теперь еще с психотерапевтом, которая стала последней каплей. А вдруг эта доктор Бенасса заявится вместе с Каролиной, когда та привезет Матиаса? Сандрина знает — он ненавидит мозгоправов. Тут уж она его хорошо понимает — ей тоже не понравилось, как эта женщина смотрела на них вчера.

Она терпеливо стоит в гостиной; ее муж проверяет, все ли бумаги на месте, и застегивает портфель — он делает так каждое утро перед уходом на работу. Направляется к двери — она не шевелится. Он возвращается, обнимает ее и наконец говорит:

— Слушай... нет, я не хочу их видеть. Я приеду потом, часам к шести.

Он уезжает; Сандрина подходит к окну и смотрит на опустевшую площадку для машины. Потом убирает со стола, он не притронулся к завтраку, потому что короткий звонок Кристиану превратился в долгий разговор. Если ее муж вернется к шести, нет смысла оставлять завтрак на столе. Она складывает салат в таппервер — к счастью, она не успела добавить соус, так что салат не пропадет, — прячет сыр в холодильник и режет ломтиками фенхель. Грызет ломтики и смотрит в окно — нет, он не вернулся. Узел между лопатками слегка расслабляется, дышать становится легче.

Уже почти два часа.

Она поднимается на второй этаж. Луч солнца освещает коридор, в воздухе танцуют пылинки; утром она все вычистила, все пропылесосила, собрала всю пыль, но с пылью бороться бесполезно.

На пороге комнаты с полками она мгновение колеблется, потом входит и открывает окно. Смотрит вдаль, как вчера Каролина. Разворачивается. На полках стоят коробки с нитками и пуговицами. Она подходит и перебирает катушки. Каролина надежно спрятала паспорта в глубине корзины, конечно же, ничего важного она бы не оставила на самом виду.

Книги... Когда Сандрина освобождала место для своих книг, она почти не притрагивалась к тем, что принадлежали первой жене. Она ставит стул напротив полок и, чуточку подумав, идет за тряпкой для пыли и чистящим средством. Теперь ее задача — разобрать полки.

Всего полка восемь. Самая нижняя забита дешевыми изданиями классики, из тех, что читают в лицее и колледже. Ровный ряд корешков, если не считать одного пустого места, образовавшегося после того, как Каролина забрала свою книжку. На второй снизу полке — полицейские романы в черно-красных, черно-желтых или черносиних обложках. Еще выше — триллеры, тут на обложках кровавые, чуть выпуклые буквы. Сандрина хотела бы их почитать, но правда в том, что она не могла прикоснуться к книгам Каролины. Еще выше — издания разных форматов и разных жанров; видно, что любимые, много раз читанные, с загнутыми уголками, потрепанные, подклеенные. Книги вообще очень личная история. Залезть через них в душу Каролины Сандрине всегда казалось кощунством.

На средней, удобной для доступа полке, лежат ее собственные книги, тоже любимые, те, к которым хочется возвращаться. Сандрина — книжница, но места мало, и потому она старается избавиться от того, что уже прочла и без чего сможет пережить. Ее муж настаивает, чтобы она покупала книги, а потом выбрасывала: он терпеть не может библиотеки, книги, которые прошли через множество рук, но не против того, чтобы Сандрина покупала новые книги, во всяком случае, никто не подумает, что они экономят на них. Разумеется, она не выбрасывает книги — книги нельзя выбрасывать. Она относит ненужные в кладовку, а потом сдает в приют для бездомных, который находится недалеко от супермаркета, на приличном расстоянии от жилых домов.

Ей не хочется притрагиваться к книгам Каролины, но она хочет понять, что скрывает первая жена. Она начинает снизу и разбирает плотный ряд дешевых изданий. Сделанный Каролиной пробел облегчает задачу. Она тщательно просматривает книгу за книгой. В некоторых страницы как будто склеились. Сандрина не отступает, и ей требуется несколько секунд, чтобы понять: они не склеились, *их склеили*. Между страницами лежат купюры. Она берет другую книгу. В ней тоже спрятаны деньги. Она не вытаскивает купюры, но навскидку сумма получается немаленькая — несколько сотен, почти тысяча. Как Каролине это удалось? Непонятно. Она же не работала, и у них был общий счет. Сандрине это известно, но она также знает, что ее муж (и муж Каролины) следил за расходами. Деньги — тема непростая. Он часто заводит разговор о ее зарплате, об этих «жалких грошах» и о том, что будет лучше, если она уйдет с работы, все равно она не дружит с коллегами, «с этими шлюшками, что треплются целыми днями», да к тому же почти все адвокаты в их конторе — мужчины, и ему это не нравится. Гроши — да, жалкие, но Сандрина держится за них. Это ее собственные деньги — это важно, это ее работа и гарантия того, что она никогда не вернется к отцу. Но ее мужчина настаивает, и настаивает так, что в конце концов она сдастся, она знает это заранее. Это как война — тихая, бесшумная, но не прекращающаяся.

Что Каролина хотела сделать с этими деньгами?

Дура несчастная, разумеется, ты знаешь, что она хотела сделать. Деньги и паспорта — она хотела уехать.

Каролина намеревалась забрать Матиаса и уехать.

Сандрина смотрит на часы. Уже больше трех. Она быстро ставит книги на место, проходится по ним тряпкой. Порядок.

Заходит в спальню, берет жилет, спускается на первый этаж и ждет — сейчас должны привезти Матиаса. Она несколько раз выглядывает в окно. Сегодня нерабочий день, на улице прохладно, это первое по-настоящему осеннее воскресенье, и люди сидят по домам, смотрят телевизор или работают в саду, выпалывают сорняки; на дорогах пусто.

Она ждет. Ждет долго. Три часа десять минут, потом три двадцать, три сорок — на площадке перед домом никого. В пятнадцать пятьдесят она выходит из дома и идет на дорогу, стоит на обочине, оглядывает

поселок. Знает, конечно, что не должна его беспокоить, это само собой разумеется, но все же посылает ему эсэмэску:

Их до сих пор нет.

Когда он подъезжает к дому, Сандрина сидит на ступеньках крыльца.

— Поднимайся, — говорит он, — что ты тут расселась, точно цыганка?

В прихожей он снимает куртку. Пока он расшнуровывает ботинки, Сандрина смотрит на его руки, смотрит на лоб, висок. Малейшие признаки гнева надо читать как самую важную книгу, расшифровывать их, и нужно следить за каждым его словом, за оттенками интонации — только так можно понять, каким будет конец дня.

Он проводит рукой по волосам и говорит:

— Я проголодался.

— Конечно, ты проголодался, ты же ушел, не позавтракав...

Он делает шаг и с размаху бьет ее по щеке. Она даже не понимает, что произошло; ее поражает не столько боль, сколько звук пощечины, и только потом приходит знакомое ощущение горячей щеки. Эту боль она хорошо знает — неприятный жар, который приходит сразу после оторопи. Отец бил ее, но сначала орал, и Сандрина чувствовала, что сейчас что-то будет, — ор был предупреждением, а тут ее ударили внезапно, после безобидной фразы.

Она понимает, что сказала что-то не то, чего не должна была говорить; он что-то говорит — она видит, как шевелятся его губы. Что? Что он говорит? Резкий шум в ушах исчезает, и она обретает способность слышать. Он говорит, что это его дом, что он не обязан докладывать, откуда пришел и когда он ел.

— И ты здесь не для этого, понятно? Тебе все ясно?

Сандрина кивает, она очень хорошо понимает, что он просто не так растолковал ее слова, она его ни в чем не упрекала. И она ругает *себя* за глупый комментарий: ну да, ведь все совершенно ясно.

Да, да, да — кивает голова, и Сандрина идет на кухню. Каждое ее движение точно и осмысленно, даже несмотря на то, что ее слегка трясет. Перво-наперво она заворачивает в тряпку кубики льда и прикладывает импровизированный мешочек к щеке. Свободной рукой достает из холодильника салат, пюре из картошки и морковки и

мясные рулетики; после разогрева они будут суховаты, но она добавит сметаны, и получится вкусно.

Ее муж снова звонит Кристиану, говорит:

— Нет, они его не привезли. Нет. Нет. Да, завтра перезвоню... Да, я поеду к ним. Поем и поеду. Надо ехать.

Он жует медленно, сосредоточенно. Прежде чем приняться за второй рулетик, показывает ей вилкой на стул напротив. Сандрина садится. Она не выставила вино, как обычно на обед, но он его и не требует.

Он молча размышляет. Когда он отталкивает от себя тарелку, она видит пятно от соуса на его джемпере. Пододвигает к нему сырную тарелку, но он к ней не притрагивается.

— Я поеду к Маркесам, — объявляет он, протягивает руку и отнимает влажную тряпку от ее щеки.

Разглядывает щеку. Сандрина напрягается, невольно втягивает голову в плечи.

Он говорит:

— Любовь моя, ничего не заметно. Ты меня прощаешь? Ты прощаешь меня?

Сандрина не отвечает.

Он встает, обходит ее, кладет руку сзади на шею. У Сандрины между лопатками снова горит огнем длинный нож, парализующий позвоночник.

— Я поговорил с Кристианом. Он кое-кого посоветовал — специалиста по семейному праву, но предупредил, что все очень сложно. Что добиться лишения родительских прав будет очень непросто, что Каролина на суде начнет строить из себя жертву, что надо попытаться договориться полюбовно. — Он опускается на колени рядом со стулом Сандрины, повторяет «Сандрина, Сандрина», тихо, ласково, пока она не смотрит ему в глаза. — Мы все растеряны, дорогая, совершенно растеряны. Она возвращается неизвестно откуда и хочет воззвать к закону, она хочет забрать у меня сына. Понимаешь? Ты понимаешь, каково мне?

Сандрина кивает, но вместо понимания приходит ощущение, что она уже ничего не понимает. Щека горячая и в то же время ледяная.

Он говорит:

— Ты поедешь со мной.

Опять надо убрать остатки еды и посуду со стола, сходить наверх, принести ему чистый джемпер. Щека слегка порозовела, Сандрина пудрит ее. И около шести часов они подъезжают к дому Маркесов. Перед парковкой их обгоняет автомобиль, мелькает чей-то знакомый профиль, но у Сандрины нет времени, чтобы определить, кто там за рулем.

Машина останавливается. Ее муж глубоко дышит, потом оборачивается и внимательно смотрит на нее. Поднимает руку, чтобы ухватить ее за ухо прядь волос, и она отшатывается. Он улыбается, говорит:

— Сандрина, мне очень жаль. Я... они хотят забрать у меня мальчишку, понимаешь? Поэтому они его не привезли. Смотри-ка, у тебя блузка расстегнулась. — Он застегивает ей верхнюю пуговицу, потом берет в ладони лицо Сандрины и смотрит прямо в глаза:

— Но ты же на моей стороне?

Он целует ее, очень нежно, а когда его губы отрываются, она видит слезы у него на глазах и берет его за руку — сжимает пальцы мужчины, который плачет. Вот оно, он снова с ней — тот, кто ее любит, и теперь она снова все понимает.

Он жмет на звонок домофона и ждет.

Сбоку приближается чей-то силуэт, это полицейская. Все ясно, она сменила автомобиль, и это она была за рулем обогнавшей машины. Сандрина копается в памяти, пытаюсь сообразить, не этот ли автомобиль стоял сегодня неподалеку от их дома во второй половине дня. Да. Может быть. Эта змея следила за ними.

Сандрина не смеет ничего сказать, она смотрит на застекленную дверь в бордовых разводах. Он снова звонит. Там должны слышать. Подъезжая, они видели свет в окнах.

Полицейская поднимается на две ступеньки крыльца. Ее мужские ботинки на удивление бесшумно передвигаются по бетону, но он мгновенно, как по тревоге, оборачивается.

Вот она, вена на виске, и Сандрина не знает, стоять рядом с ним или отступить. Наконец она медленно спускается на одну ступеньку, и когда полицейская говорит: «Господин Ланглуа?» — еще на одну; она уже на дорожке перед крыльцом.

— Господин Ланглуа, Матиас на какое-то время останется у своей матери.

Ее муж засовывает руки в карманы брюк. Он так делает в тех случаях, когда надо сохранять спокойствие. Раздается жужжание, и дверь открывается. Это полицейский, он спустился и тоже говорит: «Господин Ланглуа, господин Ланглуа» — как будто имя должно произвести какое-то действие, что-то изменить.

— Я приехал за сыном, — говорит ее муж. — Я беспокоился, потому что не знал, где он.

Начинается торг. На улице темнеет. Образуется треугольник: мужчина-полицейский загораживает вход в дом, его коллега стоит сбоку и он, ее муж. Сама Сандрина держится в стороне, она не хочет превращать треугольник в квадрат, ей тут не место. Была бы такая возможность, она бы ушла, но ее муж нуждается в ней — это он решил, что она должна быть рядом.

«Добрый полицейский» и «злая полицейская» — их роли очевидны, думает Сандрина. Добрый полицейский говорит спокойным тоном, а злючка стоит с гордо поднятым подбородком, всем своим видом говоря: «Что, не нравится? Обосрался, увидев, что я у тебя за спиной?» С самого начала эти двое играли с ними в кошки-мышки, тем самым запуская цепную реакцию. Они высекают искру, подносят спичку к пороху. И этим вечером игра продолжается.

Добрый полицейский говорит:

— Господин Ланглуа, госпожа Маркес имеет такое же, как и вы, право жить со своим сыном. Да, мальчик жил в вашем доме, но до обсуждения вашего вопроса в суде и ввиду возобновления расследования по делу об исчезновении вашей супруги Маркесы полагают, что будет лучше, если ребенок останется у них.

Гневная венка, кулаки в карманах, но голос звучит ровно, когда он отвечает:

— Это похоже на похищение, и, что возмутительно, полиция поощряет такое поведение.

Он говорит также, что для ребенка плохо, когда его резко отрывают от дома, произносит очень много разумных, хорошо продуманных фраз, но сучка-полицейская в ответ ухмыляется, и его кулаки все глубже и глубже уходят в карманы.

Замолчав, он пятится, спускается с крыльца, делает вид, что отступает. Минует Сандрину, выходит на проезжую часть, задирает

голову. И, глядя на окна, кричит хриплым голосом, зовет сына. Раз. Другой. И потом без остановки, как перед этим звонил в домофон.

Полицейский тоже спускается, его коллега идет следом, треугольник восстанавливается; карусель заводится снова. Полицейский говорит: «Господин Ланглуа, господин Ланглуа...», а полицейская смотрит на мужа Сандрины с издевкой.

Сандрина не знает, как быть, стоять в стороне или вмешаться. Нет, вмешаться невозможно. Она делает несколько шагов к машине, говоря себе, что в любом случае он должен уехать отсюда, а она подождет у машины. Ее маленькую двухдверку они оставили у дома — поехали к Маркесам на его большой и шикарной машине. С этой машины он пылинки сдувает и хочет, чтобы свою она продала. Говорит, что ее машина слишком мала, что это тачка для бедноты, что она небезопасна. В последний раз, когда об этом зашел разговор, Сандрина сказала: «Но она же нужна мне, чтобы ездить на работу»; и он рассмеялся. Он уверен, что в конце концов она уволится, потому что ничто ее там не держит. Коллеги ее недолюбливают и наверняка говорят гадости у нее за спиной о ее замкнутости и тупости; начальникам плевать, есть она или нет, — он знал это с самого начала, а она упрямится и не хочет понять очевидного. «В тот первый день, когда ты не пошла на работу, кто-нибудь побеспокоился о тебе? Проверил, заболела ты или прогуляла? Нет, ты же прекрасно знаешь, никто о тебе и не вспомнил». Он прав, он всегда прав; и каждый день Сандрина спрашивает себя, где она черпает силы, чтобы говорить ему «нет», отчего она отказывается оставить работу, продать машину и что в ней, слабовольной и податливой, придает ей смелости противоречить своему мужу.

Он снова кричит. Ни одного движения за занавесками на третьем этаже. Зажигается свет в других окнах, чужие занавески отодвигаются, любопытные головы высовываются наружу, и только квартира Маркесов не подает признаков жизни.

Имя Матиаса отражается от стен, а голос его отца хрипит все сильнее — он похож на звериный рык, заставляет дрожать стекла и что-то внутри у Сандрины, между ребер.

Полицейская говорит:

— Ну все, достал. — И подходит к нему: — Хватит орать, эй, ты, слышишь?

Сандрина рефлекторно прикрывает руками живот — нельзя ему «тыкать», нельзя грубить.

Он вынимает руки из карманов. Полицейская видит кулаки, и лицо ее озаряется радостью, как будто она давно уже ждала этого момента.

— Давай, вперед. Доставь себе удовольствие, попробуй тронь меня, ударь. Ну же, ударь. Тебе же хочется, да? Руки чешутся? Но я тебе не жена, психопат, поднимешь на меня руку, и тебе конец.

Полицейский приближается, он перестал твердить «господин Ланглуа, господин Ланглуа», и господин Ланглуа шипит:

— Не надо мне угрожать.

— Я тебе не угрожаю, *господин Ланглуа*, а предупреждаю. Может, ты и король в твоем жалком мирке, может, ты там царишь, но здесь реальный мир, и в этом мире твое представление подходит к концу. Следствие продвигается, мы получили из Италии записи с камер наблюдения, и Каролина кое-что вспомнила. Слышишь, что я сказала? Она вспомнила.

Он улыбается, спокойно, собранно. Сандрине хорошо знакома эта улыбка, и она говорит себе: сейчас он поднимет на сучку руку, накажет за неуважение к нему, за угрозу, за оскорбление. Но вместо этого он говорит:

— Не знаю, о чем вы говорите, но знаю, что вы только что угрожали ни в чем не повинному гражданину и похитили у него ребенка.

С этими словами он разворачивается, нажимает на кнопку брелока с ключом от машины, отпирает дверцы и командует Сандрине:

— Садись.

Сандрина мигом усаживается на пассажирское кресло. Полицейская кричит:

— Только тронь ее! Предупреждаю, сука, только тронь!

Но Сандрина захлопывает дверцу, и они оказываются в звуконепроницаемой кабине.

Он отъезжает; тут разрешена скорость не больше тридцати километров в час, но на трассе он превышает скорость, одновременно отыскивая номер Кристиана в своем телефоне.

Когда Кристиан отвечает, он говорит:

— Я возвращаюсь. Нет, как ты и велел — обеспокоенный родитель. Проблема не в этом, там была эта стерва. Организуй мне встречу с

типом, о котором мы говорили... — Он бросает взгляд в зеркало заднего вида, хмурит брови и добавляет: — погоди, у меня полиция на хвосте. Не знаю, это те же или другие! Позвони ему! Позвони прямо сейчас.

Это те же. В новом автомобиле, который Сандрина не сумела вычислить.

— Блять, да она издевается! — кричит он и кидает мобильник на колени Сандрине. Она рефлексивно отдергивает руки, не зная, что делать. Ей строжайше запрещено прикасаться к его телефону.

Ее муж резко тормозит за полосой для аварийной остановки. Полицейские останавливаются сзади и выходят из машины.

— Итак, господин Ланглуа, — говорит полицейская, когда он опускает стекло, — нарушаем правила? Превышаем скорость? Говорим по телефону за рулем?

Он не отвечает. Сучка злорадствует, это сразу видно. Сам он на грани, и это тоже нельзя не заметить.

Она говорит:

— Руки на руль.

И он отвечает:

— Это начинает смахивать на полицейское преследование. Что такого я сделал? Я же просто беспокоюсь за своего сына.

— Ах, *господин Ланглуа*, список довольно длинный. Для начала займемся нарушением скоростного режима и телефоном за рулем.

Он обрывает ее:

— Может, я и ехал чуть быстрее, но я не звонил.

— Мы все видели, — возражает она, но он говорит:

— У меня и телефона-то нет, я оставил его дома. Мы выехали слишком поспешно, я подумал, что мой сын и мои тесть и теща попали в аварию.

Она говорит:

— Да-да, конечно, а это что такое? — И она указывает на телефон, почти скрывшийся между плотно зажатыми бедрами Сандрины.

— Это ее телефон.

— Ну-ка, Сандрина, откройте телефон, — просит полицейская, и, разумеется, Сандрина не может.

У него есть пароль от ее телефона, но сама она и представления не имеет, какой у него может быть пароль. Пробует дату рождения

Матиаса, своего мужа и в последней попытке — дату своего рождения, но, конечно же, ничего не подходит.

Она оборачивается к полицейской и говорит:

— Простите, ничего не помню, я... я испугалась из-за сирены.

Полицейская успокаивающим тоном говорит:

— Ничего страшного, Сандрина. Скорее, дело в том, что это не ваш телефон.

Сандрина возражает:

— Нет, мой...

И ей очень хотелось бы, чтобы голос дрожал чуть меньше, но полицейская не слушает ее — она целиком занята ее мужем. На губах сучки играет почти сладострастная улыбка, и она говорит:

— Выходите из машины, господин Ланглуа.

Сандрина дрожит, пока полицейские забирают его. Он смотрит на нее с нескрываемым презрением, а ведь она старалась как могла.

Она спрашивает:

— Что, что ты хочешь, чтобы я сделала?

И он цедит сквозь зубы: «Ничего», как будто это она во всем виновата.

Он говорит только:

— Отведи машину в гараж.

Потом его заталкивают на заднее сиденье полицейской машины, и Сандрина остается одна.

Она никогда не водила больших автомобилей, это совсем не то, что ее крохотная тачка. Отрегулировала сиденье и зеркало под себя, включила зажигание. Он никогда не говорил, как будет организована ее жизнь, если она в самом деле уйдет с работы и продаст машину. Будет ли она вообще сидеть за рулем?

Маршрут она запомнила, огромная машина ведет себя очень послушно, и Сандрина потихоньку добирается до дома. Когда же она начала думать, что плохо водит? Мысль сама по себе была странной, ведь она так гордилась собой, получив водительские права. Ее поздравил и похвалил экзаменатор, и она была на седьмом небе от счастья. Потом она годами ездила без происшествий на своей «тачке для бедноты», как презрительно говорил ее муж. Ах да, вспомнила. Он обнаружил царапину на левом крыле двухдверки в субботу, после тенниса. И еще одну, в другую субботу. Места в гараже не хватает,

Сандрина оставляет машину на площадке у дома, и он часто пеняет ей, что она ее криво поставила. Еще он говорит, что не удивится, если однажды утром выяснится, что у нее стащили боковое зеркало, и это будет прекрасным поводом отправить «мусорный бак» на слом.

Начинает моросить дождь. Сандрина открывает гараж и спокойно заезжает. Она чувствует облегчение, потому что справилась с заданием и потому что есть кое-что еще. Что-то, чего она не испытывала очень-очень давно: она довольна собой. Она повторяет снова и снова самой себе или, может, крошке: «Неплохо, правда же, я молодец?» — и вылезает из машины.

В пустом доме она колеблется. Ее муж успел предупредить Кристиана, и тот должен связаться с адвокатом. Что бы ни случилось, последнее, что она сделает, это позвонит Кристиану. Нет, ей страшно даже имя его упоминать. Кристиан приносит несчастье. После того ужина, когда он предложил ей сигарету, она была вынуждена оправдываться перед мужем несколько дней, он ревновал, он потерял голову, он стал совсем другим. Допрашивал ее вечерами, а то и ночи напролет, выяснял, о чем они говорили. Не распалила ли она его приятеля, не встречались ли они, не спала ли она с ним, не раздвигала ли свои жирные ляжки, чтобы Кристиан ее трахнул, не вставала ли она перед ним на колени, чтобы отсосать? Сандрина плакала от усталости, лежа в постели, голова раскалывалась. «Нет, нет, нет, — твердила она. — Поверь же, нет, зачем ты такое говоришь, зачем?» Но он решил, что неверные жены — это суки, а суки должны спать на полу. В конце концов он пришел в себя и простил ее. *Простил за что?* — спросил у Сандрины голос, который в то время она еще слышала. *Ты же ничего не сделала!* Он простил, разрешил вернуться в постель, и она смогла спать, но, может быть, именно после этой истории у нее между лопатками завелся кол и больше уже не исчезал; иногда он бывал почти неосязаемым, иногда горел огнем.

Нет, она не будет звонить Кристиану. Чего бы ей действительно хотелось, так это позвонить Матиасу, услышать его голос, узнать, что у него все хорошо. Но ее муж, когда вернется, проверит историю ее звонков; и он всегда требует подробный счет за городской телефон, хотя им никто не пользуется.

Единственный телефон, который он не проверяет, — это его собственный мобильник, но Сандрина не знает пароля.

Сандрина вытаскивает телефон из сумки и кладет на кухонный стол. И в это мгновение звонит городской. Она вздрагивает, колеблется, выжидает. Сейчас замолчит — она хочет, чтобы он умолк. Потом думает, что, может быть, это ее муж и ей все-таки надо ответить.

На том конце добрый полицейский. Он предупреждает, что они задержат господина Ланглуа по меньшей мере на двадцать четыре часа. Может, продержат больше. Ее будут держать в курсе.

— Вы хорошо доехали?

Сандрина говорит:

— Вряд ли я бы ответила на ваш звонок, если б по дороге свалилась в канаву, как по-вашему?

И тут же жалеет о сказанном — нельзя так разговаривать, особенно с посторонним мужчиной, но он усмехается и говорит:

— Да-да, хорошо, мы будем держать вас в курсе.

Вообще-то полицейский не должен всего этого делать — звонить, предупреждать, быть добрым. И подвергать ее опасности. Вдруг ее муж рядом с ним, вдруг он заметил, как полицейский смеется, вдруг он слышал, что сказала Сандрина? Сердце ее сжимается, грудь сдавливают. Она не должна и тем не менее спрашивает:

— Он рядом с вами?

Полицейский удивляется вопросу, потом говорит:

— А, нет-нет, мадам, я в кабинете, а он в камере. И останется там до завтра, до девятнадцати часов.

Раскаленный стержень в позвоночнике превращается в мягкий карандаш. Она благодарит и вешает трубку.

Включает радио, звучит знакомая музыка: «Прялка» Мендельсона. Заставка литературной передачи, которую она любила слушать воскресными вечерами перед тем, как переехала сюда. Музыка ей тоже нравилась, она потом искала ее и открыла для себя Мендельсона. И Люлли, потом Марена Марэ^[7]. Она позволяла себе быть любознательной, думать, что ее интересы чего-то стоят, что они не вызывают насмешки. В школе она читала положенные по программе книги и те, что ей рекомендовал библиотекарь, но ее муж говорил, что она дура необразованная, что она вышла из грязи и нечего ей нос задирать. То же самое говорил и ее отец, но все-таки было, было в ее жизни время, когда она могла не сдерживать себя в своих

пристрастиях, могла наслаждаться тем, что ей нравится. Ну что же, этим вечером она может расслабиться — никто не будет комментировать то, что она делает.

Сандрина включает радио погромче и говорит своему животу:

— Послушай это, крошка моя, правда, красиво?

Открывает морозильник и копается там в поисках шпината. Она обожает шпинат, но на стол никогда не подает. Матиас, которого уж точно нельзя обвинить в привередливости, попробовал его как-то раз, и она поняла, что шпинат ему не нравится, а его отец скривился и объявил, что этот овощ в своем доме видеть не желает. Но она все равно тайком покупала шпинат для себя. Сейчас чуть-чуть припустит на сковородке, заправит оливковым маслом, добавит немного мускатного ореха и соли. Она все хуже и хуже переносит сметану, которую ее муж требует добавлять во всякую еду, а тут сметана не нужна.

Сандрина съедает всю сковородку шпината, время от времени спрашивая свой животик:

— Ну как? Вкусно?

К девяти часам вечера она все закончила, все прибрала, расставила по местам. Его телефон, который она положила на кухонный стол, не зная, что с ним делать, завибрировал. Меньше всего ей хотелось смотреть на экран, но телефон находился в поле ее зрения; она не хочет читать, что там высветилось на экране, но буквы отпечатываются на сетчатке и обретают смысл.

От Доми: *Ты, должно быть, задержался... не мог бы ты...*

Доми? Доминика? Сандрина не знает никакой Доминики, но она вообще почти ничего не знает об окружении своего мужа. Тех, на кого он хочет произвести впечатление, он изредка приглашает в гости, чтобы показать дом, отлично накрытый стол, хорошо постриженного сына, гладко причесанную спутницу, молодую, скромную. Иногда приходит пара приятелей, а Кристиана он, похоже, теперь зовет, чтобы проверить, как они с Сандриной общаются. Она боится этих вечеров, всегда отвечает невпопад и ведет себя не так, как ему хотелось бы, — каждый раз она проваливает тест, правила которого ей неизвестны. Потом он нервничает, орет, подозревает, обвиняет, следит за ней, она спит на полу, и это длится день за днем, с каждым разом все дольше и дольше. И все это время она ждет, когда же *господин Ланглуа*, который

обращается с ней как с грязной потаскухой, исчезнет, а мужчина, который плачет, вернется на его место.

Среди тех, кто бывал у них в гостях, никакой Доминики не было ни разу. Ладно, думает она, должно быть, кому-то что-то понадобилось.

Оглядывает безупречную кухню и идет в душ.

Выйдя из душа, Сандрина рассматривает себя в зеркале — не заметна ли уже ее крошка? Кажется, грудь увеличивается. Щека еще немного побаливает, но ничего не видно.

Она втирает в кожу увлажняющий крем и ложится в постель. Надеется, что сможет уснуть. Иногда ее муж задерживается на работе, и тогда дом ведет себя иначе — поскрипывает и потрескивает, отопление шумит сильнее, и она всегда немного боится, что вот сейчас хлопнет дверь... и к тому же обычно за стенкой спит Матиас. Она никогда не проводила ночь в этом доме одна.

Сандрина гасит свет и уже через несколько мгновений спит как младенец.

12

Она просыпается рано, как от толчка. Еще совсем темно. Ей послышался голос мужа на первом этаже, в гостиной. Под затылком снова сверлит раскаленный нож. Поспешно вскакивает и спускается, но там никого нет, дверь изнутри заперта на ключ. Показалось...

Сандрина поднимается наверх, умывается, одевается и осторожно вертит головой, чтобы ослабить напряжение в спине.

Чувствует, что проголодалась, и решает поесть. Или нет, не так, скорее, она голодна и потому ест. С тех пор как она знает про кроху, еда перестала быть для нее продуманным решением, с усилием отброшенным или принятым. Она больше не сидит на диете, не одергивает себя. Доктор сказала: ешьте, что хочется, и она — впервые за годы и годы — получает удовольствие от еды. Старается, по крайней мере. Этим утром: полбанана, творог без сахара (уже несколько дней ей не нравится горьковатый привкус сахарного песка) и небольшая порция кукурузы — захотелось! «Да уж, это черт знает что такое», — говорит она вслух своей крохе, а потом понимает, что в жизни не ела с таким удовольствием, и при этом совершенно не задумываясь, что с чем сочетается. Какое наслаждение, какая свобода! Так вот что значит здоровое питание! Раньше (очень давно) она могла за пять минут слопать две пачки печенья и заесть плиткой шоколада — и тут же сгореть от стыда и ненависти к себе самой. Но, оказывается, есть другой мир, другая вселенная, в которой вопросы «можно» или «нельзя» уходят на задний план.

После завтрака Сандрина перебирает одежду откладывает в сторону все слишком тесное. Она не ощущает ненависти к себе, не называет себя «толстой коровой», «жирной тупицей». Она говорит себе: «Я — это я. У меня есть моя крошка, и я должна ее кормить». Наносит тональный крем, а волосы решает оставить распущенными, ну и что, что они тонкие. В любом случае сегодня утром он ее не увидит, а вечером, когда вернется домой, ему будет не до ее прически. Щека не болит, тем лучше, можно об этом забыть. На шее видны темно-красные, почти бордовые отметины. Полицейский сказал: до

девятнадцати часов. В начале восьмого он вернется. Он позвонит предварительно? Его будут сопровождать? Или его заберет Кристиан?

Сандрина повязывает вокруг шеи платок — в конце концов, осень на дворе.

Спускается по лестнице, во рту приятно пахнет мятой, и тут раздается звонок в дверь.

Это не он, это полицейские.

— Можно зайти? — спрашивает мужчина.

Ей хотелось бы сказать «нет», но вместо этого она говорит:

— Я уйду на работу.

— Тогда мы ненадолго, — кивает полицейский, — но мы бы хотели с вами побеседовать. Может быть, проще это сделать в течение дня? Вы сможете отлучиться с работы?

Сандрина не знает, от чего ее муж разозлится сильнее. От того, что полицейские были здесь в его отсутствие, или от того, что она встретится с ними в каком-то другом, недоступном для него, месте. Она спрашивает:

— Он не с вами?

Полицейская отвечает:

— Нет, он до вечера остается под стражей. Если его отпустят раньше, я тут же вам позвоню.

— Нет! — невольно вскрикивает Сандрина. Слишком долго объяснять, что он проверяет список входящих, и если увидит незнакомый номер... Вместо этого она говорит: — Не надо, не стоит беспокоиться.

— Сандрина, нам в самом деле нужно с вами поговорить. Мы потом проводим вас на работу, объясним вашему работодателю, почему вы опоздали.

— Нет! — снова резко обрывает ее Сандрина.

Она не может четко разъяснить, почему этот вариант не подходит, и все-таки сдается — жестом предлагает им пройти.

В гостиной они, не задумываясь, сели на те же места, что и в субботу.

— Вы ведь юрист? — спрашивает полицейская.

— Секретарь в юридической конторе, — уточняет Сандрина и торопливо задает вопрос: — А Матиас?..

— Матиас сегодня не вернется. — Полицейский говорит с осторожностью, как будто что-то еще может измениться. — Сандрина, дело в том, что после последнего визита Каролина кое-что вспомнила. На данный момент еще остаются большие пробелы. Но она уже восстановила в памяти свое детство. Это с одной стороны. Затем появились обрывки событий не столь далеких. Пока что никаких воспоминаний о дне ее исчезновения. Но дело движется. Психотерапевт довольна. Процесс ускоряется. Такого никто не ожидал.

— Сандрина, — любезным тоном подхватывает полицейская, — последние воспоминания Каролины связаны со страхом и насилием. Они относятся к ее браку с господином Ланглуа, к их повседневной жизни. Я уже говорила, что он не давал ей водить машину. За несколько недель до ее исчезновения господин Ланглуа начал морить ее голодом. Она не исчезла в лесу во время пробежки. Это невозможно. Потому что он не выпускал ее одну из дома.

Сандрина слушает, и ее уносит волна, на этой волне она уплывает подальше. Не потому, что ей так хочется, нет, так бывает всегда, когда происходящее становится слишком сложным, слишком тяжелым, слишком болезненным. Одна Сандрина смотрит издали на другую Сандрину, беседующую с полицейскими. Зря та другая Сандрина это делает, у нее будут неприятности. И к тому же все, что говорят полицейские, не имеет смысла. Первое, что приходит в голову, — ее-то он заставляет есть. Кормит насильно. Потом говорит, что она толстая. Мерзкая. Что никто ее не захочет, никто и никогда. Что только он способен ее любить. Морить голодом? Ну нет. Это немыслимо.

— Я и раньше говорила вам, что он запретил ей водить, помните? — долетает до нее.

Сандрина что-то бормочет себе под нос, и полицейской приходится наклониться, чтобы услышать:

— Прощу прощения?

— Но она же пила. — Язык ворочается с большим трудом. — Это было небезопасно.

Напротив нее две пары изумленных глаз.

— Она *что?* — выдыхает женщина.

— Она пила... — повторяет Сандрина.

Полицейские недоуменно переглядываются, и Сандрина не понимает, что вызывает у них сомнение. У них неверные сведения?

Они не знали того, что она им только что сообщила? Или они сомневаются в ее рассудке?

Полицейская спрашивает:

— Сандрина, это он вам такое сказал? Каролина не пила. Ни один бармен в радиусе пятидесяти километров не узнал Каролину, когда мы показывали ее фотографию. Мы обыскали мусорные баки. Обшарили весь этот дом после ее исчезновения. Алкоголь был только в баре.

Сандрина крепко задумывается.

— Это ничего не доказывает. — Она сама не заметила, что произнесла это вслух.

— Сандрина, алкоголь стоит дорого, а у Каролины много лет не было своей банковской карточки. Ее узнали кассиры в супермаркете, и все они сказали, что Каролина платила наличными, а если с ней был муж, то он сам расплачивался с карты. И она никогда не покупала крепких спиртных напитков. Никакого алкоголя, даже когда была одна.

Это правда, у них алкоголь только в баре. Есть водка, одна бутылка коньяка и одна бутылка виски, и все это убывает очень медленно. Есть, правда, вино в гараже, он пьет его понемногу, изображает из себя знатока и любит поставить красивые бутылки на стол, когда к ним приходят гости, на которых он хочет произвести впечатление.

— Не знаю, зачем он вам это сказал. — Полицейская качает головой, и Сандрина впервые видит ее неуверенной. — Нет, такого не может быть, — добавляет полицейская. — Мы весь дом перевернули. Она бы чисто технически не смогла. Выпивку надо достать, а поблизости нет супермаркетов, до которых Каролина могла бы добраться пешком.

Сандрина думает: «Все, что они говорят, не имеет смысла. Захотела бы — добралась, нашла бы способ».

— Зачем вы все это говорите мне? — спрашивает она, голос у нее умоляющий, плачущий, намного более слабый, чем ей хотелось бы.

— Потому что у нас на него есть досье, Сандрина, и в этом досье ничего хорошего, — отвечает полицейский. — Потому что скоро мы вызовем вас на допрос и спросим, что вы знаете об исчезновении Каролины. Вы должны быть к этому готовы.

— Сандрина... — Полицейская наклоняется и кладет руку ей на колено.

Сандрина отодвигает ногу, ей неприятно прикосновение. Рука отдергивается, полицейская потирает себе виски.

Эстафету принимает полицейский:

— Сандрина, я говорил вам, что мы видели историю болезни Каролины?

Сандрина кивает.

— Это история женщины, которая пережила насилие, и не один раз. Кроме свежих травм, у Каролины нашли следы старых переломов. Многочисленных, понимаете? — Полицейский наклоняется и говорит шепотом: — Моя коллега настаивает на том, чтобы я предупредил вас об опасности. Она думает, что вы ее недолюбливаете, неизвестно почему, но это неважно. Но послушайте меня, Сандрина. Пожалуйста. Он вас бил?

Бил, бил — Сандрина слышит слово и, как в детстве, раскладывает его по буквам: *б-и-л*. Когда она была маленькой и на нее обрушивали: *неряха, бездарь, засранка*, она, чтобы отгородиться, проговаривала про себя: *н-е-р-я-х-а, б-е-з-д-а-р-ь, з-а-с-р-а-н-к-а*, и уже становилось не так обидно — всего лишь цепочка букв. Она спохватывается и говорит: «Как это бил?» — и тут же видит себя со стороны: заплатка на чужой семье. «Дура, — говорит она себе, — толстая дура, не выставляй себя тупицей, ты же понимаешь, о чем идет речь».

Понимать-то понимает, но от нее ускользает смысл вопроса. Они говорят о нем, о ее муже?

— Он вас бил? — повторяет полицейский. — Он вас бил когда-нибудь? Он причинял вам боль? Психотерапевт, которая приходила с нами в субботу, наблюдала за господином Ланглуа, за тем, как он обращается с вами и с Матиасом. Мы искренне обеспокоены.

Сандрина дрейфует. Каждый раз, когда она слышит «господин Ланглуа», она мысленно отвечает им: «Да, может быть, господин Ланглуа — человек жестокий. Может быть, господин Ланглуа из породы мужчин, которые бьют своих жен. Но она, Сандрина, она не живет с господином Ланглуа. Она живет с женщиной, который умеет плакать».

Мужчина, который умеет плакать, появляется редко — с работы обычно приходит господин Ланглуа, но тот мужчина, которого она полюбила, в конце концов всегда возвращается. Например, в эту субботу господин Ланглуа вел себя грубо, а потом мужчина, который

умеет плакать, успокоил его. Господин Ланглуа выходит из себя, потому что она, Сандрина, глупа, потому что у нее все из рук валится, потому что она цепляется за свою сраную работу, которая никому не нужна, потому что она не может приготовить нормальную заправку для салата, хотя он тысячу раз говорил, что в первую очередь берут уксус. Еще она одевается, как потаскуха, чтобы соблазнить этих козлов-адвокатов, приходит поздно, потому что трахается на стороне, и она, конечно же, врет, когда говорит, что ей пришлось ехать в объезд. Господин Ланглуа толкает ее, швыряет на пол тарелки, а потом, когда она собирает осколки, говорит Матиасу, что именно так надо обращаться со свиньями. Но всегда, всегда возвращается мужчина, который плачет, и он сожалеет, он говорит, что был вынужден так поступить, потому что она его разозлила, потому что ее глупые промашки портят им жизнь, а он хочет, чтобы они были счастливы — и он, и она. Мужчина, который плачет, обнимает ее, сплетает венки из нежных слов, а трогательные знаки внимания превращают ее, Сандрину, в королеву. И она забывает о господине Ланглуа, потому что никогда не любила этого господина, она влюблена в мужчину, который умеет плакать.

— Сандрина? Сандрина? — окликает ее полицейская, которая думает, что Сандрина ее недолюбливает, и в этом она права. — Сандрина, поймите, вы вовсе не обязаны здесь оставаться.

И Сандрина говорит про себя: «Вот дура», — но на этот раз она говорит это не о себе.

Она не может уйти. Уйти и что делать? Вернуться в свое безнадежное одиночество, которое только и ждет, чтобы поглотить ее целиком? Одной воспитывать крошку? Ничего хорошего из этого не выйдет, потому что она не умеет себя поставить, потому что она принадлежит к тем женщинам, которые не могут удержать мужчину. И даже если она бы захотела иметь неполную семью, она же знает, что ребенку нужен отец. Ее муж так часто это повторяет, что Сандрина порой спрашивает себя: это она сама так думает или это он говорит?

Но теперь все изменилось. Она больше ни о чем себя не спрашивает. Из-за всех этих событий ей не удается ни задавать вопросы, ни находить ответы, и она ничего не говорит — молча сидит напротив полицейских с опущенными уголками рта и пустыми глазами. Эти люди не понимают, как добр мужчина, который плачет,

как сильно они любят друг друга, как горячо она желает видеть его отцом своей крошки. Без него она не способна представить другую жизнь — жизнь в другом месте, в другом мире. И еще эти люди не понимают, что, даже если она бы захотела оставить мужчину, который плачет, господин Ланглуа никогда ее не отпустит.

Перед глазами возникает похожий на фасолинку крошка, и она резко приходит в себя.

Они должны уйти. Надо что-то придумать, что-то сказать, надо, чтобы они ушли.

Она ищет, нужно найти что-нибудь простое.

Сандрина пожимает плечами, которые весят целую тонну, и говорит:

— Нет, он меня не бьет. — И четко выговаривает: — Вы не понимаете. Вы его не знаете. Мне пора на работу. Прошу вас.

Полицейский кивает:

— Да, конечно.

Он поднимается, его коллега тоже. У нее стройные ноги и обгрызенные до мяса ногти. Вот что заметила Сандрина на руке, которая легла ей на колено. Ногти. У Сандрины красивые ногти. На ее теле тысячи мелких шрамов, которые она нанесла самой себе, пытаясь избавиться от чего-то отталкивающего, чего-то подлежащего уничтожению, чтобы стать наконец-то счастливой. Да, ее тело изранено, но ногти у нее красивые.

Женщина со страшными ногтями говорит:

— Мы пытаемся продлить срок временного содержания под стражей, Сандрина, но он нанял хорошего адвоката. Нам не хватает деталей, и его будут держать, сколько возможно, за превышение скорости. Вечером он будет здесь. Вы не хотите уйти, Сандрина? Вы не хотите... Мы можем помочь, есть приюты, экстренная социальная поддержка... есть... разные способы. Но к ним нельзя прибегнуть, если вы нам ничего не скажете.

Сандрина сосредоточивается на работе.

Полицейские дали ей запереть дверь, сесть в машину; они не следили за ней по пути, и здесь, на работе, ей спокойно. Сюда они не придут. Господин Ланглуа тем более. Даже когда она до крайности его раздражала, даже когда он верил, что между ней и Кристианом что-то есть, даже когда она оступалась, он сюда не приходил. Никогда.

Подждал ее на улице несколько раз, чтобы удостовериться, что она ни с кем не знакома, ничего не скрывает, но никогда он не поднимался в контору, для этого он слишком умен. И сейчас его нет внизу, в седане. Он в полиции. Они обещали. Они сказали, что смогут продержать его до семи часов вечера.

Время от времени Сандрина выпрямляется, наклоняет голову то в одну сторону, то в другую, шея все больше теряет гибкость, она повторяет: «До семи часов» — и смотрит в уголок экрана, где отображается время.

Когда она паркуется рядом с домом, затылок у нее снова скован и болит. Несколько минут она сидит в машине. Ей не пришлось ехать за Матиасом в школу, так что она приехала раньше обычного. И она еще раз смотрит на часы.

Поколебавшись, включает зажигание и едет в школу. Последний звонок прозвенел несколько минут назад, но она не видит Матиаса. Осматривается по сторонам и медленно трогается с места.

Вот они. Сандрина останавливается на двойной полосе.

Анн-Мари открывает дверцу, садится на переднее сиденье. Это машина родителей Каролины. Сама Каролина помогает Матиасу застегнуть ремень безопасности, пока что у него детское кресло, но скоро оно ему уже не понадобится. Патрис стоит рядом, смотрит на улицу.

Сандрина ждет, чтобы они уехали. Патрис выруливает на дорогу, автомобиль удаляется, и она против света видит только затылок Матиаса. Она видит, что Матиас и Каролина разговаривают, их головы повернуты друг к другу. У нее теплеет на душе. «У Матиаса все хорошо», — сообщает она своей крошке.

Она подъезжает к дому. Интересно, каково было бы жить здесь без него, с одним только малышом, ее крошкой? Это еще одна картинка, недоступная ее пониманию.

Надо принять душ и переодеться. Она натягивает цветастую блузку, ту самую, скверного покроя, что она сразу возненавидела. Блузка плохо на ней сидела, резала под мышками, пузырилась на груди, упорно задиралась на животе, и дело тут не в том, что живот растет. Блузка ужасная, но удовольствие ему она доставит.

Сандрина застегивает пуговицы и неожиданно для себя обнаруживает, что на самом деле она похудела и блузка, при всей ее

непривлекательности, не так уж плоха. Она колеблется, не зная, стоит ли подправить макияж, и в конце концов раздумывает, испугавшись, что его привезет Кристиан. Если муж заподозрит, что она прихорашивается для другого... о, нет, лучше об этом не думать и о макияже забыть.

Она спускается на кухню и начинает хлопотать. Прилежно готовит заправку для салата. В морозильнике есть листы для лазаньи, он любит лазанью. Разогревает духовку, накрывает стол на двоих и ждет с окаменевшей шеей. Время тянется долго, томительно. Можно было бы кому-нибудь позвонить, поболтать, но у нее никого не осталось. Были когда-то приятельницы, но давно уже нет.

Сандрина ничего не делает — только ждет и время от времени прохаживается по дому, чтобы проверить, все ли в порядке, все ли хорошо.

Он появляется в девять часов в незнакомой машине с незнакомым водителем. Выходит из машины, и та сразу уезжает. От него пахнет пивом. Сандрина выходит в прихожую и хочет спросить, кто был за рулем, и как он, ее муж, себя чувствует, и что сказали полицейские, но все эти вопросы небезопасны — она не должна ни о чем спрашивать, ее муж — хозяин этого дома, и он приходит, когда хочет. Даже после задержания. Но поскольку молчать — это тоже подозрительно: молчание может означать, что она что-то скрывает, — она говорит: «Я приготовила лазанью». Он смотрит на нее и, не издав ни звука, закрывает дверь на замок. Все как обычно, за исключением нечистого дыхания. Он кладет портфель на тумбочку у входа, наклоняется, расшнуровывает ботинки, вешает куртку на вешалку, надевает домашние туфли и, по-прежнему не говоря ни слова, направляется в гараж. Сандрина, замирая, идет следом.

Ее муж внимательно осматривает свою дорогую машину. Он доволен — машина цела. Кладет руку ей на плечо, и они возвращаются в кухню. Его рука лежит у нее на шее, он спрашивает: «Где мой телефон?» — и она показывает на столешницу. Затем достает из духовки лазанью, прикрытую фольгой, чтобы не подсохла: блюдо выглядит аппетитно, ему понравится, все пройдет хорошо. Сандрина молится про себя: заправка тоже получилась как надо, все будет хорошо, все будет хорошо.

Она ставит лазанью на стол; он держит в руках мобильник, смотрит на нее с подозрением. Спрашивает:

— Что ты делала вчера в девять часов?

Сандрина снимает рукавицу, которую надела, чтобы не обжечься о горячий противень. Понятно, он хочет выведать, не прочитала ли она СМС-сообщение. Она говорит:

— Наверное, я была в душе. Я рано поднялась наверх, не могла смотреть телевизор... я беспокоилась о тебе.

Он не сводит с нее глаз. Она старается ровно дышать. Вести себя как ни в чем не бывало. Все будет хорошо.

Спрашивает его:

— Ты проголодался? Сколько тебе положить? Тебя кормили?

Он откладывает телефон и садится. Он ей верит. Все обойдется. Он говорит:

— Клади побольше. Я умираю с голоду. Мне приносили поднос с какой-то гадостью.

Сандрина торопливо наполняет тарелки и садится, чтобы он не заметил, что у нее трясутся ноги. Она *солгала*, и он ей поверил. Она не лгала уже много месяцев, разучилась делать это. Обмануть его невозможно — он наблюдает за ней, неотступно следит за каждым ее шагом, и даже притом что она говорит правду, он способен устроить ей сущий ад, как тогда с Кристианом. Но были и другие поводы: она что-то сказала или, наоборот, не сказала Анн-Мари и Патрису, она приехала поздно из конторы, она возвращалась не тем путем, она не то ест, не то покупает, кто ей звонит, — и она всегда говорила правду. С самого начала. Но уже очень давно ему этого мало. Он все время требует доказательств, потребовал доступ к ее телефону, проверяет ее банковские счета, проверяет ее GPS. А иногда он просто напоминает ей, кто в этом доме хозяин, кто здесь все решает. Он начинает ругать ее, оскорблять, будит по ночам и настаивает на своем, и кончается все тем, что она признается в мнимых оплошностях и соглашается на наказание. После признания, разумеется, надо просить у него прощения, умолять, стоя на коленях; говорить, что она раскаивается, что она никто, кусок дерьма, толстый кусок дерьма, что она больше так не будет. Он порвал некоторые ее книги, разбил уже два мобильника; он с силой толкал ее, щипал, таскал за волосы. А с тех пор как вернулась первая жена, стало еще хуже, он тянет Сандрину на

дно вместе с собой, как в ту субботу, когда он пришел в бешенство и схватил ее за горло. Он никогда не сжимал ей горло с такой силой, а в воскресенье — пощечина, первая и последняя, он же дал слово — мужчина, который плачет, — что такого больше не будет. Прошло всего ничего, а он уже ее подозревает, и она боится, что вернулся не мужчина, который плачет, а господин Ланглуа.

Но она *солгала*, и он *ничего не заметил*. Он не устает повторять, что ему все известно, он говорит: не стоит и пытаться что-то скрывать от него, потому что он все равно узнает. И вот она *солгала*, и он *ничего не заметил*. Он всегда говорил, что она безнадежная дура, чтобы выйти сухой из воды, что он выучил ее наизусть и при первом же намеке на вранье ей не поздоровится. Но она *солгала*, и он *ничего не заметил*.

Сандрина цепляет на вилку лазанью и улыбается ему; улыбка у нее искренняя и спокойная. Он хмурит брови:

— Что это с тобой? Ты какая-то странная.

И она отвечает:

— Просто мне полегчало.

А вот это чистая правда: на этот раз ей не нужно притворяться, ей действительно полегчало, что-то возникло, появилось какое-то другое измерение, в котором ему известно не все. И если так, то, может быть, не все, что он говорит, правда?

Он говорит, что убьет ее, если она уйдет; он говорит, что она слишком большая тупица, чтобы найти кого-то другого, да и никто ее, уродину, не захочет, кроме него.

Так ли это?

Он говорит, что раз она живет в его доме, то должна соблюдать установленные им правила; что она должна до Рождества бросить свою сраную работу и продать гнилую тачку; что ее место здесь; что за работу она держится только для того, чтобы заигрывать с козлами-адвокатами, а машина ей нужна, чтобы трахаться с ними... Но ведь это не так.

— Ты меня слышишь?

Голос напряженный, тревожный.

Следи за собой, спустись на землю, слушай его, слушай, и все обойдется.

Сандрина говорит:

— Прости, я такая рассеянная, я так волновалась...

Ей хочется добавить что-то надежное, безопасное, один из разрешенных вопросов вроде «Ты проголодался?», но под ногами у нее зыбучий песок.

Она решается:

— Надеюсь, с тобой хорошо обращались?

Но он заявляет, что не хочет об этом говорить.

Они молча едят. Сандрина заканчивает раньше, ей больше не хочется. Он смотрит на ее тарелку, собирается что-то сказать: разумеется, что ей надо доесть, что это очень вкусно. Или: «Ты чего не ешь, для кого ты хочешь похудеть?» — и по этой фразе Сандрина сразу поймет, что ждет ее вечером. Но когда он поднимает на нее глаза, она задумчиво ощупывает свою щеку, и муж ласково гладит ее по руке. Сандрина вздрагивает. Она снова отвлеклась.

Следи за собой, спустись на землю, слушай его, слушай, и все обойдется.

Она спрашивает:

— Хочешь десерт? Есть йогурты и компот.

Он говорит:

— Послушай, я был не в себе с тех пор... с тех пор, как она... Веди себя со мной хорошо, ладно? Мне тяжело, очень тяжело. И эта ищeyка — она такая... такая сука, такая блядь...

Его пальцы стискивают руку Сандрины все сильнее и сильнее.

Он продолжает:

— Тип, которого нашел Кристиан, что надо. Берет дорого, но уж очень хорош. Все будет прекрасно, я заберу мальчишку, и она поймет, что со мной это не пройдет, что никто у меня не украдет сына, и уж точно не она. И мы будем жить здесь втроем, мы станем семьей. Но мне нужно, чтобы ты была рядом, мне необходимо, чтобы ты была здесь ради меня.

Сандрина кивает, подумав, что всего несколько дней назад такие слова заставили бы ее плакать от радости. О боже... Просить ее быть рядом, прямо сказать, что он не хочет никого больше, кроме нее и Матиаса, произнести это слово — «семья», от которого у нее розовеют щеки...

Давление на запястье Сандрины ослабевает, теперь она чувствует руку мужчины, который умеет плакать.

Он почти не спал с тех пор, как его забрали в полицию, разве что несколько часов под утро, и они поднимаются наверх раньше обычного. Мужчина, который плачет, выходит из душа с мокрыми взъерошенными волосами, они придают ему мечтательный мальчишеский вид; и он остается мужчиной, который плачет, когда заключает ее в свои объятия. А потом он снова заговаривает о полицейской и о Каролине, и Сандрина, несмотря на все усилия, на попытки притворно закрыть глаза, на намеки, что хочет спать, чувствует, как он раздражается все больше и больше, как его переполняет злобная желчь. Она еще раз пытается сменить тему, и господин Ланглуа спрашивает, за кого она себя принимает. Мужчина, который плачет, исчез, а господин Ланглуа приказывает впредь его не перебивать. Его тирада — словно зловещая птица, словно стервятник-падальщик, вынюхивающий все затхлое и зловонное. То, что он говорит, касается всех тварей этого мира, но в первую очередь стервы Каролины, стервы ищейки и ее, стервы Сандрины. Как же, как же, а то он не знает, что она вчера была не одна!

Когда господин Ланглуа вдавливая ее голову в подушку намереваясь показать, что именно он делает со стервами, Сандрина говорит себе, что это ненадолго, чем сильнее приступ ярости, тем быстрее он проходит.

13

Сегодня ей предстоит сходить к гинекологу, и она этому очень рада. Впервые в жизни она спешит во врачебный кабинет.

Выходит из конторы в обеденный перерыв и оглядывается по сторонам. Седана нигде не видно, можно выдохнуть. Еще пару недель назад она и подумать не могла, что пойдет в клинику, не поставив его в известность, тайком от него.

В клинике играет тихая музыка, в воздухе витает запах эвкалипта. Ей безумно нравится этот аромат. Когда они начали встречаться, она удивилась: «Мои любимые цветы? Ой, я не знаю, наверное, белые». Она ответила ему наобум, потому что никто и никогда не дарил ей цветов. «А эвкалипт?» — спросил он. Ее маленькая квартирка пропахла эвкалиптом — он ни разу не пришел с пустыми руками, и ей пришлось обзавестись вазами, не одной, а сразу тремя: две для свежих букетов, а третья, самая большая, для веточек эвкалипта, ведь они сохранялись, когда другие цветы увядали. У нее возникало ощущение, что она таким образом скапливает любовь, составляет огромный букет удачи. Запах эвкалипта, казалось ей, это аромат счастья, счастья, которого оба уже не ждали.

Она вспоминает, и вдруг слезы выступают у нее на глазах. Обычно она плачет редко и очень горько. И только при нем. Поначалу слез хватало, чтобы он тут же успокоился, как будто именно слезы и были его целью, как будто он хотел что-то растопить в ней. Но уже давно ее плач не останавливает его; теперь ей нужно раскраснеться, с растрепанными волосами умолять невесть о чем. И по этой причине он доводит ее до крайности, оскорбляет, давит, толкает, таскает за волосы.

Потом она вспоминает про разбитый бокал, про то, каким внимательным он стал, как просил прощения, когда она порезалась, и она сказала себе: да, кровь помогла. И по логике вещей, впредь он будет успокаиваться только при виде того, как она истекает кровью.

Тихий голос, который в последние дни медленно пробивал себе дорогу в мозговых извилинах, голос, который много месяцев молчал от безысходности, что-то шепчет. Шепот слабый, еле слышный, но Сандрина различает:

Ну, разумеется, тупая ты корова, разумеется, он тебя убьет.

В это мгновение в холл входит врач. Она сменила прическу. Косички делят ее череп темными рядами. Очень красиво. Сандрине хотелось бы иметь такие волосы. И не только. Жизнелюбие. Волю. Ей хотелось быть кем-то другим.

Докторша не подзывает ее к себе — подходит сама, наклоняется, чуть ли не садится на корточки и говорит:

— Эй, что такое? Это гормоны?

Сандрина достает бумажный платочек и старается не нарушить макияж. Говорит: нет, не знаю, может быть.

— Пойдемте посмотрим, — улыбается ей гинеколог. — Хорошо? Вы мне все расскажете.

В кабинете Сандрина садится и не произносит ни слова. Разгневанный голос, который она только что слышала в своей голове, снова что-то шепчет. Этот голос рычал на нее, требуя немедленно уйти, когда мужчина, в которого она так безнадежно влюбилась, в первый раз попросил показать ему сообщения в ее телефоне. Он подозревал, что она переписывается со своим начальником; она клялась, что нет, и он сказал: «Докажи».

Голос тогда кричал: *Даже не вздумай, ты не обязана ничего доказывать. Если он тебе не доверяет, зачем тогда позвал жить в свой дом? С ним? Со своим сыном?*— но ей так хотелось быть доброй, сделать ему приятное, сохранить свое совсем еще новое счастье.

Когда со временем он попросил пароли от ее телефона, от банковской карточки, от электронной почты, голос превратился в шипящую, неразличимую, еле слышную струйку.

— Итак. Что с вами?

Сандрина отрицательно качает головой, она не знает, с чего начать, она только что позволила себе понять, к чему все идет и как все закончится: плохо. Ей не удастся выразить это вслух, потому что она не все еще обдумала. Что происходит, что может случиться, кто она, кем является, где и почему находится.

Она заставляет себя дышать, унять наконец слезы. Напротив нее доктор, спокойная и терпеливая, но между бровей пролегла обеспокоенная складка. Она мягко начинает задавать вопросы.

— Тошнота? Слабость?

— Все нормально, — выговаривает Сандрина, и у нее отлегает от сердца.

— Вы сдали дополнительные анализы?

Сандрина говорит:

— Нет, простите, у меня не было... не было...

Она не знает, что хочет сказать: времени, храбрости, случая? Она не знает, как объяснить, что так и не сказала о своей беременности мужчине, с которым живет, потому что он шпионит за ней, засекает время ее поездок; что иногда она вынуждена сидеть за компьютером в обеденный перерыв, потому что и речи быть не может о том, чтобы задержаться вечером хоть на минуту; что она не смеет его послушаться и нарушить правила, потому что с тех пор, как первая жена уже не мертвая, все с каждым днем становится хуже и хуже.

— Это не страшно, — заверяет ее гинеколог, имея в виду анализы. — Вы сможете сходить в лабораторию прямо отсюда в конце недели?

«Да», — кивком отвечает Сандрина.

— Прекрасно. И не будем больше об этом. Хорошо. Теперь об отце. Вы сказали ему?

«Нет», — молча качает головой Сандрина.

— Но... он же никуда не делся? Вы ведь живете с ним, да?

«Да», — кивком отвечает Сандрина.

Пауза. Очень долгая пауза.

— Я могу вас осмотреть сегодня?

Голос докторши мягко нарушает тишину кабинета. Здесь никто никуда не торопится; на смотровом кресле — тонкая бумага, на стенах нет картин — только постеры в рамках, но все такое располагающее, все, что требуется. И Сандрина наконец говорит:

— Да.

— Вы не могли бы раздеться? Если хотите, блузку можете не снимать... Вы не могли бы прилечь? Давайте все делать поэтапно. Сначала вы ляжете на спину... вот так. Я прощупаю живот... теперь посмотрю ниже. Так, это может показаться очень холодным... нет? Все хорошо? Тем лучше. Итак...

Сандрина разглядывает потолок. Белые квадраты, имитирующие... Что? Что они хотели изобразить? Мрамор? Нет. Штукатурку? Врач

что-то говорит, и Сандрина, которая, как всегда, когда ее осматривают, трогают, шупают, уплыла куда-то вдаль, выныривает на поверхность.

— Я сказала, что у вас там ссадины. Будьте добры, скажите, как это случилось?

На мгновение Сандрине подумалось, что речь идет о шрамах, ведь она подвергает свое тело разрушению, и ее ожесточение к собственному телу возрастает все больше и больше по мере того, как вся остальная жизнь идет прахом. Потом она понимает, что докторша говорит о следах, оставленных господином Ланглуа. Да, он делал ей больно, но она думала, что никто этого не заметит.

Сандрине стыдно. Она рефлекторно сдвигает ноги, но доктор уже сняла перчатки и подкатила свое кресло к ее голове.

Что ей ответить, что сказать? Пусть не обращает внимания, так бывает не всегда?

Нет!— говорит внутренний голос. — *Уже много месяцев только так!*

Заткнись, приказывает ему Сандрина, и вообще, с какой стати отвечать врачу, голосу? С какой стати оправдываться, с какой стати все кому не лень лезут не в свое дело?

Ее бросает в жар, она и представить не могла, что придется обсуждать что-то с задранной вверх задницей; в горле пересыхает, а врач говорит:

— Я понимаю, что место не самое подходящее. Вот возьмите. Прикройтесь. — Она отрывает кусок бумажного полотна и дает Сандрине. — Берите, берите. Знаете, если бы меня попросили задрать ноги и поговорить, я бы почувствовала себя не в своей тарелке! — Она снова улыбается, но улыбка получается слегка кривая, эта улыбка с усилием удерживается на губах.

— С ребенком все хорошо? — спрашивает Сандрина, сложив руки на животе, потому что ее интересует только это — только ради этого она пришла сюда, а все остальное никого не касается.

Докторша кивает, встает и снова садится за свой стол.

Сандрина натягивает трусы и джинсы, надеясь, что докторша не будет настаивать на разговоре.

Она и не настаивает. Но по ней видно, что она ждет.

Сандрина садится на пластиковый стул напротив докторши. Ей кажется, что она плохая ученица. Что ее сейчас накажут. И вдруг эта

женщина с тугими косичками на голове говорит:

— У меня есть одна очень богатая пациентка....

Фраза возникает ни с того ни с сего, и Сандрина думает: что это с ней?

— Очень богатая и... шикарная... понимаете? Или, скорее, безупречная. Всегда тщательно одетая. Как вы. Я вижу вас во второй раз, и вы опять тщательно одеты. Не то что я... — Докторша взмахнула рукой с улыбкой человека, который не прочь посмеяться над собой.

Сандрина не улыбается, потому что ей эта женщина кажется прекрасной. Ей очень идет ее рабочая одежда. А сегодняшние косички делают ее похожей на царицу. Она не понимает, к чему эта красавица ведет и зачем обманывает, ведь Сандрина плохо одевается и знает об этом.

А докторша продолжает:

— У нее очень серьезная работа. Она помогает многим людям. Разумеется, я никогда и ни за что не скажу вам, как ее зовут, но я скажу то, что гораздо важнее ее имени. У этой столь обеспеченной, столь элегантной и успешной женщины был муж, который годами плохо с ней обращался. Бил ее, насиловал... Она была одной из моих первых пациенток. Ко мне попала почти случайно, я тогда только начинала... Но я долго за ней наблюдала. Годами. И всему, что я замечала, всегда находилось оправдание. То она стукнулась о дверь, то споткнулась на лестнице, то не заметила, что дверца шкафа открыта... И у нее были такие же, как у вас, повреждения влагалища. И сейчас я скажу вам самое главное. Если вы не согласны на секс, то это изнасилование. Если кто-нибудь, кто угодно, ваш парень или муж, берет вас, когда вы говорите «нет», это преступление. Теоретически за это могут посадить.

— Зачем вы мне это говорите? — Слова вырываются у Сандрины с гораздо большим раздражением, чем ей хотелось бы.

Снова наступает молчание, еще более длительное, потом врач говорит:

— Просто так. Чтобы поговорить. Чтобы сказать, что, когда эта женщина все-таки нашла в себе силы рассказать мне о том, что с ней происходит на самом деле, и когда она поняла, что готова уйти, я

помогла ей. И не я одна. Полицейские. Ее адвокат... Есть женщины, которым удается уйти и вновь обрести здоровье и свободу.

— Я могу оплатить консультацию?

Сандрина не хочет здесь оставаться, не хочет отвечать, ничего больше не хочет.

— Да, — отвечает гинеколог, и Сандрина кладет на стол нужную сумму — наличными, без сдачи.

— Сандрина, — мягко произносит доктор. — Есть женщины, которые не уходят. Потому что это трудно, крайне тяжело для них. Они остаются, и иногда их убивают. Да, рано или поздно их убивают. Вот, возьмите.

Сандрина уже в пиджаке, накидывает ремешок сумки на плечо.

Доктор подталкивает к ней брошюрку:

— Возьмите, прошу вас. Пожалуйста. И берегите себя. Приходите ко мне с результатами анализов. Хорошо? Ради ребенка. Это главное. Понимаете?

Сандрина не глядя сует брошюрку в сумку и уходит. В холле администратор жестом подзывает ее и предлагает назначить время очередного визита на следующей неделе. «Да, хорошо», — говорит Сандрина, не раздумывая, ей хочется поскорее уйти, и только.

— Мы можем послать вам эсэмэс накануне, чтобы напомнить о времени консультации, — с доброжелательной улыбкой говорит молодой человек за стойкой.

Сандрина уже по горло сыта этими доброхотами, от которых у нее одни проблемы, и она отвечает:

— Нет! Ни в коем случае. Я все запомнила, занесу в ежедневник, ничего не надо.

Молодой человек удивляется, но говорит:

— Хорошо, тогда до следующей недели.

На улице Сандрине сразу становится легче дышать, она чувствует, как у нее горят щеки, вот только от чего? От стыда, конечно, и от страха. Хорошо еще, что она обошлась без страховочной карточки, так что ее муж не сможет увидеть, что на банковский счет поступит компенсация за визит.

В конторе она идет в туалет с сумкой в руках. Она решила выбросить брошюрку в мусорку для тампонов. А что еще с ней делать? Брошюрку нельзя оставить в сумке — он проверяет сумку

каждый вечер. И на улице она не может ее выбросить — кто его знает, не прячется ли он где-то поблизости, не шпионит ли за ней. Подберет брошюрку и решит, что она кому-то пожаловалась. Корзина для бумаг на работе тоже не вариант. Вдруг кто-то увидит, начнет задавать вопросы.

Она держит маленькую книжицу в руках. Розовая, зеленая и белая, довольно толстая.

Читает:

Ваш партнер любит вас контролировать?

Ниже варианты ответов, и надо оценить, отвечают они действительности или нет.

Мой партнер критикует и высмеивает мои планы, мои мнения.

Мой партнер все время меня ревнует.

Моему партнеру не нравится, как я готовлю, убираюсь, одеваюсь, веду себя на людях.

Мой партнер часто звонит мне, когда я на работе, без предупреждения приходит ко мне на работу, чтобы «убедиться, что все хорошо».

Он насмехается над моей внешностью, отмечает недостатки моего телосложения (я слишком то-то, мне не хватает того-то).

Мой партнер внушает мне, что я все делаю плохо. Все, что я делаю, все «не так».

Ему всегда не нравится то, что я делаю.

Мой партнер внушает мне, что я не поддерживаю его или поддерживаю недостаточно, плохо. Что я мало его люблю.

Мой партнер никогда меня не подбадривает. Его комплименты всегда с подковыркой: «То, что ты приготовила, вкусно. На этот раз».

Мой партнер не выносит, когда я заговариваю о новых знакомых; он обвиняет меня в измене, в любовной связи с теми, с кем я поддерживаю самые обычные отношения.

Он проверяет мой телефон, мою электронную почту.

Мой партнер говорит, что мне не надо работать, что он сам обо мне позаботится.

Мой партнер говорит, что это он должен принимать все решения, касающиеся семьи, потому что он мужчина.

Я должна отчитываться о своих расходах, он требует обосновать мои траты. Он требует или уже получил доступ к моим личным счетам.

Когда мой партнер раздражен или взбешен, он становится вплотную ко мне в угрожающей позе (сжатые кулаки, резкие движения).

Все споры часто или всегда заканчиваются моим молчанием, я боюсь того, что он может со мной сделать, и умолкаю, сдаюсь.

Мой партнер швыряет и бьет предметы: посуду, безделушки, аксессуары и прочие мелкие предметы обстановки.

Мой партнер портит, выбрасывает или рвет одежду и вещи, которые мне нравятся.

Мой партнер не дает мне спать.

Мой партнер настаивает на половых актах, которые не доставляют мне удовольствия.

Мой партнер заставляет меня носить вещи, которые нравятся ему, но в которых я чувствую себя неловко. Точно так же он упорно настаивает на том, чтобы я носила одежду, которую он находит сексуальной, а я в ней чувствую себя неловко.

И так далее, на страницах десятки строк, и слева от каждой стоит пустой квадратик, в котором надо поставить галочку «Если это соответствует вашему положению».

Последние строки выглядят так:

Мой партнер никогда не согласится на то, чтобы я ушла от него.

Мой партнер швыряется в меня разными предметами.

Мой партнер щиплет меня, хватает меня за шею, за руку...

Мой партнер таскает меня за волосы.

Мой партнер бьет меня головой об стену.

Мой партнер пытается меня придушить.

Мой партнер пинает меня ногами.

Мой партнер набрасывается на меня, пихает, валит на пол.

Мой партнер меня бьет.

Мой партнер навязывает мне сексуальные отношения: он насилует меня.

Она читает все, до конца, и думает:

Она заканчивает чтение. Находит номер для бесплатных анонимных звонков и повторяет его про себя. Запоминает.

Когда она приезжает домой, он уже там. Нет, он никуда не отлучался. Она понимает, что он не ходил на работу. На кухонном столе пустые чашки, тарелка, крошки. Блокнот, чьи страницы испещрены мелкими буквами. Он во дворе, говорит по телефону.

Она убирает со стола, загружает в посудомойку грязную посуду, вытирает со столешницы пятна кофе. Разумеется, она не прикасается к блокноту, потому что не имеет права без разрешения прикасаться к его вещам, — просто вытирает все вокруг. Почерк у него плохой, но она различает слова. Они касаются дома, счетов.

И потом:

Психиатрическая экспертиза Каролины

Запрос на единоличную опеку над ребенком

Удержание

Соккрытие ребенка

SOS Papas^[8]

Воспоминания о прошлом, придуманные психотерапевтом

Возмещение ущерба

Моральный ущерб

Он заберет себе Матиаса. Заберет сына Каролины...

Впервые мысли Сандрины выстраиваются именно так. Он заберет сына Каролины — это не то же самое, как если бы она подумала: он хочет помешать Каролине забрать у него *Матиаса*. Каролина — мать Матиаса, но он не хочет им делиться. Потому что все должно принадлежать ему одному.

Да ему плевать на мальчика!— кричит ее внутренний голос.

Сандрина кладет губку в маленькую корзинку рядом с раковиной и садится. Этот голос кажется ей старым знакомым, который ни с того ни с сего вдруг звонит по телефону. Она не уверена, нравится ей это или нет. Иногда люди, с которыми ты долгое время не общался, возвращаются только для того, чтобы все испортить. Она вспоминает о необычной ласковости отца к Матиасу, о том, как он поглаживал его спину, о большой ладони, обхватившей шею мальчика как свою собственность, и все это на глазах у психотерапевта, у всех на глазах...

Они ужинают перед телевизором. Случай исключительный — ее муж считает, что это некультурно, что есть надо за обеденным столом,

но сегодня показывают теннисный матч, и он не хочет его пропустить. Отвлекать его бесполезно, он полностью поглощен, и Сандрину это устраивает.

Она унесла тарелки на кухню, и он попросил пива.

Когда она протягивает ему высокий стакан со светлым пивом, звонит мобильник, который ее муж бросил на журнальном столике. Он берет телефон и уходит в гараж. Сандрину не интересуют теннис, от диких криков игроков ее передергивает. Она достает из сумки книжку.

Муж возвращается в явном раздражении. Ее это не удивляет. Она пытается определить, до какой степени он взбешен, и прочитав по его лицу, к чему ей готовиться. Но нет, он зол не на нее. Пока что. Очень хороший и очень дорогой адвокат принес плохие новости: «Полицейские бесчинствуют». В утешение адвокат говорит, что за это можно ухватиться — он заявит о полицейском преследовании и поставит на стратегию «прекрасного отца».

Сказав это Сандрине, ее муж протягивает руку к стакану на журнальном столике. Сандрина смотрит на него и не узнает — этот человек ей незнаком, это не мужчина, который плачет, и это не господин Ланглуа. Или, может быть, господин Ланглуа, но в новой версии: еще более ужасной. Господин Ланглуа приходит в бешенство и не контролирует себя, и, по сути, это не его вина. Господин Ланглуа никогда не бывает спокоен, потому он господин Ланглуа. Но мужчина, сидящий рядом с ней на диване, полностью владеет собой, он чуть ли не расслаблен, он спокойно пьет пиво.

Сандрина пытается сосредоточиться на книге.

Он говорит:

— Ты мне можешь, нужно дать письменные показания.

Она недоуменно смотрит на него.

— Не строй из себя дуру, речь о твоих показаниях: что я очень хорошо занимаюсь сыном, его уроками, его... — Он неопределенно взмахивает рукой. — Его... ну, сама знаешь.

Он делает еще один глоток и, поставив стакан, снова погружается в теннис.

Внутренний голос с радостью дает себе волю.

Да уж, он занимается сыном. Можно по пальцам одной руки пересчитать, сколько раз он готовил для своего ненаглядного

Матиаса с тех пор, как ты поселилась в их доме, сколько книг ему прочитал, сколько раз с ним поиграл.

Матиас обязан беспрекословно подчиняться, сын нужен ему, чтобы показывать редким гостям послушного ребенка. Все остальное время от него требуется одно: убрать игрушки, делать уроки, не болтаться под ногами. Молчать. Не мешать.

Да, это правда, поначалу он много говорил о Матиасе и много писал о нем в СМС-сообщениях. Да, она помнит, что, когда они встречались в ее квартире, он твердил: мой сын, мой сладкий малыш, мой Матиас — это не сходило у него с языка. И он без конца говорил о своем одиночестве, о своей роли отца, о том, что ему нужна жена, а Матиасу — мать.

Вот так он тебя охмурил, ухмыляется внутренний голос, и Сандрина думает: да. Охмурить ее было легче легкого, и ей стыдно за себя. Ей часто бывает стыдно, страшно стыдно за свое тело, но еще и за то, что он сделал с ней, за то, что другие мужчины делали с ней, за неловкость, с которой она идет по жизни. Но сейчас гневный голос доносит до нее совсем другую мысль, которая изредка приходила к ней раньше.

Ну и что, ну и что, это не значит, что ты ничего не стоишь, не значит, что ты дура, не значит, что ты ноль!

У этого храброго голоса было слишком мало времени, чтобы набраться сил с той поры, как она сбежала от отца. Когда она начала жить отдельно от родителей, она стала бояться вечного одиночества. Этот страх был так велик, что в итоге она действительно осталась одна. У нее были подруги. Ее коллеги... поначалу они неплохо ладили. Она никогда не была душой компании, уверенной в себе заводилой, но у нее было свое место. Скромное, но свое.

— Ты что, не слышишь?

Он трясет ее за плечо, и в этом жесте так много от маленького мальчика, что она не может не улыбнуться. Он требует, он растерян, он хочет знать, придет ли она ему на помощь, он говорит, что она ему нужна. У него умоляющий голос, и она отвечает:

— Да, конечно.

Глаза его блестят, и она говорит себе, что мечтала об этом мгновении холодного расчета, ждала этих рефлексов собственника. Голос с ней не согласен, но Сандрина не обращает на него внимания.

Ее муж успокаивается и нажимает на пульт. И только теперь до Сандрины доходит, что он не забыл поставить матч на паузу, перед тем как начать уговаривать ее с влажными от слез глазами.

14

Он «проявляет заботу». За последнюю неделю Сандрина несколько раз думала об этом. Господин Ланглуа не появился ни разу. Они спят в обнимку шея у Сандрины почти размякла; в субботу утром он даже идет за венской выпечкой, приносит две булочки с сочным изюмом и яичным кремом, и она ест, не торопясь и улыбаясь. Ей удастся осилить половинку. Он нервничает, уговаривает — еще немного, и она скажет ему о крошке. Он добрый.

Но вдруг он говорит:

— Я ходил за ними для тебя, так что ешь давай. — И резко вдавливая ее лицо во вторую булочку с изюмом, еще лежащую на бумажном пакете из кондитерской.

Потом встает и идет в душ.

Сандрина медленно выпрямляется; вытирает нос, губы и говорит себе: «Хорошо, что я промолчала», а внутренний голос замечает:

Ты произнесла это вслух.

Она умывается над раковиной, достает полотенце из шкафчика, вытирается. И снова вспоминает Каролину — эта женщина знала, где что лежит; ее движения были машинальными, как у нее сейчас. Потом она думает, что если бы он вложил чуть больше силы, то мог бы сломать ей нос о твердую поверхность деревянного стола.

Ее муж спускается, одетый во все чистое, он не говорит ни слова и громко хлопает дверью гаража. Она принимается за уборку. Этот ритуал занимает ее целиком, она долго возит щеткой пылесоса по полу в надежде, что гудение заглушит гневный внутренний голос, который звучит все чаще и все громче.

Закончив с уборкой, она садится.

Она одна в пустом доме, уже давно такого не случилось, за исключением того дня, когда ее муж был задержан полицией. Обычно в доме были он и Матиас или только Матиас.

У тишины особая тональность. Что было бы, если бы я никогда не встретила мужчину, который умеет плакать? — спрашивает она себя. Если бы не увидела его по телевизору? Если бы не пошла на Белый

марш, организованный Анн-Мари и Патрисом. Она дотрагивается до живота и говорит крошке: «Тебя бы не было, это точно».

Ей хотелось бы к чему-нибудь прийти. Голос говорит, что надо решать, пора. Но каждый раз мысли Сандрины уходят куда-то в сторону...

Слышится какой-то звук, она вздрагивает, оборачивается к двери, думая, что ее муж вернулся, что она прозевала, как он подъезжает, что он накажет ее за то, что она осмелилась слушать гневный голос, сидела тут сложа руки и размышляла без разрешения.

Нет, это не он. Показалось.

Ближе к вечеру она варит себе суп — первый раз за год — и ест у телевизора. Смотрит фильм, полный взрывов, и спрашивает себя, не соскучилась ли она по одиночеству.

Когда она выключает телевизор, в дверь стучат, и пустая тарелка, выскользнув у нее из рук, разбивается вдребезги на мраморном полу. Дыхание перехватывает, щеки горят, она идет к двери и на ходу пытается справиться с собой.

Это не он, это полицейская, что, возможно, еще хуже.

Сандрина открывает дверь, и полицейская улыбается ей. Мелькает мысль: может, ничего страшного? — но нет, это ужасно. Ее муж вот-вот вернется, он всегда возвращается неожиданно, и тогда она будет локти себе кусать.

Полицейская не успела спросить, можно ли войти, а Сандрина уже отрицательно мотает головой: нет, нет и нет.

— Сегодня он не придет. — Это первое, что говорит гостя вместо «доброе вечера», и Сандрина удивленно спрашивает:

— Откуда вы знаете?

Так начинается их диалог.

Полицейская поясняет, что ее коллега дежурит там, где сейчас находится господин Ланглуа. И если господин Ланглуа сядет в машину, коллега тут же сообщит.

Сандрине не приходит в голову спросить: «У кого он?» — нет, она спрашивает:

— А если он пойдет пешком, если ваш коллега его упустит?

Полицейская говорит:

— Нет, он за тридцать километров отсюда, он не пойдет пешком.

Разговор завязывается, ничего не поделаешь, пусть она проходит.

— Спасибо, — говорит полицейская, усевшись на «свое» место.

Сандрина просит ее извинить и собирает осколки, вытирает с пола капли супа.

— Хотите, я помогу? — спрашивает полицейская.

Сандрина говорит:

— Нет, спасибо, все нормально.

Закончив, она садится на диван.

— Вы уверены, что вам не нужна помощь?

Сандрина молча сидит напротив, она настроена чуть менее враждебно, чем обычно. Полицейская осторожно спрашивает, знает ли Сандрина, где ее муж.

«Нет», — качает головой Сандрина.

— Он у другой женщины.

ЧТО?! — вопит голос.

— Прошу прощения? — говорит Сандрина.

— Господин Ланглуа находится у своей... у своей любовницы.

Полагаю, ее так можно назвать, пусть официально вы и не женаты. У Доминики. Вы знакомы с Доминикой?

«Нет», — качает головой Сандрина.

— Что ж, а он — да. Месяцев восемь.

«Нет», — мотает головой Сандрина.

— Да, Сандрина, мне очень жаль, но это так. А до нее была Сандра. А до Сандры были, разумеется, и другие, и при Каролине тоже.

Полицейская рассказывает о том, что происходит у Маркесов. К Каролине возвращается память, она вспомнила и узнала своего сына.

— И зачем господин Ланглуа выбрал такого дорогого адвоката? — усмехается она и рассказывает, что бывает, когда женщины требуют единоличной опеки над своим ребенком. — Нос Каролиной ничего такого не случится, потому что у нас есть досье на ее бывшего мужа, и оно пополняется.

Сандрина не слышит ее. Она думает: у ее мужа две женщины. Две женщины — это выбор. Две женщины — это не про любовь. Любовь иногда застаёт врасплох. Можно любить кого-то, можно думать, что навсегда останешься ему верным, но вдруг — внезапно, совершенно неожиданно — встречаешь кого-то другого, и этот человек проникает в самое сердце, ловит на крючок. Это — любовь, а против любви нет

никакого средства. Она вот встретила мужчину, который умеет плакать, и ничего не смогла с собой поделать. Она полюбила его.

Но две женщины... две женщины одновременно...

Две женщины — это уже не любовь: это несомненное оскорбление, желчь, которой плюют прямо в лицо. Это все равно что сказать: «Толстая тупица, мне плевать на тебя, мне пофиг, что ты и кто. Я трахаюсь на стороне. Я изменяю тебе, я обманываю тебя. Ты женщина, которой изменяет муж. Но ты все равно будешь жить со мной».

Она вспоминает о ночах, проведенных на полу, потому что «сучки должны спать на полу», она вспоминает о прощении, которое должна была вымалывать, когда ее муж вбил себе в голову, что она спит с Кристианом, с адвокатами из ее конторы, со стажером, которого он увидел, когда тот, на ее беду, вышел за ней из здания. Он шпионил за ней, упрекал ее за связь с кассиром с 32-й кассы, с аниматором из центра отдыха, с директором школы... Она вспоминает немислимые вещи, которые он говорил ей про жирные ляжки и про то, что она, блядь, раздвигает их перед кем ни попадя. Вспоминает жесты, сопровождавшие оскорбления, грубые пальцы и когти стервятника, разрывавшие ее надвое, чтобы разглядеть орудие воображаемого преступления, обнюхать ее признанную виновной промежность, покопаться в ее плоти, чтобы найти доказательства. Она вспоминает все, что делал с ней господин Ланглуа ровно в то самое время, когда он трахался на стороне. Все видится четким и далеким, будто фильм об ужасах, которые происходят с кем-то другим. И все это время она, Сандрина, благоразумная Сандрина, спокойно занимается хозяйством, Матиас делает уроки, горячие блюда стоят на столе. А он спал с другими женщинами?

Голос вопит: Дура! — громко, оглушительно, с дрожью израненного союзника. — А он, а он сукин сын.

— Сандрина? Сандрина? — окликает ее полицейская.

Сандрина возвращается. Она здесь. *Я здесь*, говорит голос, который прячется в ней. Он полон ярости. Но Сандрина еще сомневается. Ведь она никогда не злилась на других — только на себя, и она не уверена. А в чем она уверена? Вот в этой женщине. Которая сидит напротив. В ее голубых джинсах, с обгрызенными ногтями.

— Сандрина, вы меня слушаете?

— Да, — говорит Сандрина. — Нет. Не совсем. Но теперь — да.

Когда полицейская уходит, уже очень поздно. Она говорит Сандрине:

— Вам надо быть предельно осторожной, но я буду рядом, хорошо? Я буду здесь.

Сандрина чувствует, как что-то лопается или, может быть, раскрывается в ней, и она улыбается.

Полицейская протягивает ей руку и говорит:

— Можете звать меня Лизой.

Сандрина идет в душ, моется, вытирается; в ее движениях чувствуются решимость и сосредоточенность. Она берет увлажняющий крем, тот, что очень хорошо пахнет и стоит дороговато, и щедро втирает, противясь желанию отодрать болячки, расковырять себе кожу. Как только она узнала о крошке, это желание пропало, но теперь снова появилось, как бывает всегда, когда ей плохо. Грудь. Плечи. Руки. Ягодицы. Живот. Ляжки. Ноги. Она нанесла крем везде, она хорошо пахнет, она поухаживала за собой. Сандрина разглядывает свою кожу, покрытую крошечными рубцами, расцарапанную ногтями много лет назад. Не стоит надеяться, что эти рубцы когда-нибудь исчезнут. Хотя... Там будет видно.

Она ложится. В постели рядом с ней пустое место. Ей не удается сосредоточиться на чтении, но дело не в усталости.

В конце концов она засыпает. В ярости.

15

Пробуждается она за несколько секунд до того, как ее телефон начинает вибрировать. Будильник стоит на без четверти семь, снаружи еще темно. В первые дни после переезда сюда, ровно год назад, осенью, ей приходилось вытаскивать себя из постели. Но тогда все было по-другому. Она жила ради него, ради Матиаса, она была еще... Радостной, всем довольной, впереди был вечер, когда она вернется домой с работы. Сначала она забирала из школы Матиаса, а потом готовила ужин на троих.

Все это началось прошлой осенью.

Он в ней нуждался.

Он ее любил.

Любил больше, чем ее друзья, с которыми она лишь время от времени обменивалась СМС-сообщениями. Нет, это не дружба — это любовь.

Любил больше, чем ее коллеги, которые никогда не ценили ее как должно. Она много раз говорила ему, что слишком застенчива, чтобы стать своей в коллективе, но проблема скорее не в ней, а в них, ее коллегах.

«А может быть, все-таки в тебе? — говорил он. — Ты ставишь других в неловкое положение. — И добавлял: — Ты же это знаешь, я ведь прав?»

С этого началось или нет, но он всегда решал, какое вино они будут пить, и сам выбирал ей еду в ресторане.

Сам выбирал фильм, сам переключал каналы.

Он перебил ее на полуслове в тот день, на Белом марше, и начал настаивать, чтобы она рассказала даже о том, о чем ей вовсе не хотелось говорить.

«Все уходят, пойдете с нами», — сказал он при первой их встрече.

Он увидел ее такой, какой она и была: источавшей благие намерения и желание понравиться, отчаявшейся и ни на что не рассчитывающей. Увидел и воспользовался.

Сандрина вскакивает, она в ярости.

Сгусток энергии внутри нее заставляет расправить плечи и высоко поднять голову. Она мало спала, но сонливости нет ни капли. Она умывается и беседует со своим животиком, беседует с собой почти уверенным тоном.

Почти. Но почти — это уже что-то. Как ни крути, а почти — это больше, чем ничего.

Она уезжает на работу. Не то чтобы ей совсем *не* страшно. На самом деле она в ужасе. Но впервые в жизни она не сбита с толку, не растеряна. Это тоже пугает, однако это совсем другой страх. Какой? Полезный?

Нет. *Целенаправленный.*

Вторжение полицейской в контору пережить сложно. Лиза разговаривает с ее коллегами в зале для совещаний. Объясняет им, что Сандрина находится в опасности. Что мужчина, с которым она живет, подозревается в... Говорит, что если они заметят его, если он попытается войти в контору, нельзя оставлять его наедине с Сандриной.

Все это могло быть неприятно и унизительно, но Сандрина пережила столько, что ее может унизить только то, что зашкаливает сверх всякой меры. Женщину, с которой обращались, как с собакой, которой пришлось спать на обшарпанном прикроватном коврикe, дабы искупить воображаемую вину, трудно вывести из себя.

Мужчины чувствуют себя неловко. Им не по себе оттого, что они не знали. Немое присутствие Сандрины ставит перед ними вопросы, которые их раздражают и беспокоят, как шерстяной свитер, слишком колючий и тесный. Они прочищают горло, откашливаются и обещают поддержку. Кроме одного, которому все равно, который решает, что его это не касается, что это наполовину придумано. Он так и говорит об этом. Сандрина молчит, зато полицейская отвечает ему так, что тот краснеет как рак.

Утро проходит в обсуждениях. Полицейская разговаривает с Беатрисой, а Сандрина молча стоит рядом.

Выслушав полицейскую, Беатриса оборачивается к Сандрине и говорит:

— Черт, мы знали, что что-то не так, но почему ты ничего не сказала?

Беатриса негодует, злится — и вдруг заливается слезами. Это так странно — Беатриса, которой палец в рот не клади, Беатриса, которая вертит своим парнем как хочет, льет слезы. Говорит, что она догадывалась, но не обо всем, да и знала недостаточно для того, чтобы что-то предпринять, а теперь ее захватило чувство вины.

— А с твоей стороны это чистый эгоизм! — говорит Беатриса.

Полицейская вмешивается:

— Давайте расставим все по своим местам. Вы, Сандрина, вините себя, и вы, Беатриса, вините себя, а я хочу спросить: неужто никому из вас ни разу не пришло в голову обвинить типа, из-за которого все это происходит?

Беатриса высмаркивается и смеется. А потом пускает в ход свой бойкий язык. Она предупреждает и предостерегает. Отныне все знают, как выглядит муж Сандрины и кого надо вызывать, если его машину заметят на улице.

В обеденный перерыв Сандрина и Лиза вместе идут к врачу. При виде полицейской, которая сидит в холле рядом с ее пациенткой, доктор хмурится, но потом ее настроение меняется.

— Конечно, я смогу подготовить медицинское заключение, — заверяет она, когда Лиза объясняет, в чем дело.

— Ваше свидетельство будет иметь решающее значение, — подчеркивает Лиза. — Вам придется держать оборону против других экспертов, против адвоката, которого нанял господин Ланглуа для защиты своих интересов, против целой армии бессовестных людей. Даже если этого адвоката отстранят, будет другой, точно такой же. А что до этого, я уже сталкивалась с ним. Чувство стыда ему неведомо.

Доктор сказала:

— За меня не беспокойтесь, уверяю вас, я умею драться. Но мне бы хотелось, Сандрина, послушать вас. Я хочу знать, что с вами было, расскажите, если можете.

Сандрина колеблется, она надеется, что у нее получится, надеется, что ее гневный голос никуда не пропал. Она столько раз заставляла его умолкнуть; она так часто заглушала его, когда он говорил: *катись отсюда, убирайся, позвони в социальную службу, забирай мальчишку и беги, спасай Матиаса, спасай себя и его, спасайся, спасайся*, — что теперь боится: вдруг он послушался ее.

Она открывает рот, и — о спасибо, спасибо, спасибо! — гневный голос на месте, гневный голос заполняет ее целиком.

Когда вечером он приходит домой, все без исключения как обычно. Гостиная, кухня... и тот же пылающий нож в затылке у Сандрины.

Он возвращается, и она пытается не смотреть ему в глаза, не дать ему заметить кривую усмешку отвращения, которая рвется наружу. Но это совсем не сложно — справиться с собой. Уже давно она не осмеливается смотреть ему в лицо, она это делает только тогда, когда он приказывает. Или когда он плачет. Он так *волновал* ее, мужчина, который плачет, изменщик, обманщик, путающийся с другими женщинами.

Человек, который обманывает ее, входит в кухню посмотреть, что она готовит. Само собой, ему это не годится — пюре с сосисками. «Вижу, ты себя бережешь» — и она объясняет, что сосиски давно лежат в морозильнике, могут испортиться. Она хочет добавить: сосиски — это потому, что Матиас не вернется, но прикусывает язык, ибо отныне имя Матиаса включено в список запрещенного. Этот список — точно опухоль, и с некоторых пор Сандрина часто обращается к нему: что я имею право говорить, а из-за чего разгорится скандал? Язык Сандрины, на котором она общается со своим сожителем, это нечто особенное — в нем нет слова «почему». Нельзя сказать: «Ты поздно вернулся», и тем более нельзя произнести слово «нет», за исключением тех случаев, когда ей задают вопрос, на который она никак не может ответить «да», но все равно она часто ошибается, и от этого страдает.

Сандрина сосредоточивается на листьях салата, которые она моет в раковине, и при этом старательно повторяет про себя то, что сказали ей Лиза и гинеколог. Что она *не делает ошибок*. Что она не затевает споры. Спор — это когда не соглашаются друг с другом и доказывают свою точку зрения. Это вовсе не то, когда ты говоришь: «Спасибо, но я уже наелась», а тебя за это впечатывают в булку с изюмом. Так что она ничего *не затевает*, а он не сердится на нее, а просто хочет ее запугать. Напомнить, кто тут главный. Лишить ее воли. Обездвижить. Но она должна стать не запуганной Сандриной, а Сандриной, над которой он будет *не властен*.

Сандрина прилежно повторяет все это в уме, она хорошая ученица, и на этот раз надо, чтобы урок пошел впрок. Она не особо верит, что у

нее получится думать по-другому, но повторяет, потому что полицейская и врач сказали ей: «Пожалуйста, Сандрина, пожалуйста, повторяйте это столько, сколько нужно: это его вина, это *его вина*. Не ваша».

Она выкладывает листья салата в сушилку для зелени из желтого пластика и спрашивает:

— Ты хочешь, чтобы я приготовила что-то другое?

Он подходит и обнимает ее за талию. В затылке разгорается пожар. Она часто дышит, пытаюсь успокоиться. Кажется, у него неплохое настроение. Он кладет руку ей на шею, и она покрывается мурашками. Он говорит:

— Ты меня поцелуешь?

И она послушно оборачивается. Его губы слишком тонкие, сухие и шероховатые, а отросшая к вечеру щетина колется, как наждачная бумага. Сандрина вдыхает его запах. От него пахнет не только лосьоном после бритья; наконец-то ее мозг проснулся и включил очевидное, а может, тут и беременность помогла: помимо лосьона, она чувствует что-то женское, сладкое и еще нечто плотское — смутный запах скотобойни.

От него несет сексом. Она поспешно разворачивается, и ее рвет в раковину.

Он отшатывается, кривится: фу, гадость какая! — и Сандрина машет ему — все нормально, а когда выпрямляется, он на нее не смотрит — проверяет, не забрызгала ли она своей рвотой его любимую голубую рубашку.

Сандрина споласкивает рот и оставляет кран открытым, чтобы вода смыла пятна и едкий запах рвоты.

Этого, конечно же, мало, ему надо, чтобы она отдраила раковину чистящим средством. Сандрина не протестует, а только говорит:

— На работе у двух девушек желудочный грипп, наверное, я его подцепила.

— Как? Как ты могла его подцепить? Ты же ни с кем не разговариваешь.

Такова инструкция. Она не должна разговаривать с коллегами. Особенно с мужчинами; не больше приемлемого минимума — приемлемого для него. Если бы она в точности следовала всем его

указаниям, ее бы давно уволили. Без сомнения, это как раз то, чего он добивается.

— Инфекция передается через дверные ручки, через сиденья на унитазах, да просто витает в воздухе, — поясняет она.

Он до смерти боится заболеть, и в его глазах возникает отвращение. Он говорит, указывая подбородком на приготовленную ею еду:

— Я к этому не притронусь. — Берет мобильник и заказывает пиццу.

Когда доставляют пиццу он усаживается на диван. Сандрина понимает, что делиться с ней он не намерен, и что-то поднимается у нее изнутри. Что-то давно забытое, чего она не испытывала многие годы, ее щеки подрагивают, а в уголках рта появляется легкое жжение; она понимает, что у нее треснула кожа на губах, — она смеется.

Смеется беззвучно, глядя на него, на этого злобного мужчинку, на его тапочки с незаметной для глаз платформой, с помощью которой он прибавляет себе росту, на плешь, которую плохо маскируют жидкие пряди волос, на уже намечающийся животик. Она потихоньку пятится в кладовку и там задыхается от смеха, уткнувшись лицом в рулон впитывающих салфеток, молясь, чтобы он не услышал, не в силах остановиться. Смеется и заливается слезами, и этому нет конца, а когда оборачивается, он тут как тут, в дверном проеме, смотрит на нее с подозрением и презрением одновременно.

— Что это с тобой?

Смех тут же иссякает, тело вспоминает о страхе и напрягается. Сандрина вытирает глаза и говорит:

— Просто я думала, что ужин тебе понравится.

Она рискует. Время, когда ее слезы останавливали его, успокаивали, осталось позади. Она может невольно разозлить его, и для таких случаев предназначено маленькое устройство в кармане ее джинсов. Она не должна провоцировать, не должна подвергать себя опасности; они хотят взять его с поличным, и Лиза предупредила: «Старайтесь не рисковать, Сандрина». Того, что пока что могут доказать полицейские, недостаточно. Того, что вспомнила Каролина, недостаточно. Они все это знают: полицейские, врач, Патрис, Анн-Мари, Каролина... и теперь она тоже знает. Да, это так — мужчины, избивающие своих жен, не теряют права жить в своем доме, они могут

воспитывать своих детей. Оставаться с господином Ланглуа опасно, но и уйти тоже. Полицейские думают, что Каролина вознамерилась уйти и за это он захотел ее убить.

Все это Лиза объяснила Сандрине.

В этой скверной истории не хватает одной важной детали: Каролина вспомнила все: свою изоляцию, унижение, наказания, побои, изнасилования, но тот день, когда он решил ее убить, она вспомнить не может. Она не помнит также, что произошло после того, как господин Ланглуа расправился с ней, и все надеются, что вот этого она никогда не вспомнит. Все, что есть у следователей: Каролина выжила чудом; она выползла из оврага, где ее бросил господин Ланглуа, брела куда глаза глядят, а потом ее, голую, потерявшую память, ничего не понимающую, подобрал мужчина — один или несколько. Они увезли ее с собой и держали у себя какое-то время. В их грузовике или багажнике Каролина пересекла границу. Возможно, она сбежала; возможно, с ней наигрались и она им надоела. Кое-какие следы эти мужчины оставили, но следы нечеткие, обрывающиеся, и поиски требуют времени.

Но Каролине есть что рассказать, уверяла Сандрину Лиза, проводив ее домой после посещения клиники.

— Она помнит, что господин Ланглуа делал с ней, перед тем как убить. Его манера брать вас за шею разблокировала ее память. Она сказала, что процесс восстановления памяти напоминает рулетку. Крутится, крутится безостановочно, а потом внезапно всплывает маленькое воспоминание, и опять ничего. Запахи, цвет тоже помогают. Матиас что-нибудь скажет, с какой-то особенной интонацией — и воспоминания обрушиваются лавиной. Когда она увидела руку господина Ланглуа на вашей шее, она вспомнила, что точно так же он и ей клал руку, тряс, сжимал, бросал на пол. И главное, Каролина вспомнила, что она собиралась уйти от него.

— Да, я это знаю, — кивнула Сандрина и спросила: — А вы уверены, что он не сможет вернуться так, что ваш коллега этого не заметит?

Лиза в этом не сомневалась, и тогда Сандрина сняла с шеи платок и показала синяки, которые остались после того, как в субботу господин Ланглуа напал на нее. Потом она отвела Лизу на второй этаж в комнату для шитья и показала паспорт и деньги.

Они стоят в кладовке лицом к лицу, Сандрина хочет, чтобы он увидел ее слезы и подумал, что она плакала, что она расстроена из-за того, что разочаровала его ужином, что она, как всегда, рабски покорна ему. Что она — толстая тупица, безмозглая уродина, дура, дура, дура, которая никогда не уйдет, потому что никто и никогда ее не захочет. Она сама о себе так думала, и он старательно укреплял ее в этом убеждении.

Он говорит:

— Ладно, не плачь.

Жалкий мужчинка исчез. Он снова внушает страх, всеобъемлющий страх, от которого перехватывает дыхание и плавится нутро, и у нее снова напрягается затылок.

Он возвращается на диван к своей пицце.

Сандрина выходит из кладовки, закрывает дверь, проводит рукой по косяку, по дырочкам из-под шурупов старого навесного замка. Она как-то поинтересовалась, зачем тут висел замок, и он сказал, что чистящие средства и все такое стояли на полу, они запирали дверь, чтобы Матиас не зашел внутрь. Когда она переехала сюда, чистящие средства хранились в шкафчике на кухне, а Матиас уже вышел из того возраста, в котором требуются ограничения. Может быть, он солгал. Если он морил Каролину голодом, перекрывая ей доступ к еде, значит, он лгал.

Он говорит:

— Иди сюда.

Это приказ, и она не спорит.

Сандрина сидит рядом с ним, она съела пюре, ухитрившись выбросить сосиски, вкус которых кажется ей слишком сладким. Он не предлагает ей пиццу; доев, вытирает рот и бросает салфетку на куски пиццы, к которым не притронулся. В назидание ей. За то, что ее вырвало, или за что-то другое — поводов сколько угодно. Сандрина не обижается. Он даже не представляет, до какой степени ей плевать на пиццу. Она целиком захвачена своим горящим затылком и облегчением оттого, что не сказала полицейской всего, не согласилась уйти немедленно, в этот же день.

«Вы уверены?» — спросила Лиза. И поскольку Сандрина бормотала: «Да... нет... не знаю», полицейская вручила ей устройство вызова экстренной помощи и сказала: «Я буду неподалеку, обещаю».

Он берет Сандрину за шею и кладет ее голову себе на колени. Сандрина подумала, что сейчас он расстегнет ширинку, но нет, господина Ланглуа здесь нет или пока еще нет. Главное — не совершить ошибку на скользкой тропинке, на которой она с трудом удерживается, не свалиться в пропасть, куда он ее тащит, приходя в бешенство.

Сандрина, не противясь, вытягивает ноги, устраивается поудобнее. Если он хочет, чтобы она легла, она ляжет. Они смотрят фильм, или, скорее, он смотрит, а она присутствует, находится рядом, у него под рукой, пока он гладит ее, как большую кошку. Таково его представление о спокойном вечере — он смотрит, что хочет, а Сандрина не возникает. Поначалу эти его машинальные ласки вызывали у нее ощущение счастья. Быть рядом с ним, чувствовать его тепло, его прикосновения — какое же это блаженство! Это теперь она понимает, что его раздражает, когда она читает, что он терпеть не может, когда она открывает рот; если вдруг она пытается высказать свое мнение о фильме или телепередаче, он смотрит на нее с изумлением, как на ребенка, который раз за разом спотыкается на одном и том же слове, в то время как ему давно пора понять, что бывает, когда он *не старается*.

Она лежит, уставившись в экран, не вникая в сюжет, и думает, что было бы, если б она встала и сказала что-нибудь недопустимое вроде: «Мне скучно это смотреть, пойду лучше почитаю». Он сразу ее ударит? Или сначала разорется? И если разорется, как долго он должен орать, как страшно и громко, чтобы она могла нажать на кнопку?

Лиза в самом деле находится близко, как она говорила?

Сандрина прищуривается. Понятное дело — полицейской здесь нет. Здесь только он и она, Сандрина. Мысленно она возвращается к разговору с Лизой. Она сказала Лизе: «Нет, я не хочу уходить», хотя наверняка Лиза ждала от нее другого ответа. Но уйти — это слишком опасно, да и с какой стати она должна доверять этой женщине? Здесь ей все знакомо, она знает своего мужа, это не только его, но и ее дом, это ее жизнь. Сегодня на мгновение ее охватило безумие, когда она начала смеяться, но оно прошло. Ей кажется, что актеры на экране смотрят на нее с жалостью и спрашивают: «Почему она не уходит?» Она не уходит, потому что не может уйти.

Сандрина вздыхает с сожалением, но и одновременно с облегчением. Теплые пальцы гладят ее по волосам. Как хорошо, что она осталась. Она не способна представить свой уход, ей не удастся вообразить сцену, как она с чемоданом в руке садится в свою машину и выезжает на шоссе. Зато перед глазами легко предстают жестокие картины того, что будет, *если она захочет уйти*. Сандрина уже видит, как ее засасывает красно-черная трясина.

— Ты что так дышишь? — спрашивает он, и она говорит:

— Я очень люблю, когда ты гладишь меня по голове.

Они идут спать, он позволяет ей воспользоваться смазкой, и она повторяет про себя: «Все будет хорошо, все может быть хорошо. Он добрый».

16

Выезжая утром на работу, она краем глаза замечает автомобиль с полицейскими. Он стоит в глубине аллеи у дома номер 12. Хитро. Из их дома машину практически невозможно разглядеть, зато им отлично видны окна второго этажа, видно, горит ли свет на первом и в гараже.

Она едет со скоростью тридцать километров в час, соблюдает ограничение. Машина полицейских следует за ней, Лиза машет ей рукой, это видно в зеркале заднего вида, но Сандрина не отвечает. Может, если она не будет обращать внимания, они отстанут.

Они не отстают. Сандрина ставит машину у работы, и они паркуются рядом. Когда она выходит, Лиза подходит к ней.

— Все хорошо?

Сандрина могла бы опять рассмеяться — настолько вопрос дурацкий. Все плохо, и это ее вина, это их вина, вина первой жены — всех! Ну почему, почему все эти люди не могут просто сгинуть, исчезнуть, оставить ее, отстать от них? В пустом, безлюдном мире она бы не допустила ни единой ошибки, в пустом, безлюдном мире господин Ланглуа не появился бы, и они могли бы быть счастливы с мужчиной, который умеет плакать.

Она просит:

— Оставьте меня, пожалуйста, отстаньте от меня.

Лиза говорит:

— Но как же так, Сандрина? Вчера вы были готовы подать заявление, подтвердить показания Каролины, вчера вы...

— Пожалуйста... — Сандрина делает шаг в сторону, чтобы их обогнуть.

Мужчина-полицейский поднимает брови, потом хмурится и говорит с раздражением:

— Послушайте, меня это все уже...

Но Лиза сжимает руку своего коллеги и укоризненно качает головой. Он обрывает себя на полуслове.

Они не задерживают ее.

На лестнице она наконец-то переводит дух.

То-то же. Им всего-навсего надо исчезнуть.

Вечером он возвращается рано и улыбается, увидев в духовке мелкие картофелины. Сандрина заканчивает смешивать заправку для салата, он макает в нее палец и говорит:

— Вот видишь, можешь же, это то, что надо!

Они ужинают. Он говорит о своей работе. У него хорошее настроение.

После ужина, пока она убирает посуду, он достает из портфеля листок и говорит:

— Тебе надо только переписать и поставить подпись.

Стол еще влажный, листок прилипает к нему и слегка размокает. Она присаживается и читает. Это признательный текст, написанный якобы от ее имени и по доброй воле. Там говорится, что отец Матиаса является заботливым и любящим родителем. Что он занимается сыном с полной самоотдачей и ответственностью. Что жить без сына ему не только тяжело — невозможно. Что решение матери ребенка забрать Матиаса без обсуждений и предупреждения является не только противозаконным, но и очень болезненным для отца.

Что-то сыпется сверху. Крошки. Он наклонился над ней, и крошки печенья, которое он грызет, падают на бумагу. Разумеется, она знала, что он рядом, но, углубившись в чтение лживого свидетельства, она не услышала, как он, порывшись в кладовке в поисках десерта, подошел к ней.

— Тебе надо это переписать и подписать, — говорит он.

— Да, конечно, — отвечает Сандрина.

— Прямо сейчас, — добавляет он.

Она идет за бумагой и ручкой. Он смотрит, как она пишет. Как ставит свою подпись.

Потом они усаживаются перед телевизором.

Приняв душ, она смотрит в зеркало на свое мерзкое толстое тело. Она сутулится, грудь свисает, а живот ложится на ляжки. Она умоляет крошку: «Прячься, не выдавай себя. Еще немного, до тех пор, пока...»

Сандрина не знает, до каких пор, но уверена, что еще не время.

Они идут спать. Он устал, его член остается безвольным. День обошелся без господина Ланглуа. Дни без господина Ланглуа — это хорошие дни.

Неделя проходит, господин Ланглуа не появляется. Сандрина просыпается с напряженной спиной, а в остальном все как обычно.

На работе ее избегают, как будто она больна. Мужчина, который посчитал, что эта история его не касается, бросает на нее враждебные взгляды. Беатриса несколько раз зовет ее вместе пообедать, но Сандрина отклоняет предложения — вежливо, очень вежливо и сухо, — и Беатриса отступает.

Не надо было позволять полицейской ставить всех в известность. Унизить ее невозможно — она привыкла к унижениям, а жалость ей безразлична, но из-за полиции безопасная зона еще больше сузилась. Если он вздумает поджидать ее внизу, если заметит косые взгляды, он догадается, он насторожится. Всякий раз, когда эта мысль возникает в ее голове, Сандрина обливается холодным потом.

В полдень она обедает на рабочем месте, пренебрегая комнатой отдыха. Салат и рис отправляются в мусорную корзину — все равно есть не хочется. Конечно же, пищевые отходы положено выбрасывать на кухне, но никто не говорит ей ни слова. Отлично. Может, ей и впредь никто ничего не будет говорить, может, ей дадут работать в пустом и безлюдном мире, где все было бы гораздо проще.

Проходят дни.

Сандрина подписывает еще какие-то бумаги. Он что-то замышляет, острит, уверяет, что у первой жены нет никаких шансов. Она также подписывает заявление об открытии совместного счета. Он против того, чтобы у нее была своя карточка, отдельный счет. Он так решил. Назначил ей встречу в банке, чтобы она закрыла свой счет и перевела все деньги на новый, который он называет «нашим». Она спрашивает себя, так ли бывает, когда люди влюбляются, начинают жить вместе и приходят к решению открыть общий счет, чтобы получить одну жизнь на двоих? Наверное, нет. Наверное, страха не должно быть. Она не знает. Он кладет ей руку на шею и говорит с ней очень спокойно. Это еще хуже рычания. Она подписывает.

Каждый раз, когда она слушается, она что-то получает — *заслуживает*; это сделка по умолчанию, как с собакой, которую

вознаграждают за все более и более сложные трюки тем, что не бьют. За ужином он не делает замечаний. Вечера проходят мирно. Иногда ей даже позволяется читать, пока он смотрит телевизор. Но только она должна сидеть рядом с ним на диване.

В субботу, когда она закрыла свой счет в банке, он ведет ее в японский ресторан, подчеркнув при этом, что терпеть не может сырой рыбы. Сначала она колеблется, думает, может, лучше пойти в другое место, и даже говорит, что ей самой не очень хочется суши, но когда он говорит: «Нет, я же это для тебя делаю», она долго его благодарит, повторяя: «Как это мило!» Это ровно то, что ему надо. Он хочет, чтобы ему говорили спасибо, пока он ест шашлычки на шпажках, а она — роллы с рыбой и огурцом. Расплачиваясь, он оставляет чек на виду, чтобы она еще раз его поблагодарила. Возможно, где-то там внутри ее уязвленный голос говорит что-то вроде: *Да ты издеваешься? Он только что украл все твои деньги, а ты благодаришь его за двадцать евро?* — но Сандрина ничего или почти ничего не слышит.

По дороге домой они заезжают в супермаркет. На 32-й кассе вместо молодого человека сидит девушка, и Сандрина избавлена от вопросов и подозрений. Он настаивает на том, чтобы всегда платить на одной и той же кассе, и при этом отвратительно вел себя с бедным мальчишкой-кассиром, а после ей часами приходилось объяснять, что она с ним незнакома, что мальчишка ей безразличен, что они не обменивались знаками и не назначали тайных свиданий. Кончилось тем, что она перестала здороваться с мужчинами, только кивала, не поднимая глаз, и ничего больше, иначе он заподозрит, что она что-то скрывает, что она слишком развязна.

— Ну вот, теперь тебе в выходной не надо никуда идти, — замечает он и включает зажигание.

Вторую половину субботы она посвящает уборке, пока он тихо-мирно смотрит телевизор.

Вечером они ложатся в постель, он говорит «Спокойной ночи» и отворачивается от нее. Она отказалась от своего счета в банке — он избавляет ее от приступа ярости. Услуга за услугу.

Ей снится маленькая Сандрина, беззвучно рыдающая, покрасневшая, растрепанная, где-то запертая.

18

В воскресенье утром Сандрина печет пирог. Для нее это как обряд, который полагается исполнять. Нет больше пальчиков, которые залезут в сырое тесто. С тех пор как она подписала бумаги, кучу бумаг — она уже и не помнит каких именно, — о сыне он не заговаривает. Можно подумать, ребенка никогда и не было.

Она смотрит в окно, дерево в глубине сада начинает желтеть. Кладет руку на живот.

Он спускается и говорит, что идет играть в теннис. Машина выезжает из гаража, и Сандрина потухшими глазами смотрит на спортивную сумку, которую он забыл в прихожей, на торчащую из нее ручку ракетки. Может, теперь, когда у него все есть, он перестанет лгать? Или он еще не все получил?

Она думает о своей работе, которую он пока еще не отнял. О своей машине. И о счете в банке, которого больше нет.

Духовка подает сигнал о завершении программы. Сандрина вынимает пирог, и ее тошнит от сладковатого запаха.

В обед от него нет новостей, в полдник тоже. Он приходит поздно, ночь, отгрызавшая день по кусочкам, давно уже наступила. От его одежды пахнет пряным свежим воздухом. Он спрашивает, выходила ли она.

— Нет.

Это правильный ответ, если он в него верит.

Он снимает куртку и продолжает допрос:

— Никто не приходил?

— Нет, никто.

Он берет телефон Сандрины, просматривает журнал вызовов. Потом проверяет городской телефон.

Он удовлетворен. Сандрина имеет право на поцелуй, которого она не просила и который пахнет чужими духами. В этот раз ей удается удержаться от рвоты, она лишь говорит, что ей надо в душ.

Он говорит, что не ужинал.

Это еще один его коронный номер, и вот что это значит: она должна ужинать вместе с ним, голодна она или нет, хочет спать или не

хочет.

Сандрина достает из холодильника таппервер с супом, который она приготовила во второй половине дня, пока он был неизвестно где. Но супа он не хочет. Она разогревает гордой блю, и кухня наполняется запахом жира.

На десерт он съедает кусок пирога и находит его суховатым. Сандрина не отвечает. Она чувствует, что устала, что ей нехорошо, ее чуть ли не лихорадит. Напряжение в затылке отнимает все силы, у нее только одно желание — постоять под горячим душем.

Пока она убирает со стола и загружает посудомойку, он говорит:

— У тебя живот вырос.

Слова доходят до нее, когда она наклоняется над корзинкой для приборов. Сандрина надеется, что дрожь ее голоса можно списать на неудобную позу. Она говорит:

— Да? Может быть.

И молится про себя, чтобы на этом все закончилось. Она не знает, ущипнет он ее за попу, скажет: «Поросенок ты мой», или рявкнет: «Тебе надо бы постараться похудеть, ты такая толстая, что мне за тебя стыдно», или же прорычит: «А на фигу тебе худеть, сука? Чтобы трахаться? С кем?!»

Но ничего такого не происходит. Откуда-то из дальней дали до Сандрины доносится голос, хотя, может быть, это просто шумит кровь, прилившая к голове. Ей кажется, что этот голос говорит:

Надо думать, другая женщина хорошенько его вымотала, раз он так быстро отстал.

Она выпрямляется, шум в ушах стихает.

19

В понедельник вечером, когда Сандрина возвращается с работы, он уже дома, листает журнал. Он поужинал, грязная тарелка стоит на кухонном столе.

Сандрина должна выбирать: уволиться, как положено, или просто больше не ходить в контору, потому что он *запрещает* ей работать.

Он спокоен, и это хорошо. Он не говорит, когда именно это должно произойти, и она не знает, сколько у нее времени. Может, он и сам этого не знает, но она предупреждена.

У нее появляется ощущение, что жизнь усложняется. Что в ней теперь гораздо больше подводных камней, которых она должна избегать, ответов, которые надо угадывать, и трюков, которые все сложнее и сложнее исполнять, и при этом она получает от него все меньше и меньше указаний. Она противится и упирается, как глупая собака, не понимающая, чего от нее хотят.

Сандрина не отвечает и тем более не возражает. Это покорное молчание его удовлетворяет, он гладит ее по спине. Значит, все хорошо.

20

В пятницу вечером он не приходит домой, и Сандрина усеивает свою грудь мелкими ранками. Всегда найдется, в чем покопаться, что почистить; целый час она выдирает крохотные, почти невидимые волоски, разбежавшиеся по нежной коже груди, расковыривает подозрительные поры иголкой, которую стащила из запаса Каролины. Она причиняет себе боль и злится на себя за это, но ее пальцы не останавливаются, пока кожа не становится изуродованной, отталкивающей. Зато теперь у него есть отличная причина ходить на сторону и совать свой член, куда ему приспичит. По меньшей мере теперь она *в самом деле омерзительна*, и для его измен есть основание.

Когда ей наконец удастся себя остановить, она выбрасывает иголку в мусорку, садится на пол и плачет. Нет пощады, нет оправдания и нет утешения. Достает заживляющий крем и просит у себя прощения. Молит о каком-то неопределенном прощении у какого-то неопределенного существа. Ей очень жаль, что она превратила себя в поле битвы. Идет в постель и ложится в пустом доме, чье молчание напрягает. Она к этому так и не привыкла. Но его нет, так же как и новостей от полицейских, нет и их машины на улице. Устройство для вызова по-прежнему лежит в кармане брюк, аккуратно сложенных на стуле у изножья кровати. Может быть, его уже отключили, но в любом случае она им не воспользуется. Потому что все хорошо. Все плохо, но все хорошо.

Он вернулся на следующий день и принес с собой запах секса с другой женщиной. Запах падали.

Сандрина непроизвольно поморщилась, и он воспринял это как упрек.

Она не произнесла ни слова, только сморщила нос. Он не закричал на нее — просто размахнулся и ударил ее по лицу. Трижды. Очень сильно. Она согнулась пополам и упала на пол. Все очень просто. Теперь только так. Новые правила. Она должна их запомнить.

«Я сама виновата. Я держалась слишком прямо. Была непочтительна», — думает Сандрина. Она все еще лежит, потому что не знает, имеет ли право подняться. В кармане спрятано устройство

для вызова, оно давит на складку в паху, но Сандрина не прикасается к кнопке. Сморщив нос, она получила три удара в лицо. Кто знает, что будет, если она нажмет на кнопку. Если придут полицейские. Или не придут.

Он выходит из душа, помогает ей подняться и просит прощения. Говорит, что хотел бы сводить ее на обед в ресторан, но в таком виде она не может пойти, потому что от нее плохо пахнет. «Надо помыться, а там будет видно, как мы поступим, хорошо? Но сначала мы с тобой кое-что сделаем...» Он говорит с ней чуть ли не ласково.

Сандрина идет на второй этаж и раздевается. Она помылась вчера вечером, но он прав: от нее воняет. Она слишком сильно испугалась, когда он ее ударил, и от нее воняет.

С отстраненным любопытством она нюхает свою одежду. Это она и не она, это новая версия ее запаха, потому что и страх был другим, новым. Может быть, в ответ на неизведанное ее тело всякий раз будет исторгать из себя другой пот и другой запах.

Господин Ланглуа никогда прежде *так* ее не бил. Раньше он толкал, припечатывал ее к стене, иногда таскал за волосы, но никогда не бил вот так, прямо в лицо, три удара подряд в одно и то же место, и в ванной комнате она долго глядит в зеркало на свою постепенно распухающую щеку. Маленький сосуд лопнул в левом глазу, глазное яблоко покраснело; она повторяет про себя: яблоко, яблоко, яблоко, яблоко... Он трижды ударил ее в лицо, с левой стороны.

Она надевает джинсы, блузку, черный жилет; это те вещи, которые ей нравятся, те, что защищают ее, это ее доспехи, ее броня.

Спускается вниз одетая, но без макияжа. Нет такого способа, который сумел бы скрыть ее щеку, разве что отсечь ее ударом ножа — вот выход из положения, очень похожий на тот, что сделала сводная сестра в страшной волшебной сказке: та отрезала себе большой палец на ноге, чтобы влезть в хрустальную туфельку.

Завидев ее, он ставит матч на паузу и идет ей навстречу с распахнутыми руками, губы дрожат.

— О, о, Сандрина, любовь моя, любовь моя, ты только посмотри...

Мужчина, который плачет, заключает ее в объятия. Она напрягается — ей ненавистно мгновение, когда плачущий мужчина вытаскивает ее из кокона, в котором она укрылась; она далеко, в другом месте, а он притягивает ее к себе, вытаскивает туда, где ей плохо и стыдно, здесь и

сейчас. Он гладит ее по спине, по лицу и шее, он плачет у нее на плече, и она чувствует, как намокает ее чистая блузка. Затем он увлекает ее на диван и силой усаживает, чтобы поплакать с удовольствием в свое удовольствие.

Сандрина больше не противится — горячность мужчины, который плачет, согревает ее. Она снова здесь, с ним, а он садится на пол рядом с диваном, прижимается лицом к ее коленям, гладит их, целует; он сожалеет, умоляет, он раскаивается, лицо его искажено от слез.

Конечно же, они никуда не идут — ей нельзя показаться на людях. Он приносит завернутые в салфетку кубики льда, чтобы она приложила их к щеке, и едет в японский ресторан за суши. Она смотрит на привезенную им еду и спрашивает себя: не проверка ли это? Не догадался ли он о крошке, не хочет ли вынудить ее признаться?

Ей не хочется вспоминать, но она вспоминает. О том, что сказала полицейская. Что часто насилие становится еще более тяжким с появлением ребенка. Что мужчинами-собственниками движет не любовь, а тщеславие. Что женщина, у которой есть ребенок, это женщина, которая любит кого-то другого. Сандрина не доверяет полицейской. Она не должна ей доверять. Под столом она кладет руку себе на живот.

Она ест суши, хотя от сырой рыбы ее тошнит.

Мужчина, который плачет, плакать перестает, но сидит с ней до ночи. Он с нежностью обнимает и баюкает ее, она засыпает под его ласковый голос, под его бесконечный речитатив:

— Ты понимаешь, ты видишь, ты поняла, есть вещи, которые не надо делать, ведь, когда ты их не делаешь, у нас все хорошо, правда ведь? Что может быть проще? Разве мы не счастливы? Ты понимаешь, что ты наделала? На что ты меня толкнула? Видишь, как мне теперь тяжело? Видишь, до какой степени эти полицейские, эти Маркесы и их дочь ополчились на меня, какое зло они мне причиняют? Ты же знаешь, что они все против меня одного? Понимаешь, как это несправедливо?..

Она засыпает поздно, с мужчиной, который умеет плакать.

В воскресенье утром он велит ей оставить волосы распущенными и сопровождает в супермаркет, где они делают покупки на неделю.

Потом он суетится в саду, а она включает отопление, потому что в доме холодно, и начинает готовить. После обеда он выражает недоумение, не обнаружив ни пирога, ни печенья на десерт. Она в последнюю секунду прикусывает язык, готовый произнести имя Матиаса, и обещает вечером наверстать упущенное. Спрашивает, чего бы ему хотелось. Он говорит: «Ну, этот, как его, с орехами».

Утром в супермаркете он наполнил нечищеными грецкими орехами два пакета. Она ничего не сказала, хотя удивилась. Обычно она сама набирает то, что нужно взвешивать, — он терпеть не может возиться с пакетами, это ему не по нраву. В супермаркет он ездит только для того, чтобы сопровождать ее и наблюдать. Только для этого.

Она очень дорожит мгновениями, когда в зыбучих песках неизвестности какая-то мелочь вдруг обретает смысл, когда две крохотные детальки пазла соединяются друг с другом. Он набрал орехов, потому что хочет ореховый пирог. Тот, что она несколько раз готовила вначале, пока Матиас не признался ей шепотом, что больше любит шоколадный. Ореховый торт она всегда готовила из орехового порошка в пакетиках — по вкусу почти то же самое, но более практично. Но он сказал: «С настоящими орехами вкуснее».

После обеда Сандрина становится у столешницы и чистит орехи, отложив, сколько ей нужно. Минут через пятнадцать у нее заболело запястье, захотелось присесть. Он приходит из сада, просит кофе, пьет его маленькими глотками и, перед тем как вернуться к стрижке живой изгороди, говорит:

— Почему бы тебе не почистить все разом? Дело будет сделано. Сложишь готовые орехи в таппервер.

Он купил несколько килограммов. Орехи продавались по акции, со скидкой.

Сандрина не знает, что это, предложение или приказ, но рисковать не хочет. На орехи у нее уходит два с лишним часа. Она стирает себе пальцы о жесткие перегородки, защищающие ядра.

Под конец у нее болят все пальцы.

За ужином он находит пирог пресноватым, но довольно вкусным. На правой ладони Сандрины, там, где она держала металлические щипцы, образовалась большая бело-розовая мозоль.

Она надеется, что мужчина, который плачет, еще будет здесь, когда они пойдут спать, но плачущий мужчина исчезает, а господину

Ланглуа требуется секс.

Придя на работу чуть позже из-за синяка под глазом, который нужно было замаскировать, она видит, что Беатриса уже на месте, за своим столом. Ее коллега слегка кивает, не сухо, но настороженно.

Сама не зная почему, Сандрина делает шагок к ней. Беатриса выпрямляется, вопросительно приподнимает брови, говорит: «Да?»

И тут Сандрина спохватывается — с какой стати? зачем? Откровения с Беатрисой ничего не изменят.

Не подумав, она заправляет волосы за ухо.

Брови Беатрисы взлетают еще выше, глаза делаются возмущенными — она увидела ее синюю щеку. Сандрина паникует, пятится. Теперь будет только хуже. Но Беатриса встает и идет к ней. Она хочет рассмотреть ее щеку, она настаивает и вдруг делает нечто совершенно неожиданное для Сандрины — берет за подбородок и заставляет посмотреть ей в глаза.

Сандрина кажется себе маленькой непослушной девочкой, но в жесте Беатрисы, в том, как она с ней обращается, есть нечто, что не дает уклониться или возразить.

Под беспощадными лучами неоновых ламп, освещающих комнату, в которой работают секретарши, она позволяет Беатрисе рассмотреть свое лицо. Это прикосновение... оно кажется ей знакомым, но давно забытым. В детском саду у нее была подружка, звали ее Кристель. Сандрина была толстухой, а Кристель очень худенькой. Пока Кристель не переехала, они часто, играя, держались за руки. Потом, в колледже, была другая девочка, Кассандра. Она была еще крупнее Сандрины, и цвет кожи у нее был темный. Они дружили и тоже часто держались за руки, так было, пока отец не запретил Сандрине приближаться к «черномазой». Сандрина бережно хранила эти воспоминания о физических контактах, полных чего-то неуловимого, неопишуемого... ах да, нежности. Сандрине нравилось чувствовать руку подружки на своем плече, играть в ладошки, прижиматься лбом ко лбу, чтобы пошептаться и посеCRETничать. У Кассандры на голове были косички, как у ее гинеколога, а кудри Кристель были коротко и практично острижены под горшок. Сандрина помнит, как обе девочки любовались ее длинными тонкими волосами, с каким естественным любопытством перебирали и заплетали их. Она не вспоминала этого годами, десятилетиями. И уже целую вечность никто не прикасался к ней вот так, с дружескими чувствами, с озабоченностью, не желая

ничего у нее похитить. Прикосновение сестры, для которой близость подразумевается сама собой.

Она знает, что у Беатрисы есть ребенок и парень, что ей не надо ничего объяснять; и когда коллега поворачивает ее щеку к свету, когда с твердостью, но без враждебности спрашивает: «Это что?», Сандрина не сопротивляется. От теплых пальцев Беатрисы у нее выступают слезы на глазах. «Ты сообщила в полицию?» — спрашивает Беатриса, и Сандрина отрицательно качает головой. Но пальцы коллеги остаются на ее подбородке, они не дают ей впасть в уныние.

Когда приезжает полицейская, Беатриса идет встречать ее у входа. Сандрина остается одна в зале для совещаний. Зал застеклен, и она у всех на виду, как в аквариуме. Как же, как же, любопытный казус, избитая женщина; у каждого из присутствующих в конторе, должно быть, имеется подходящая для нее этикетка, но Сандрине плевать. Время от времени она слегка ерзает на стуле, и боль в паху напоминает, что вчера вечером господин Ланглуа потребовал секса. Стоит ей пошевелиться, и мелкие ранки на груди, ранки, которые она сама себе нанесла, трутся о ткань ее лифчика. Сандрина думает о битве без конца, которая доводит ее до изнеможения, и странным образом она всякий раз выходит из нее живой. Возможно, эта же причина заставляет ее все еще любить мужчину, который плачет, пользоваться заживляющими кремами и говорить себе, что больше такого не будет. И раз за разом повторять, что она сама виновата, она *нарывается*. Но с тех пор, как она позволила Беатрисе дотронуться до себя, сначала до подбородка, потом до руки, до плеча, она начинает понимать, что мужчина, который плачет, возможно, недостоин ее любви. Она не знает наверняка. Она решила довериться Беатрисе. Пусть Беатриса делает то, что считает нужным. И Беатриса вызвала Лизу.

Полицейская приехала не одна. С ней ее коллега, и не только он. Лейтенант пропускает вперед хрупкую брюнетку в джинсах и синем джемпере, Каролину.

Сандрина не спускает с них глаз. Они друг за другом идут к залу для совещаний, точно индейцы по тропе войны. Ее это слегка удивляет. Заговори сейчас ее внутренний голос, он, возможно, сказал бы: *Ба, а она-то, Каролина, она тут зачем?*

Разговор начинается полицейский. Он приносит извинения за то, что в их последнюю встречу был раздражен. Говорит, что поддался порыву, что он не очень хорошо понимал, что означает психологическое насилие, но его коллега хорошенько ему все растолковала. Действительно, уйти от партнера-манипулятора, от партнера-насильника чрезвычайно трудно и требует большой отваги. Закончив, он смотрит на Лизу. Лиза довольна, а значит, он тоже.

Сандрина вспоминает о господине Ланглуа — как тот говорил о мужчинах-слабаках, у которых нет ни яиц, ни самолюбия. Потом она видит, как Беатриса смотрит на полицейского, и сразу понимает: Беатриса была бы не прочь много чего сотворить с его яйцами, есть они у него или нет. Несомненно, существует другой мир, ей незнакомый, где можно вот так смотреть. В голове вдруг возникает: *выдрессированная*. Она — выдрессированная и не смеет делать то, что пустяк для других. Слово вертится, точно угорь, в то время как Беатриса спрашивает, не лучше ли ей уйти, чтобы оставить Сандрину наедине с полицейскими. «Или мы с вами можем куда-нибудь пойти, — предлагает Лиза. — Мы можем поговорить где-нибудь... я хочу сказать, без ваших коллег».

Выдрессированная, приученная. Меня приучили все делать как по команде. И молчать. Я выполняю команды, как собака. «Сука, грязная сука», — всегда говорил господин Ланглуа.

— Сандрина? Хотите куда-нибудь пойти? Если вам неудобно здесь, на виду у ваших коллег...

Сандрина говорит:

— Да, хорошо. Пойдемте в другое место.

Она берет пальто, сумку. Подходит к Беатрисе, берет ее за руку и, заручившись согласием остальных, приглашает пойти с ними. И опять где-то в душе этот контакт открывает двери в другой мир — мир, в котором можно дотрагиваться до людей просто так, без задней мысли, в котором прикосновения согревают и помогают найти свой путь.

Они заходят в кафе. День только начинается, посетители торопливо пьют кофе у стойки, и в просторном зале никого нет. Они садятся в глубине.

Сандрина давно уже не была в кафе. Раньше она ходила обедать с коллегами. По пятницам перерыв целый час, в этот день еду с собой никто не приносит. И она не приносила — раньше, когда у нее было

право ходить в кафе. Когда она еще худо-бедно общалась с коллегами, когда еще не пропиталась запахом одиночества, когда старалась, как могла.

Беатриса, словно уловив ее мысли, говорит: «Мы так и не поняли, почему ты перестала ходить с нами...» Потому что это было еще до него. Сандрина жестом предупреждает другие вопросы.

Сегодня ей не до вопросов, сегодня у нее нет сил, чтобы внятно объяснить, почему прежняя Сандрина стала Сандриной, воображающей, будто она начала жить только тогда, когда мужчина, который плачет, обратил на нее свой взор.

Каролина помалкивает. Она сидит очень прямо, но плечи едва заметно подергиваются. Сандрина понимает, что первая жена — это ее отражение. Сама она переплетает пальцы под столом, сгибая их под немислимыми углами.

Наконец Сандрина кладет свои подрагивающие руки на стол и в упор смотрит на первую жену. Каролина встречает ее взгляд. В них что-то есть. Ее глаза перестали быть мрачными бездонными колодцами. В них есть свет, надо только приглядеться. И еще Каролина улыбается.

— Вы... ты, может, на «ты»? — спрашивает Каролина, и Сандрина кивает.

— Как там Матиас? — Она задает этот вопрос, не зная, имеет ли на него право.

Каролина протягивает руку и накрывает ладонь Сандрины. У нее теплые сухие нервные пальцы, она пожимает руку Сандрины и говорит:

— У него все хорошо, все очень хорошо. Я хочу сказать тебе спасибо. За то, что ты у него была, за то, что заботилась о нем. Он тебя очень любит, надеюсь, ты это знаешь.

Сандрина говорит:

— Спасибо, я... спасибо. Я его тоже очень люблю.

— Ты не понимаешь, зачем я здесь? Так ведь? Я здесь, чтобы рассказать тебе, что произошло. И то, что я вспомнила.

— Что именно? — спрашивает Сандрина.

Подходит хозяин кафе, расставляет чашки на столике. Кофе без кофеина для Сандрины. Звякают ложечки.

— Все, — отвечает Каролина, и ее лицо мрачнеет. — Я вспомнила все.

Кое-что Сандрина уже знает. Со слов Анн-Мари и Патриса. О том, что Каролина была одаренной девочкой, ей легко давались естественные науки, и она училась на медсестру, хотя хотела стать ветеринаром. Но есть и то, о чем они не говорили, поскольку не знали. О том, как однажды вечером парень, с которым Каролина была знакома и которому доверяла, взялся ее проводить, потому что она выпила. Он засунул ей пальцы во влагалище со словами: «Тебе это нравится, сучка, ты кайфуешь». После этого в ней что-то сломалось, и она стала по-другому держаться, даже двигаться стала по-другому. Каролина почти не спала — ее мучила бессонница, и она не смогла сдать вступительный экзамен в ветеринарное училище, потому что этот парень оказался среди абитуриентов и, когда она вошла в аудиторию, зашевелил губами, беззвучно произнося «сучка». Она передумала поступать, отказалась от своей мечты.

Каролина рассказала о том времени, когда ей страшно было выйти из дома, говорить с людьми, вдыхать мужской запах. Об усилиях, направленных на то, чтобы воспрянуть и начать сначала. О том, что в конце концов она поступила в медицинское училище.

И о мужчине.

— Это он, мужчина, который умеет плакать? — спрашивает Сандрина.

— Когда мы познакомились, он не плакал. Но он был зрелым мужчиной. У нас разница в возрасте восемь лет. Ребята, которые учились со мной, в сравнении с ним были мальчишками. Он... у него были мужские повадки. Он брился каждое утро, у него была стабильная работа, он составил план продвижения по служебной лестнице — в общем, все то, что делает людей взрослыми. Не знаю, что уж он учуял во мне, может быть, причина в том, что я не могла постоять за себя, и если случалось что-то из ряда вон выходящее, я впадала в ступор, молчала. Однажды я зашла в лавку купить сигарет, какой-то пьяный урод что-то сказал, прозвучало слово «шлюха», и я застыла, потеряла дар речи. Тут вошел он. Встал между мной и этим типом, потом взял его за шиворот и выволок за дверь, побил его. Избил по-настоящему. Сильно. Даже чересчур. Но меня это... обнадежило, что ли. Ты же знаешь моего отца.

Сандрина кивает. Она знает Патриса, хотя господин Ланглуа не хотел, чтобы они сблизались. Патрис не способен никого ударить.

— Я в жизни не видела, чтобы отец кого-то бил, — продолжает Каролина. — И в жизни бы не подумала, что мне понравится мужчина, который может ударить другого. Но он оказался там, в этой лавке, он меня защитил, и я согласилась пойти с ним на свидание. На это свидание он меня пригласил, потому что он меня защитил, а я пошла, потому что он произвел впечатление человека, способного меня защитить.

Каролина начала жить с ним, довольно скоро они переехали в новый дом. Денег у нее было немного, и это ее смущало. Она настояла на том, чтобы участвовать в общих расходах. Она мало что могла, но для нее это было важно — участие. Тогда Каролина еще верила, что ему нравится то, что она учится, что у нее будет профессия. Учеба ее увлекала, но и требовала больших усилий. Плюс ко всему она подрабатывала в ветеринарной клинике, чтобы заплатить за обучение. И спустя несколько месяцев она почувствовала, что его раздражает ее увлеченность.

— Похоже, он думал, что, живя с ним, я все брошу.

Сандрине не надо объяснять, что подразумевается под этим «все».

Училище. Подруги.

Отказ от редких выходов, которые она себе еще позволяла. От работы. От всего.

Что она будет сидеть дома, ждать его и готовить ему любимые блюда.

Каролине не верилось, хотелось думать, что он шутит.

Но он не шутил.

— Когда я забеременела на третьем курсе, это было случайностью. Я принимала таблетки каждый день и не понимаю, что такого он сделал с моей упаковкой... это было очень подозрительно... и он потребовал, чтобы я оставила ребенка. Он изводил меня до тех пор, пока я не сказала: да, хорошо. Я думала, что он будет... доволен. Что этого хватит для нормальных отношений. Ребенок — это не пустяк. Но когда Матиас родился, произошли две вещи. Во-первых, он отказался им заниматься. Это твой сын, сказал он, так что ты сама должна с ним справляться. Он ни одной бутылочки не подогрел. В первые месяцы он даже не прикасался к Матиасу. Во-вторых, он начал меня бить. Не

сразу, со временем. Мы много спорили с тех пор, как поселились в своем доме, я считала, он мало мне помогает, и это ненормально, что я должна одна вести все хозяйство, стирать, гладить — в общем, все. Он соглашался заботиться о саде, потому что это мужская работа, и больше ничего. Но он умел все так повернуть, что в конце каждого спора я чувствовала себя виноватой. Эгоисткой. Должницей. Он же работал. И за дом он платил. Однажды я сказала: нет, я тоже работаю, я даю тебе деньги, я тоже плачу за этот дом, и вот тогда я узнала, что моего имени нет ни в одном документе. Что я не являюсь собственницей дома. Я почувствовала себя пленницей, но как раз тогда я и обнаружила, что беременна, и мы перешли на другую тему, мы спорили о другом, но это были не обсуждения, это были... битвы, бесконечные битвы. Я могла лишь уступать, каждый раз я сдавалась. И постоянно чувствовала себя виноватой. Беременность прошла хорошо, это было спокойное время... поначалу. До тех пор, пока моя гинеколог не посоветовала отказаться от секса, и это... он слетел с катушек. Говорил, что не какой-то там врачихе, не какой-то там безмозглой дуре решать, спать ему со своей женой или нет. Я была на восьмом месяце. Чувствовала себя огромной, все время потела, у меня распухли ноги. Он сбивал меня с толку, морочил мне голову. Убедил в том, что я выгляжу отталкивающей, однако ему якобы хватает великодушия продолжать испытывать ко мне влечение. Против воли я проникалась чуть ли не благодарностью. — Каролина вертит в пальцах кусочек сахара. — Он меня насиловал, а я должна была говорить спасибо.

Хозяин кафе подходит и спрашивает, все ли в порядке, и его просят принести еще кофе. Каролина делает несколько глотков воды и запускает пальцы себе в волосы. В них блестят серебряные пряди, и Сандрине кажется, что в последний раз, когда она видела эту женщину, она не была такой седой. Неужели, думает Сандрина, можно так сильно поседеть за несколько недель, поседеть от воспоминаний?

— О чем я говорила? Ах да. Родился Матиас. Он начал меня бить. Не сразу после родов, нет, но я помню, что впервые это случилось, когда Матиас еще соску сосал. Из-за того... из-за того, что я сказала: «Пять минут». Он пришел домой, Матиас плакал... ужин был не готов; я хотела сварить макароны, но не успела, соус подгорал... Он пришел и потребовал пива. Шестнадцатилетняя Каролина послала бы его куда подальше. Сказала бы: «Сам возьми». Но к тому времени я уже знала,

что подавать ему пиво — это моя обязанность. Я... в общем, я перестала спорить. Иначе это тянулось бы часами: он работает, он все для меня делает, а я даже пива не могу подать. Пиво или что-то другое, неважно: когда он чего-то хотел, он всегда бывал прав, а я никогда. Но тогда... томатный соус кипел, во все стороны разлетались брызги. Да к тому же он пришел позже обычного. Он уходил и приходил, держа меня в неизвестности, но тем не менее все должно было быть готово к его возвращению... и ни минутой позже. Матиас хотел есть... И я сказала: «Пять минут». Он ударил меня по лицу. У меня на руках был Матиас. Я могла его уронить, упасть, опрокинуть кипящую кастрюлю... Потом он извинялся, извинялся, извинялся. Он говорил: «Мне очень жаль, но...» Он просил прощения, и всегда было это «но», и под этим «но» подразумевалось, что я сама виновата.

Каролина говорит долго. Не торопясь, бесстрастно, говорит ужасные вещи. Матиас родился, она полюбила его, и мужу это было поперек горла. Ему было отвратительно, что это маленькое и беззащитное человеческое существо требует забот, что Каролина о нем печется. Ребенка он никогда не бил, но и заниматься им не желал. Пока годам к трем-четырем Матиас не стал для него «интересным». Пока не стал достаточно большим, чтобы можно было его учить, что-то с ним строить, играть в футбол, делать из него мужчину.

Однажды Каролина услышала, как в разговоре с Матиасом он сказал, что девчонки всегда говорят не то, что думают. Что настоящие парни дерутся с другими парнями и всегда побеждают. Она посмотрела на своего ребенка, на Матиаса: еще пухлыми пальчиками он перебирал кубики и нежным тонким голоском отвечал на вопросы отца. Точнее, повторял то, что тот хотел услышать. Девчонки, они какие? Обманщицы. А настоящие мужчины? Они дерутся. Ты хочешь стать настоящим мужиком или девчонкой? Настоящим мужиком. Это звучало, как глупая считалка, и она взяла сына на руки, отнесла в комнату на втором этаже, потом спустилась и спросила: «Что с тобой? Зачем ты учишь такому ребенка?» Он поднял на нее глаза: «Не понял? Что ты сказала?» Голос у него был ровный, вкрадчивый, и она знала, что ей надо замолчать, но она была в такой ярости... впервые в жизни она пришла в безумную ярость из-за того, что он творит с маленьким ребенком, вливает в уши ее сына, в его круглую головку с темными волосенками невыносимую отраву. И она сказала голосом, дрожавшим

от гнева: «Я не хочу, чтобы ты с ним так разговаривал». Он криво усмехнулся, а потом очень сильно ее избил.

Ей казалось, это конец.

Закончив избивать, он запер ее в кладовке, потому что ей нельзя было в таком виде показываться, и повел Матиаса в кино, на фильм, для которого мальчик был еще слишком мал, и он накормил его пиццей, которую Матиасу нельзя было есть. Ночью ей пришлось встать, доползти до комнаты малыша и поднять его с постели, где он лежал в лужице вонючей рвоты. Отнести его в душ было выше ее сил. Она была так разбита, что от напряжения и боли ее тоже вырвало. Потом надо было поменять постельное белье, переодеть Матиаса в чистую пижаму. И при этом тело ее при каждом вдохе стонало от боли.

Когда ребенок проснулся, он не узнал ее, изуродованную, и заплакал. Каролина сказала, что поскользнулась на лестнице. В конце концов, услышав ее голос, он сказал: «Мама...»

Несколько недель она просидела взаперти в доме. Она была черной, лиловой, синей, зеленой. И наконец, желтой.

— Вот так, как у тебя, — добавила она, показав на синяк под глазом Сандрины. — Только везде.

Когда синяки прошли, жизнь вернулась в свою колею. Она снова ездила за покупками. Готовила. Занималась Матиасом. Бегала по утрам. Вечерами он овладевал ею грубо или терпимо — все зависело от того, как прошел его день.

Каролина молчала, была послушной и замкнутой. Но кое-что изменилось: она решила уйти от него.

В то время походы по магазинам были одной из ее обязанностей. И она еще водила машину. Она откладывала деньги понемногу. Ей также удалось оформить паспорта. Она знала, что у него есть другая женщина. Он сходил с ума, выдумывая ее измены, и при этом сам ходил на сторону. Уходил и отсутствовал до определенного часа. Именно эта определенность помогла Каролине. Чтобы скопить нужную сумму, ей требовалось время, на это ушло несколько месяцев.

Она была готова уйти, ей не хватало только мужества.

На этих словах Сандрина хочет ее прервать, сказать, что думать об уходе — это уже сопротивляться, это уже проявление мужества. Но она вспоминает о господине Ланглуа, который всегда перебивает ее, и ничего не говорит.

На то, чтобы набраться мужества, тоже требовалось время. Много раз Каролина говорила себе: «Сегодня», а потом передумывала. Иногда потому, что он был добр, и внутренний голос, подталкивающий ее к побегу, превращался в еле слышное бормотание. Иногда потому, что он становился монстром и ее волю парализовал страх.

Она не знает как, но ее муж что-то заподозрил. Он начал менять время своих возвращений от любовницы, а потом и вовсе перестал ночевать вне дома. Он стал еще более суровым и «наказывал» ее на каждом шагу. Давал ей все меньше и меньше еды. Забрал ключи от машины. Ей приходилось тратить много времени на то, чтобы ходить с Матиасом в школу и обратно. Два раза в день. Иногда утром он дожидался ее возвращения из школы и запирали в доме на целый день с пустым холодильником и закрытой на большой висячий замок кладовкой. Иногда он снисходительно говорил, что она хорошо себя вела, но Каролина даже не знала, в чем это заключалось. Когда она вела себя «хорошо», он позволял ей выйти на пробежку, давал шанс распорядиться своим временем, оставлял открытой кладовку. Но «наказания» случались все чаще.

Каролина помалкивала и не поднимала на него глаз, но он знал, он что-то знал.

Она собиралась с духом — уйти было гораздо труднее, чем скопить немного денег на то, чтобы спрятаться от него как можно дальше.

Однажды утром Матиас опрокинул чашку с горячим шоколадом. Он схватил его одной рукой за запястье, а другой рукой — широкой мужской ладонью — ударил малыша по лицу с той же решимостью и столь же демонстративно, как бил ее. С тем равнодушием, с каким стегают лошадь, потому что надо ее проучить и потому что это в твоей власти.

Матиас не заплакал. Он был слишком потрясен. Он не сводил глаз с Каролины, и она поняла, что обманывала себя: он не верил в ее падения с лестницы и в удары о дверцы шкафчиков — он все понимал. Как и то, что ему тоже угрожает опасность.

Что такого было в ее взгляде, когда она в то утро посмотрела на мужа, какую тайную ненависть он прочел в ее бесстрастных, как она думала, глазах, Каролина не знает.

Она отвела Матиаса в школу, а когда вернулась, он был дома. Она помнит, что он дождался, когда она закроет за собой дверь и снимет

обувь, а потом направился к ней быстрым уверенным шагом, и в этом движении было что-то новое, окончательное и определенное. Она поняла, что к ней приближается ее погибель, и побежала через гостиную в кухню. На мгновение они застыли по разные стороны кухонного стола; только стол отделял ее от смерти, а потом он его опрокинул и избил Каролину, но не так сильно, как бывало, словно в этот раз у него была другая цель.

Да, была — он обхватил ее шею и сдавил. И все стало белым, потом красным и, наконец, черным.

Она очнулась посреди поля.

— Но у меня нет желания рассказывать о том, что было дальше, — добавляет Каролина и пьет воду большими глотками.

Дальше, насколько известно Сандрине, голая Каролина блуждала по полю, ее подобрала незнакомцы, потом она снова бродила. Сандрина надеется, что Каролина помнит *не все*.

Лиза говорит первой жене:

— В этом нет необходимости — рассказывать.

И Каролина, допив воду, ставит стакан на стол:

— Я здесь для того, чтобы сказать тебе, что лучше не будет никогда. Сандрина, он не переменится. Он не остановится. Я знаю, ты еще не понимаешь, что это, это... Да, уйти не просто трудно, *а очень трудно*. Но это не невозможно.

Сандрина не знает, что сказать: рассказ Каролины... во многом был рассказом о ее жизни.

Каролина спрашивает, знает ли он, что она ждет ребенка. Лиза жестом дает понять, что это не она, она никому не проболталась. Каролина извиняется и говорит, что слышала, как Лиза говорила об этом по телефону. Лиза вздыхает.

— Нет, он еще не знает, — отвечает Сандрина. — Думаю, он чувствует, что что-то изменилось, и я хотела ему сказать, а потом... потом появилась ты... в общем, он...

— Сандрина, у тебя есть что-то твое в этом доме? Твои документы? Важные для тебя бумаги?

Каролина задает очень точные и правильные вопросы. Она помнит, что он у нее отнял. Сандрина говорит, что подписала соглашение об открытии совместного счета, и ее голос понижается до шепота. Ей очень стыдно. Жалкая дура, тупая корова, толстая, толстая, толстая

дура, тумба с ушами! Но ее никто не упрекает. Каролина спрашивает, нельзя ли пойти сегодня же в банк, чтобы исправить это. Ведь прошло меньше двух недель, еще не поздно аннулировать соглашение, правда же? Коллега Лизы говорит, что они полицейские, а не банкиры, что он не знает, можно ли что-то предпринять.

— У тебя там есть что-то еще? В доме Ланглуа? Ценные вещи? Дорогие тебе фотографии? Украшения?

Сандрина говорит, что нет. У нее мало вещей, почти ничего. Она переехала с коробками, которые до конца не разобрала. Самым дорогим был он, мужчина, который умеет плакать, ну и, конечно, Матиас. В ванной комнате лежит мешочек с дешевыми украшениями. Еще разные мелочи, красивые книги, которые она любит, несколько писем от бабушки... Но они в коробке в гараже, потому что в доме для них места не нашлось.

— Он знает, что эти вещи тебе дороги?

— Вроде бы нет. По правде говоря, ему на это плевать.

— Ты не обязана возвращаться, — говорит Каролина.

Она ничем не попрекает — она излагает факты, объясняет, и Сандрина понимает, что первая жена права. У нее, у Сандрины, никогда не было фамильных драгоценностей, да и настоящей семьи тоже; не было ничего ценного, потому что сама она ничего не стоит.

Каролина говорит:

— Я догадываюсь, о чем ты думаешь, и хочу, чтобы ты осознала, что это неправда. Это он заставлял и заставляет нас чувствовать себя глупыми и никчемными, но ты сумела проявить осторожность. Ты можешь уйти сегодня вечером. Прямо сейчас.

— Он знает, где я работаю.

— Мы тоже знаем, где вы работаете, — говорит полицейский. — Сейчас Ланглуа собирает досье, чтобы получить опеку над сыном, и он поостережется, побоится все усложнить. Он знает, что за ним следят. Все ваши коллеги в курсе. В стенах дома он может делать что хочет, но вне его он проблем себе создавать не станет.

— Очень важно, Сандрина, — добавляет Лиза, — чтобы вы понимали: вы не одна. И у него на вас нет никаких прав.

Сандрина что-то бормочет, все склоняются к ней, переспрашивают:

— Что, что?

— Это его ребенок...

— Тут, — говорит Каролина, — не нам решать. Но у тебя еще есть время, чтобы подумать.

Подумать о чем? Сандрина поначалу не понимает, а потом до нее доходит.

Каролина продолжает:

— Ты поступишь так, как захочешь. Ты же молодая, симпатичная. У тебя еще будут возможности.

Молодая. Симпатичная. Возможности... Слова эти для Сандрины ничего не значат, и Каролина это чувствует. Она говорит:

— Там будет видно. Сейчас главное, что он о ребенке не знает. На Матиаса он плевал. Я знаю, что сын ему безразличен. Он хочет его отнять, чтобы сделать мне больно. Он хочет отнять Матиаса, потому что я ушла от него, и это способ меня уязвить. Он хочет отнять Матиаса, потому что это мой сын.

Она права, никто не спорит. Может быть, где-то очень глубоко, под слоями жестокости и себялюбия, под зудящей жадой обладания, которую он путает с любовью, у него, человека, вознамерившегося убить Каролину, прячется привязанность к Матиасу, сохраняется что-то чистое, не поддающееся злобе и вседозволенности. Может быть. Но никто из присутствующих здесь не хочет копаться в его чувствах и тратить драгоценное время.

— Если он узнает о ребенке, он может этим воспользоваться, — говорит Сандрина, и нет в ее голосе никаких признаков сожаления или страха, она сама не знает, что думать.

Полицейская говорит:

— Давайте будем делать все по порядку.

Именно так они пока и поступают.

Они еще долго говорят, и время от времени Лиза смотрит на Сандрину и спрашивает: «Все нормально?» Это не значит, что все нормально, поскольку, разумеется, все плохо. Это означает: «Вы с нами? Вы здесь? Вы согласны?» Поскольку Сандрине надо решиться. Надо, чтобы она *захотела* уйти.

И Сандрина делает все, что может. Она старается захотеть. Старается быть здесь и сейчас. И увидеть себя в новом мире. В этом мире она не вернется в дом господина Ланглуа. Не вернется уже этим вечером.

Мало-помалу картина вырисовывается, и Сандрина цепляется за нее. И с этим не все так просто: картина вроде бы начинает обретать краски, а потом снова тускнеет. Сандрина пытается представить, как сегодня вечером она откроет другую дверь. На мгновение она видит прежнюю квартирку, но это вздор, там давно живет кто-то другой. Ей говорят о социальном приюте, и она воображает себя там. Она в самом деле очень старается, но так ни к чему и не приходит.

Полицейские говорят о побоях, о принуждении и психологическом подавлении, об изнасиловании и сексуальной агрессии, об издевательствах и истязаниях, но когда замечают смущение Сандрины, ее внутреннюю борьбу, волна иссякает.

Надо перевести дух.

Лиза просит у официанта обеденное меню и выходит покурить. Полицейский идет в туалет. Беатриса тоже.

Каролина давно уже ничего не говорит. Они остались за столом вдвоем: первая жена и вторая, та, которую он пытался убить, и та, которую он пока только избивает. Каролина смотрит на Сандрину. Она лучше всех понимает, какие усилия прилагает Сандрина, чтобы представить жизнь в другом месте. Может, это всего лишь внезапный порыв, не больше, но она вдруг спрашивает:

— А ты не хочешь пожить с нами?

Сандрина через силу повторяет:

— С нами?

Она старается держаться, старается бороться с собой, но сил у нее больше нет.

— С моими родителями. У нас тесновато. Но можно устроиться. На несколько недель, а там будет видно. За это время он поймет, что ты в самом деле ушла, что следствие... не знаю, продвинется, наверное. Я могу спать с Матиасом, а тебе уступлю диван. Мои родители не будут против, они согласятся. Они не хотят, чтобы с тобой случилась беда.

Сандрина снова думает об Анн-Мари и Патрисе, об их доброте, об их ненавязчивом внимании. Ей хотелось бы знать, что они думают о ней, знают ли, что она старалась заботиться об их внуке. Она сердита на них — немного, чуть-чуть. Они забрали у нее Матиаса. Нет, одергивает она себя. Сандрина знает, что они не сделали ничего плохого, они тоже старались и поступили как лучше. У них не было прав на ребенка, и они просто боялись. Боялись, что господин Ланглуа

отнимет у них возможность видеть внука. Вернувшаяся к Каролине память подкосила их. Узнать, что все эти годы терпела их дочь и при этом не осмелилась им открыться, было нестерпимо больно, это разорвало им сердце. Каролина говорит, что не все им рассказала, но, даже не зная всего, они понимают достаточно. Они совершенно не способны на ненависть и мщение, их единственное оружие — всепоглощающая любовь, которой они окружают свою дочь и ее сына.

Каролина смеется. Мне будет легче, говорит она, если они начнут тревожиться о ком-то другом, и Сандрина понимает, что это не шутка. Что ей в самом деле предлагают поселиться в квартире Маркесов. Это место ей немного знакомо, и там находится Матиас. Она видит, как входит в их дверь. Видит себя в их гостиной, на синем диване, посреди горшков с цветами Патриса — он очень любит разводить цветы. Поскольку у него нет своего сада, он терпеливо превращает квартиру в уютный райский уголок.

И тут же перед глазами встает живая изгородь господина Ланглуа — безжалостно выстриженная, ободранная секатором, приструненная, укрощаемая каждую субботу.

Сандрина спрашивает:

— Ты серьезно?

И женщина с темными глазами, полными тепла и сочувствия, отвечает:

— Решено, так и поступим.

Лиза слегка приподнимает брови, но соглашается. Говорит:

— Отлично, в минуту сомнения или вроде того Каролина будет вам напоминать, до чего этот ублюдок способен дойти.

Потом она подзывает официанта, и они делают заказ.

Беатрисе надо вернуться на работу, перед уходом она кладет руку на плечо Сандрины. И снова происходит чудо: это легкое сочувственное прикосновение переносит Сандрину в настоящее. В этом настоящем все можно уладить, в нем никто не станет ее осуждать, в нем такие женщины, как Беатриса, любят мужчин, которые никогда не макают их лицом в горячее пюре. Другое настоящее. Настоящее, плавно перетекающее в спокойное будущее.

Официант приносит еду, простую и вкусную. Сандрина ест рыбу, которую она попросила хорошенько прожарить, с зеленой фасолью и

жареной картошкой. Перед уходом Беатриса сказала: «Набирайся сил, Сандрина». Именно это она и делает.

После обеда они идут в банк. Полицейские ведут себя очень терпеливо. Бывший менеджер Сандрины, очень молодой, поначалу не понимает, чего от него хотят, но остается безупречно вежлив, услужлив и быстро все переделывает. У Сандрины снова есть личный счет, открытый на ее и только на ее имя. Когда он спрашивает, по какому адресу высылать сведения об операциях по банковской карте, Сандрина колеблется, но Каролина улыбается ей и дает адрес Маркесов.

Дело сделано. Она отделилась. Она ушла. Вчера, да всего несколько часов назад об этом не было и речи. Нужно было выбрать момент, думала она. И этот момент настал.

Сандрина звонит на работу, берет отгул на несколько дней. Во время разговора Лиза забирает у нее мобильник и просит сообщить в полицию о возможном появлении Ланглуа и — главное, главное! — никому не говорить, когда Сандрина должна выйти на работу: «Если спросят, скажите, что она уволилась».

Они едут к Маркесам. Каролина — в машине с полицейским, Сандрина в своей «двухдверке», Лиза сидит рядом с ней на пассажирском сиденье. Своим чуть хриловатым голосом она подбадривает ее, говорит:

— Bravo, Сандрина, снимаю шляпу. Надеюсь, вы понимаете, насколько хорошо то, что вы делаете, для вас, для вашей жизни, для вашего будущего ребенка, если решите его оставить. Супер, вы очень, очень сильная.

Эта сладкая песенка-считалка сопровождает Сандрину до дома Маркесов.

Анн-Мари спустилась, чтобы открыть им гаражный бокс. Ну да, думает Сандрина, Каролина позвонила им по дороге. Сандрина загоняет внутрь свою машину. Она понимает, что пятиместный автомобиль Маркесов отправится ночевать на улицу, чтобы ее машину никто не увидел. Квартал тут спокойный, но дело не в этом.

Она выходит из бокса и извиняющимся тоном обращается к Анн-Мари:

— Мне очень неудобно перед вами. — И вздрагивает, когда Анн-Мари ласково обнимает и утешает ее, словно образцовая мать из

рекламы.

Господин Ланглуа всегда был холоден к родителям его жены, он их не любил, но терпел и был вежлив. Полицейские считают, что это была маска. Он отсекал Сандрину от Патриса и Анн-Мари с их скорбью и добротой, как отсекал от всего остального мира. И вот теперь Анн-Мари прижимает Сандрину к своей великодушной мягкой груди и просит прощения. Говорит, что ей очень жаль. Что она должна была заметить, должна была помочь.

Она говорит:

— Бедная ты моя, бедная, бедная девочка.

От Анн-Мари исходит запах раскаяния и легкий, свежий аромат цветов. Никто не обнимал Сандрину с таким очевидным желанием защитить ее, окутать теплом — никто после любимой бабушки; Сандрина утыкается в плечо Анн-Мари и плачет. Слезы подступают внезапно, что-то лопается в груди у Сандрины, и она говорит:

— Нет-нет, это я... я должна была... я должна была... я старалась защищать Матиаса, но я... я была, была... мне так стыдно, так жаль...

Каролина присоединяется к ним, облако слез и сочувствия окружает Сандрину, и спустя какое-то время Анн-Мари говорит:

— Пойдем, пойдем же, ты здесь, ты с нами, сейчас это главное, и как хорошо, что я захватила бумажные платочки.

Всхлипывая и сморкаясь, они поднимаются по лестнице.

В квартире Патрис дрожит от волнения, он тоже хочет крепко обнять Сандрину, но боится, что она перепугается, боится сделать ей больно. Он прижимает ее к груди застенчиво и смущенно, однако за этим коротким объятием чувствуется доброта, и Сандрина говорит:

— Спасибо, спасибо. Спасибо вам всем.

— Слушай, я вытащил для тебя раскладушку, — говорит Патрис. — Немного простовато, но завтра мы купим тебе матрас. Мы решили, что хорошая постель тебе очень нужна, с матрасом будет удобно. Я надеюсь, что все наладится, — добавляет он. — Ты сможешь оставаться у нас, сколько захочешь, так и знай, сколько захочешь.

На раскладушке лежит одежда, вещи чистые, аккуратно сложенные. Сверху черные брюки и темно-лиловая блузка. Это вещи Анн-Мари, когда-то Сандрина видела их и похвалила, потому что они соответствовали ее собственным вкусам. И снова у нее перехватывает горло. Для этих людей она никто, все это время она держала

расстояние, была с ними вежлива, но не более того. А ведь они в ней нуждались, хотели с ней поговорить, поделиться...

Патрис и Анн-Мари едут в школу за Матиасом. Полицейский отправляется с ними как сопровождающий. Каролина говорит:

— Мы поначалу боялись, что он заберет Матиаса, но он ни разу у школы не появился.

Сандрина спрашивает Лизу:

— Вы каждый день так делаете? И до каких пор так будет?

Вместо ответа Лиза говорит:

— Давайте присядем. — Она снова становится очень серьезной. — Устройство для экстренного вызова у вас? Не хочу вас обманывать, Сандрина, но вы вступаете в период, который снова потребует от вас очень много сил. Этот человек обладает властью над вами, и освободиться от нее непросто. Вот уже несколько недель, как мы следим за его перемещениями. На данный момент он готовится к официальному судебному разбирательству. Он хочет расправиться с Каролиной по закону, сойти за прекрасного отца, использовать Матиаса, лишь бы наказать Каролину и вас. Мы намерены сделать все, чтобы он не забрал ребенка. Я уже предупредила Каролину: очень редко, крайне редко даже самых жестоких, даже уличенных в инцесте, даже осужденных отцов лишают родительских прав. Он атакует Каролину, опираясь на семейное право. Но и мы собираем досье на него, которое намерены передать в уголовный суд. Однако позвольте мне быть откровенной: проблема нашей системы в том, что, даже если есть серьезная угроза для жизни и здоровья, оказать поддержку жертвам домашнего насилия очень трудно. Но у нас есть шанс. Произошло то, что выходит за рамки домашнего насилия. Он хотел убить свою жену. Он думал, что убил ее. И Каролина вспомнила, как это было. И все расскажет в суде. — Лиза растирает пальцами лоб. — Господин Ланглуа нанял адвоката, специалиста по семейному праву, очень дорогого. Это означает, что у него есть на это средства и что он сможет найти того, кто избавит его от предварительного заключения под стражу. Сандрина, послушайте меня. Очень может быть, что до суда он останется на свободе. И поэтому вы должны быть осторожны.

— Осторожна насколько?

— Осторожны во всем, крайне осторожны.

Сандрина сидит на диване рядом с Каролиной, напротив Лизы. Она чувствует тепло кожаной обивки. Чувствует запахи обеих женщин, чувствует легкие нотки табака и, чуть сильнее, запах неизменной куртки Лизы. Сегодня ясно, солнечные лучи льются потоком сквозь окно на растения Патриса. Гостиная слегка смахивает на теплицу, но без удушливой атмосферы, характерной для теплиц.

Крайне осторожно. Понятно.

В кармане Сандрины вибрирует телефон.

Она решила уйти, уйти насовсем, и с тех пор, как телефон начал вибрировать, она оставляет вызовы без ответа. Другая Сандрина, та, которая вернулась бы, не смогла бы *не ответить*. Не ответить на его звонок было бы слишком опасно и заслуживало самого сурового наказания.

Лиза спрашивает: «Это он?», хотя и так знает.

Сандрина опускает голову. С каждым звонком она еще немного отдаляется от возможности вернуться. Не отвечать — это гигантский шаг. И она сделала уже несколько таких шагов. Это не выглядит как пустяк. Наоборот, все очень серьезно, но Сандрина время от времени просит женщин простить ее за мягкотелость и нерешительность, но Лиза и Каролина подбадривают ее. Они обе понимают — и Каролина особенно, в каком состоянии сейчас находится Сандрина, которая неожиданно для нее оказалась у Маркесов. Понимают, с чем ей приходится справляться, как бешено бьется сейчас ее сердце. Понимают, что она сходит с ума, представляя, что может произойти, что произойдет, что могло бы произойти. Понимают, что ее мозг мечется между болезненными воспоминаниями и воспоминаниями о начале любви. Последние пронзают ее, словно удары ножа, и все ставят под сомнение; потом она, конечно же, приходит в себя, но это мучительно — думать о том, что до господина Ланглуа был нежный мужчина, который плачет. Все начинается снова, и так без конца; и она должна решать, должна держаться. Это борьба. И для нее это подвиг.

— Сандрина, ты очень отважная, — говорит Каролина, — все, что ты делаешь, очень тяжело, я знаю.

Она улыбается, и кожа вокруг ее глаз собирается в заботливые и встревоженные складки. Она улыбается, ее черные глаза полны тепла и сочувствия; когда Каролина так смотрит, Сандрина чувствует прилив сил. Поразительно, Каролина внушает ей огромное доверие одним

своим видом. Каролина говорит: «Все может получиться, ты сумеешь вырваться», — а ведь эта женщина потерпела поражение, он почти убил ее. Но как бы там ни было, все в первой жене вселяет в Сандрину уверенность, укрепляет; само присутствие Каролины — это мощная опора, а Сандрине сейчас необходима любая поддержка, какую только можно найти.

— Вы должны сохранять все его сообщения, Сандрина. Понимаете? Вам решать, отвечать на них или нет, но сохраняйте все.

— Я не знаю, надо ли отвечать? — сомневается Сандрина.

Полицейская задумывается. Через несколько секунд она говорит:

— Он играет роль несчастного отца. Человека, которого подвергают преследованиям. Думаю, сейчас он начнет изображать обеспокоенность за вашу судьбу. Если вы дадите ему понять, что все кончено, что не надо искать вас, не надо пытаться разузнать, где вы находитесь, то десятки сообщений, которыми он вас забросает, превратятся в манипулирование. Вы понимаете, к чему я веду? После того как вы скажете ему, что вы ушли, все изменится. Но главное — осторожность. Я не могу решать за вас.

— Сандрина, Лиза пытается донести до тебя, что теперь наступает самое опасное время, — поясняет Каролина, — но не говорит этого прямо и откровенно, потому что не хочет, чтобы ты передумала.

Они смотрят друг другу в глаза и вдруг ни с того ни с сего улыбаются. *Теперь наступает самое опасное время.* И это после расставания с мужчиной, который бил обеих головой об стену, душил, а одну из них чуть не убил. Ну разве это не смешно — самый опасный? Кажется, об этом говорят морщинки, разбежавшиеся вокруг глаз Каролины.

Лизе не по себе, она старается не вводить Сандрину в заблуждение, не приукрашивать реальность, но это правда: самое страшное впереди. Она прибегает к статистике, говорит: так и есть, момент расставания является самым опасным, — и Сандрина жестом дает понять: не надо, я не хочу знать, не хочу слышать, что бы там ни было. Все кончено. Я ушла.

Она достает из кармана телефон и пишет:

Я ушла.

Все кончено.

Все кончено.

И пусть не звонит.

Не звони мне.

Пальцы дрожат, она набирает текст очень медленно, ошибается, автокорректор предлагает *яшма* вместо *я ушла* и *не зависит* вместо *не звони*.

Сандрина нажимает на «отправить» и кладет телефон на журнальный столик. Она надеялась, что станет легче, но чувствует, как ее прошибает пот, потом ей становится холодно, ее трясет, а горло перехватывает. Интересно, думает она, это ощущение ужаса когда-нибудь пройдет? Она помнит, что после того, как она ушла от родителей, была жизнь без дикого страха, без вечной боязни, но ей не удается перенестись мыслями в то время, тело забыло, что значит не чувствовать напряжения. Только что она отправила самое простое сообщение, и однако она на грани обморока, в голове туман.

Лиза говорит:

— Сандрина, вы очень побледнели.

Сандрина, как сквозь скафандр, слышит ее голос.

— Сандрина? Сандрина? Вы здесь, с нами. Это всего лишь эсэмэска. Он не настолько всемогущ, как вы думаете.

Откуда ей знать, Лизе? Сандрина качает головой, не понимая, хочет ли она вновь обрести остроту зрения или, напротив, хочет навсегда юркнуть в размытую среду, где ничто и никто не сможет до нее добраться. В первый раз у нее проскальзывает мысль о смерти — может, это лучшая из возможных побед. Может, покончить с собой и лишиться его удовольствия собственноручно расправиться с ней? Покончить с собой и навсегда вырваться из его лап?

Кто-то хватает ее, дергает. На ее руке лежат нервные пальцы Каролины.

— Сандрина, я знаю, знаю. Мужайся. Держись.

Они смотрят на телефон, не двигаясь. Телефон молчит, как будто вырубился.

Зато звонит телефон Лизы. Она говорит:

— Да. Да. Не знаю, возможно ли это. Хорошо... Мой коллега стоит перед его офисом, — поясняет она. — Он еще не выходил. Сандрина, вы можете отказаться от этого телефона, сменить номер?

Сандрина не понимает.

Лиза трет лоб, для нее это тоже длинный и трудный день, потом она поясняет:

— Он мог установить на ваш телефон программу слежения, которая показывает ему все ваши перемещения. Такое все чаще и чаще наблюдается в случае таких отношений. Тут не надо быть гением айтишником, это делается очень просто, с помощью приложений, к которым есть совершенно легальный доступ.

Сандрина вспоминает, что у нее есть в ее телефоне. Немного музыки, немного фотографий, главным образом Матиаса... Она сосредоточивается, и ее чуть-чуть отпускает.

Лиза оставляет их. Она говорит, что ей надо немного отдохнуть, но вечером, после того как господин Ланглуа выйдет с работы, она вернется и будет дежурить неподалеку.

Каролина усаживается перед старым компьютером Анн-Мари, копирует содержимое телефона Сандрины на одну флешку, а сообщения — на другую, потом они удаляют все приложения, выключают телефон и уничтожают симку с видом опытных разведчиц.

Когда Матиас возвращается из школы и видит ее, он широко распахивает глаза и улыбается во весь рот новой, незнакомой улыбкой. Матиас прежний, но совершенно другой. Он держится иначе, двигается иначе — раскованно, свободно. Прошло меньше месяца, но Сандрина готова поспорить, что он шагнул далеко вперед. Он болтает без умолку, и иногда приходится его попросить дать взрослым поговорить. Он хочет показать Сандрине, чем занимался сегодня в школе, и открывает свою тетрадь для рисования. Его птицы стали красивыми и спокойными. И у них больше нет зубов.

Лиза проводит первую ночь во дворе их дома. Господин Ланглуа не появляется.

22

В квартире тесновато, но это не замечается. Днем Каролина и Сандрина вместе хлопчут, помогают Патрису и Анн-Мари. Сандрина учится ухаживать за растениями. Каролина ищет работу, и Сандрина помогает ей составить резюме на тормозном компьютере Маркесов. Надо же, она, Сандрина, толстая дура, тупица, умеет делать то, чего не умеет делать умница Каролина!

Распорядок дня подстраивается под Матиаса: Патрис отвозит его в школу, Патрис привозит его, они все вместе ужинают, ложатся спать. При ребенке Сандрина, не жалея сил, старается выглядеть безмятежной. Это ее выматывает. Точно так же было в доме господина Ланглуа — она и там старалась как можно глубже прятать пожирающий ее страх. Здесь, у Маркесов, она направляет усилия на то, чтобы не отравить атмосферу этого уютного дома своими мимолетными приступами страха и постоянными сомнениями.

На улице уже совсем холодно, осень, но часто после полудня они с Каролиной выходят на балкон и беседуют. Каролина курит. Сандрина рассказывает. Они делают это на балконе, чтобы в квартире не пахло табаком.

Проходит четыре дня, потом пять. В тесной квартирке Пикассо чувствует себя на седьмом небе. Он как челнок снует между Матиасом, его бабушкой и дедушкой и Каролиной. Когда очередь доходит до Сандрины, он кладет свою морду ей на колени и смотрит на нее влюбленными глазами. Они подружились в первый же вечер. Как только все улеглись. Матиас скомандовал: «Пикассо! Иди, иди к Сандрине!» — и смешная дворняжка, восторженно чихнув, распласталась рядом с раскладушкой. Когда Сандрина поворачивалась на другой бок, пес поднимал голову, и Сандрине приходилось шептать: «Все хорошо, спи», только тогда он соглашался снова положить голову на скрещенные лапы. А Сандрина лежала с открытыми глазами и вспоминала о соседских собаках, о том, как они злобно рычали при приближении господина Ланглуа, как у них на загривках дыбом вставала шерсть.

Дура, дура...

Нет. Нет. Нет. Это не моя вина.

Она снова и снова повторяла про себя: «Это не моя вина». Не верила в это. Но продолжала повторять: «Я ни в чем, ни в чем не виновата».

На другой день после ее бегства они с Каролиной пошли в комиссариат, Патрис отвез их и остался ждать в машине. Никто не торопил Сандрину, не требовал, чтобы она подала заявление, никто не просил объяснить ее долгое молчание — можно сказать, это оставили за скобками. В комиссариат она пришла для того, чтобы помочь Каролине. Она подтвердила, что на кладовке был замок, который господин Ланглуа открыл перед тем, как она, Сандрина, переехала в его дом, но она видела этот замок в одном из ящиков в гараже. Все сказанное ею было запротоколировано и превратилось в официальный документ, подтверждающий жестокость господина Ланглуа, его властный, склонный к насилию характер. Она рассказала о деньгах, которые нашла в книгах. О паспортах. И она рассказала о себе — о том, чего ей нельзя было делать, о наказаниях за нарушение правил. О побоях, о ночах, когда он не давал ей спать, о других ночах, как он принуждал ее спать на полу, о том, как она переписывала с образца бумаги и ставила свою подпись, в то время как рука господина Ланглуа лежала у нее на шее. Рассказала о попытке лишить ее финансовой независимости и обещании посадить под замок.

Сандрина рассказала и о Матиасе — о том, что это она заботилась о нем. Если спросить школьных учителей, классную руководительницу, аниматоров в детском центре, то все они подтвердят, что с тех пор, как она поселилась у господина Ланглуа, они ни разу не видели отца Матиаса. Господин Ланглуа понятия не имеет, какие игрушки любит его сын, какие пижамы предпочитает. Он никогда не купает его. Не обнимает и не целует. Не разговаривает с ним.

Она выложила все как есть, рассказала обо всем без утайки, потому что делала это не для себя. Для Каролины — сказала она. Сандрина многое делает для других.

Когда они покидали комиссариат, Лиза попросила: «Сандрина, как только вы будете готовы написать заявление, дайте мне знать». Но Сандрина боится. Лиза говорит ей: «Это официальный документ, Сандрина, и он очень-очень важен. Если что-то случится и вы не

сможете меня вызвать, понадобится свидетельство, что эта история не о том, как муж сгоряча стукнул жену». Она объяснила Сандрине, что некоторые полицейские говорят: да это всего лишь внутрисемейная разборка, и ради нее не стоит выезжать на вызов. Однако есть женщины, которые погибают из-за того, что помощь им не приходит. Все это Сандрина теперь знает. И еще она поняла, что в один не самый лучший день все закончится, в том смысле, что Лиза и ее коллега не смогут до бесконечности дежурить у дома Маркесов, а сама она не сможет навсегда поселиться в их доме. И она решила сделать этот шаг, который для нее весил не меньше тонны: она подала заявление и очень гордится этим. Но по ночам, прислушиваясь к дыханию Пикассо, она сожалеет и говорит себе, что это опасно, что, может быть, зря она все это написала.

У нее новый телефон. Для нее это облегчение. В первые дни она с дрожью поглядывала на него — боялась, что господин Ланглуа узнает ее номер. Каролина поняла ее и сказала:

— Нет. Он знает далеко не все, и далеко не все ему подвластно.

Сандрина не получает никаких сообщений. Ее телефон молчит. В первые дни она умирала от тревоги — боялась, что сейчас раздастся звонок на городской телефон, который ему хорошо известен, и ей снова придется услышать голос господина Ланглуа или, что гораздо, гораздо хуже, голос мужчины, который плачет. Что с ней будет, если позвонит мужчина, который плачет? Но городской телефон тоже молчал.

Господин Ланглуа залег на дно, его нигде не видно. Он не торчит рядом с работой Сандрины. Не показывается в квартале, где живут Маркесы. Не караулит у школы после окончания уроков у Матиуса. Никому не звонит. С первого дня после ухода Сандрины полицейские дежурят у его дома — господин Ланглуа утром исправно уезжает на работу, а вечером возвращается.

Сандрина потихонечку учится жить здесь и сейчас. Никто из Маркесов не просит ее уйти. Матиас радуется ее присутствию в доме. Он живет в своем детском мире, который наконец-то стал светлым. У него есть мама, бабушка и дедушка и есть Сандрина. Это прекрасно, он доволен. Сандрина, когда ненадолго тревога покидает ее, тоже бывает довольна. Три поколения Маркесов согревают ее своим теплом. Они — как воробушки на ветке. Их щебет успокаивает, их близость

вселяет уверенность. Она проводит тихую неделю, очень редко покидает квартиру и никогда не выходит одна — Каролина настаивает на этом.

Иногда Сандрину посещают скверные, низкие мысли. Ей кажется, что Маркесы добры к ней, потому что она помогает Каролине, это услуга за услугу. А он не ищет ее, потому что она ему безразлична, он никогда ее не любил. От последней мысли отделаться трудно, особенно под влюбленным взглядом милой дворняжки, особенно в уюте маленькой квартирки Маркесов. Потому что здесь она все больше и больше убеждается в том, что любовь — это совсем другое, не то, что давал ей мужчина, который умеет плакать. Когда в комнату входит Матиас или Анн-Мари гладит ее по спине, Сандрина говорит себе, что вот это и есть настоящее. Почти незаметное, но настоящее. Маркесы любят прикосновения — легкие, естественные. Они гладят малыша по голове, когда он делает уроки, кладут руку ему на плечо, ласково пожимают запястье; они смеются, натываясь друг на друга на кухне. К Сандрине они тоже прикасаются, и иногда ей кажется, что она попала в другую страну, что ее окружают чужеземцы с неведомыми нравами и привычками.

23

Проходит неделя, и Сандрина возвращается на работу. Беатриса берет ее под свою опеку.

Сандрина не знает, давали ли указания ее коллегам, но никто не задает ей вопросов, с ней обращаются как обычно — как до того часа, когда ее личную жизнь вскрыли, разложили на части, препарировали. Единственное отличие состоит в том, что по пятницам, когда наступает обеденный перерыв, Беатриса, прихватив сумку, тащит Сандрину с собой в кафе, не принимая отказа. Сандрина обедает с ней и другими девушками, и ей это нравится, хотя иногда от оживленной болтовни у нее начинает побаливать голова. По утрам она сидит в своем автомобиле, пока на тротуаре не появится кто-то из их конторы, и только тогда выходит и идет к дверям. Вечером ее обязательно кто-то провожает и следит за тем, чтобы она спокойно села за руль. Она любит свою маленькую машину. Это то, что у нее осталось от ее прошлого, когда у нее еще была личная жизнь. Она хвалит себя за то, что сохранила ее. Что ушла до того, как он заставил ее отказаться от машины. Внутренний голос вернулся, и он поздравляет ее: *молодчина, умница.*

24

Через несколько дней после ее выхода на работу господина Ланглуа берут под стражу. Они с Каролиной знали, что к этому идет, и все же, когда Лиза по телефону сказала: «Завтра в шесть часов мы идем обыскивать его дом», руки обеих слегка задрожали, и они прижались друг к другу. Вечером Пикассо, который перебрался было в дальнюю комнату, к Каролине и Матиасу, улегся посреди гостиной и с беспокойством уставился на Сандрину. Она сказала: «Все хорошо, песик, все хорошо», — и в конце концов сама в это поверила. Достаточно твердо, чтобы заснуть.

Утром за Сандриной пришел коллега Лизы, чтобы проводить ее в дом Ланглуа, — она может забрать свои вещи.

Каролина предложила пойти с ней, но Сандрина отказалась. Да, ей страшно, да, ее слегка подташнивает, но Каролина вспомнила, как ее убивали в этих стенах, и Сандрина не хочет ее травмировать.

Зайти в дом оказалось непросто. Там все было перевернуто вверх дном. Люди в белых защитных комбинезонах обыскивали помещения.

Сандрина собрала свою одежду. Взяла книги с полки. Книжки со спрятанными в них банкнотами она завернула в пакет и засунула в отдельную сумку. Каролине нужно вернуть ее деньги. Мешочка с дешевыми украшениями, некоторые из которых остались от бабушки, нигде нет. Сандрина просматривает шкафчик, но не находит. Сил больше нет, ей хочется уйти как можно скорее. Да собственно, она уже все посмотрела, остается только заглянуть в гараж и поискать коробки с ее смехотворными сокровищами: фотографиями, бабушкиными письмами.

Коробок нигде нет. Полицейский вспоминает, что в выходные господин Ланглуа отвозил какие-то коробки в пункт сбора мусора. Сандрина еле сдерживает слезы. С тех пор как она живет у Маркесов, с тех пор как она, шагок за шагом, учится жить без страха, она сделалась плаксивой. Тот раскаленный стержень, который держал в напряжении ее спину, когда она находилась в плену у господина Ланглуа, который помогал ей терпеть и не сдаваться, куда-то исчез. Полицейский спрашивает у двух экспертов в белых, как у астронавтов,

комбинезонах, с фотоаппаратами в руках, не переставляли ли они коробки. Нет, не переставляли.

Сандрина глядит на застекленную дверь, ведущую на террасу. Осенний дождь поливает подстриженную живую изгородь, газон и площадку для барбекю. Она чувствует, как сжимается ее сердце. Выходит в сад. Холодно, трава мокрая, под ногами хлюпает вода. Полицейские выходят вместе с ней. Они останавливаются перед барбекю, и мужчина в белых латексных перчатках приподнимает круглую металлическую крышку. Щелкает фотоаппарат. Из золы торчит серо-коричневый снимок, на краешке виднеется лицо бабушки Сандрины. Полицейский достает на три четверти обгоревшую фотографию, передает Сандрине, потом копается в слипшейся золе. Извлекает из нее серебряную цепочку и брошку, от которой остался только латунный каркас. Брошка была в виде букетика, с простенькими пластиковыми вставками. Она ничего не стоила. Но только не для Сандрины, которая подносит руку к губам, боясь, что ее сейчас вырвет; но позыв проходит.

Господин Ланглуа вскрыл ее коробки, методично перебрал все ее вещи. Сжег то, что ей было по-настоящему дорого. Она-то думала, что он забыл, что он и не слушал, когда она делилась с ним своими крохотными воспоминаниями. Нет, она ошиблась. Он все запомнил, зная, что при случае сумеет причинить ей боль.

Сандрина спрашивает, можно ли ей забрать цепочку. Полицейские пожимают плечами. Можно, берите, конечно. Она тщательно протирает ее бумажным платочком и прячет в карман пиджака.

Она снова заходит в дом и поднимается на второй этаж. Собирает любимые книги Матиаса. Заполняет чемодан его игрушками. Как будто она приехала сюда только за этим.

Через час она заканчивает.

На первом этаже полный бедлам. Полицейские суетятся у двери в кладовку, фотографируют следы от шурупов замка. Сандрине больше нечего здесь делать, и она поспешно выходит. Она надеялась, что это место станет ее домом. Но теперь она не хочет сюда возвращаться. Никогда.

Белый фасад удаляется в зеркале заднего вида, Сандрина вздыхает, как будто у нее гора с плеч свалилась.

— Спасибо, что проводили меня, — говорит она полицейскому.

Потом ей приходит на ум, что впервые после всех этих событий она осталась один на один с женщиной.

Полицейский говорит:

— Лиза попросила, чтобы я поработал у вас водителем.

— Она много делает для нас, — замечает Сандрина. — Я имею в виду меня и Каролину.

Помолчав, полицейский отвечает:

— Не стану врать, Сандрина. За то время, что мы следили за домом господина Ланглуа, на нас много чего свалилось. Особенно на нее, на Лизу... — Он выставляет наружу мигалку и, кажется, сомневается, продолжать или нет, но в конце концов говорит: — Каролина первая, кто вернулся. Обычно с того света не возвращаются.

Сандрина не знает — это такой полицейский юмор или коллега Лизы говорит всерьез. Молчит и качает головой.

К Маркесам она приезжает с одним чемоданом и несколькими сумками. С вещами Матиаса, с деньгами Каролины. И с цепочкой. Это вся ее жизнь. У нее нет ничего, равным счетом ничего. *Неправда, кое-что есть*, говорит внутренний голос.

Маркесы ждут ее. Пришли бумаги из банка, подтверждающие, что она снова стала «держательницей платежных средств». А Ланглуа останется в следственном изоляторе до шести часов вечера следующего дня.

Сандрина приглашает Маркесов в ресторан.

Странная мирная вылазка, передышка, в этот вечер они ничем не рискуют — господина Ланглуа держат взаперти.

Они идут в ресторан, расположенный в подвале со сводчатыми потолками. Столы покрыты накрахмаленными белыми скатертями. Матиас ведет себя прекрасно.

Какая необычная семья, думает Сандрина, окидывая их взглядом. И спохватывается. Это *не ее* семья. Это временно.

Анн-Мари похлопывает ее по руке, говорит:

— Спасибо за вещи Матиаса. Ты такая храбрая! Ты пошла туда, в этот дом!

Анн-Мари умолкает, но Сандрина понимает, что она хочет сказать. *Этот дом.*

Когда они выныривают из ресторана, телефон Сандрины вибрирует. То же самое происходит в карманах у Каролины, Анн-Мари

и Патриса. Матиас задирает голову и смотрит, как взрослые читают сообщения и прослушивают голосовую почту.

Господина Ланглуа выпустили.

Все, как сговорившись, отвечают мальчику натянутыми улыбками, никто не хочет его напугать, но Сандрина видит на лицах, как в зеркале, охватившую всех тревогу. Голос Лизы звучит в ее ушах: «Адвокат вытащил его... И еще, Сандрина. Я не смогла последовать за ним, а сейчас вижу, что он не вернулся домой. Будьте осторожны. Я вам перезвоню, хорошо?»

В машине, сидя рядом с Матиасом, который устроился между ней и Каролиной, Сандрина торопливо пишет Лизе, что прослушала ее сообщение, что они были в ресторане, а сейчас возвращаются к Маркесам.

Она обещает быть осторожной.

Очень осторожной.

Дверь в квартиру Маркесов издает едва слышный звук. Это дребезжит прорезь для писем, вставленная в металлическую рамку. Осенью ее заклеивают скотчем. Скотч свисает — этого не было, когда они уходили в ресторан. Скотч не должен болтаться.

— Пикассо? Пикассо?

Звонкий голос Матиаса разносится по пустой квартире. Обычно пес поджидает у дверей, радостно дрожа и виляя хвостом. Особенно когда он ждет Матиаса. Но в этот раз Пикассо неподвижно лежит в своей корзинке.

Что-то не так.

— Пикассо?

Резкий неприятный запах наполняет кухню. Матиас склоняется над корзинкой, не смея прикоснуться к собаке.

Он говорит:

— Мам, Пикассо стошнило.

Мгновенно четыре силуэта нависают над корзинкой. Пикассо еще совсем молодой, ему чуть больше года. Никто не ожидал, что он может заболеть. Каролина наклоняется, щупает, говорит: «Он теплый». Это такой деликатный маневр, чтобы не сказать при Матиасе: «Он не умер». Каролина наклоняется еще ниже, потом выпрямляется, и ее голос звучит потрясенно:

— Он съел что-то не то.

Растерянные взгляды обшаривают кухню. Все шкафчики закрыты, нигде нет остатков разгрызенных вещей или игрушек. Только в беловатой жиже рядом с мордочкой собаки, на краешке ткани, которой обита изнутри корзинка, виднеется белый шарик.

Сандрина узнает этот запах. Антимоль. Как собака могла добраться до средства от моли? Сандрина не уверена, что Патрис и Анн-Мари им пользуются; она никогда не ощущала специфического запаха в их квартире.

Она предлагает Анн-Мари увести Матиаса в ванную — пусть почистит зубы. Когда бабушка с внуком уходят, показывает Каролине белый шарик. Каролина осторожно приподнимает голову собаки, достает испачканный желчью шарик и поднимает на нее круглые глаза.

— Это что еще такое?

Нельзя тратить время, некогда выяснять, что и как. Патрис поднимает корзинку с Пикассо, Каролина открывает дверь. Они быстро идут к лифту. Сандрина тщательно запирает за ними замок.

Матиас зовет ее. Сандрина идет в дальнюю комнату. Мальчик уже в постели. От него пахнет зубной пастой. Он волнуется. Сандрине это состояние хорошо знакомо, и в голове у нее мелькает: *как же это просто и как скоро*. Как незамедлительно на смену покою приходит тревога. И мгновенно она начинает лгать, говорит голосом чуть более низким, успокаивающим. Именно так она постоянно говорила с ребенком, когда жила у господина Ланглуа.

Все будет хорошо. Не волнуйся.

В дверь квартиры стучат.

Анн-Мари говорит:

— Ох, наверное, они что-то забыли. — И выходит из комнаты.

Она идет быстрым шагом, слегка покачиваясь на ходу. Анн-Мари подвижная, энергичная, но когда ускоряет шаг, у нее появляется эта переваливающаяся, немного смешная «птичья» походка. Сандрина глядит ей вслед, и внезапно ее охватывает тревога. Она слышит шаги женщины в коридоре, слышит, как она приближается к двери. Паника волной накрывает Сандрину, она открывает рот, хватая воздух, точно карп, которому не хватает кислорода, и с трудом поднимается на ноги. Что-то не так... Она хочет закричать, остановить, но мысли тяжело проворачиваются в мозгу; она хочет вдохнуть и не может. Наконец ей

удается дойти до двери в комнату и выйти в коридор, это длится секунду и занимает целую вечность. Она кричит:

— НЕТ!

Поздно. Анн-Мари распахивает входную дверь.

Это не Каролина. Это не Патрис.

Это господин Ланглуа.

У Сандрины нет ни малейшего сомнения. Это господин Ланглуа — не мужчина, который плачет. И не тот мужчина, который может угрожать, но не переходит грань, не тот расчетливый мужчина, который заставлял ее подписывать бумаги, отсекал ее от всего личного. Нет, это именно господин Ланглуа. Это насилие, грубость и жестокость.

Она видит, как его рука поднимается и наносит удар, как падает Анн-Мари. Он ударил ее очень сильно.

Сандрина делает шаг назад, отступает в комнату, разворачивается и смотрит на Матиаса.

Мальчик молчит, его глаза широко раскрыты. Он знает... Он чувствует бешенство отца... Сандрина должна... надо, чтобы именно она... она должна... Но паника перехватывает ее нутро, пылающее лезвие снова сковывает шею и спину, и она застывает.

Слышатся шаги. Он идет. Медленно. Уверенно.

Он не торопится.

Сандрина сглатывает, и это простое рефлекторное движение пронзает ее так, как будто она сломала кость. *ДАВАЙ ЖЕ, ЧЕРТ, ШЕВЕЛИСЬ!*— ревет внутренний голос, голос гневный, голос спасительный.

Ей удается подойти к кровати и прошептать:

— Прячься. Прячься, Матиас, скорей.

ЛИЗА, ПОЗВОНИ ЛИЗЕ.

Она достает из кармана телефон, но пальцы не слушаются, ей не удается разблокировать экран. Новая попытка, пароль тот же самый, она его не меняла — это дата их первой встречи: *0310, 0310*. Она ошибается, опять ошибается.

Если малыш не спрячется, что он с ним сделает?

Сандрина едва жива, нет никакой надежды на то, что она сможет поднять Матиаса и сама где-нибудь спрятать его. Но Матиас быстро

реагирует, Матиас действует. Он соскальзывает с кровати и ловко, как угорь, пытается заползти под нее. И застревает. Там много вещей.

Выронив телефон, Сандрина запускает руку в карман брюк и достает устройство срочного вызова, которое, по счастью, лежит там. Ноги Матиаса исчезают под кроватью. Там чемоданы и одеяла в больших пластиковых мешках.

ЛИЗА, ЛИЗА, ЛИЗА.

Матиаса не видно.

ЛИЗА, ЛИЗА, ЛИЗА...

Сандрина нажимает на кнопку снова и снова, но ничего не происходит. Она думала, что будет какой-то звук или что-то вроде этого, но ничего не видит и не слышит, работает устройство или нет, непонятно, кнопка остается серой, не загорается.

Почва уходит из-под ног, и когда ее рука наконец касается одеяла, ей кажется, что прошло сто лет. Он уже в гостиной. Еще несколько метров. Время кажется бесконечным. Шаги приближаются. Но она успевает. Падает на кровать и прячет бесполезное устройство под одеяло.

Он идет.

ВЫТАЩИ РУКУ ОН ИДЕТ.

Господин Ланглуа заходит. Она лежит на постели, прижав руку к дешевой, очищенной от золы цепочке на шее.

Она видит его. *От бешенства он с катушек слетел.* Нет, не то, не то... *Он целиком охвачен бешенством.* Она чувствует, как его ярость волнами накатывает на нее, но он не слетел с катушек, он не безумен. Напротив. Это тот хладнокровный господин Ланглуа, который впечатал ее лицо в булочку с изюмом. Господин Ланглуа именно этим и отличается: для него все просто. Господин Ланглуа видит и слышит только себя. В своем стремлении к насилию он не колеблется, он не раздумывает, ударить или нет, его нисколько не занимает, причинит он боль или нет. Есть мгновение до побоев, есть мгновения после побоев, и есть сами побои. Удар для него — это единица времени. Одновременно бесконечная и неуловимая.

Он входит и смотрит на нее, спрашивает:

— Где он?

Она с трудом садится, затылок раскалывается от боли.

Солги.

— Кто?

— Малец.

Солги.

— Сегодня он ночует у своего приятеля, у соседей, они давно договорились. Мы отвели его к Измаилу после ресторана.

Сандрина надеется, всеми силами души надеется, что он подкарауливал их на улице, но после них не зашел в дом, не считал, сколько раз останавливался лифт, не слышал их шагов. Она смотрит на него тупыми коровьими глазами и строит из себя дуру. Ее много лет принимали чуть ли не за умственно отсталую, считали, что она не от мира сего, так что эта мина у нее хорошо получается. Щеки обвисают, глаза пустеют и стекленеют. Она словно накидывает на себя маскарадный костюм: тупая корова Сандрина податлива, покорна, покорена. Эта Сандрина не смеет лгать. И, похоже, ей верят.

Она не шевелится. Пальцы сжимают цепочку.

Он приближается.

Она отшатывается. Он почти спокоен. Почти — дыхание чуть-чуть учащенное, лоб слегка влажный. Он не кричит на нее, но она объята ужасом.

Он протягивает руку и хватает ее за волосы. Сандрина съеживается, чувствует, что приближается буря. Она прекрасно знает, что означает этот жест, догадывается, что за ним последует.

Она так сильно прижимает голову к груди, что кажется, шея исчезает и осталась только сгорбленная спина. Его пальцы обжигают. «Нет», — шепчет Сандрина, хоть это и одно из запретных слов. Несколько недель назад, в другом доме, он гладил ее по волосам. Нежно, как она думала.

Он смотрит на нее и сжимает кулак.

«Нет», — снова шепчет Сандрина.

«Нет», — умоляет она.

Кожа на голове уже пылает. Он тянет, тянет, тянет, и голова Сандрины невольно подчиняется этой злой силе, локти скользят по одеялу, она рефлекторно сдвигается, меняет позу, ищет положение, которое облегчит боль.

Он стаскивает ее с кровати, не быстро, но с решимостью, и, когда она падает на пол, не отпускает. Сандрина бьется, пытаясь подняться

на ноги, и уже не шепчет, а кричит. А он, продвигаясь в гостиную и волоча ее за собой, начинает говорить.

Он не рычит, нет, он говорит:

— Видишь, что ты наделала. Все это из-за тебя, тупая корова, блядь.

Сандрина кричит, кричит как можно громче: «НЕТ! НЕТ!» Дверь в квартиру нараспашку, Анн-Мари распостерта на полу, может, она уже мертва. Бедная, бедная Анн-Мари, она никогда ничего плохого не делала, и Сандрина еще яснее понимает, что сейчас будет. Она кричит, рыдает, зовет на помощь. Ее крики разносятся по коридору, слышны на лестничной клетке — кто-нибудь придет, придет на помощь. Она зовет, зовет снова и снова: кто-нибудь придет, кто-нибудь придет...

Господин Ланглуа останавливается посреди гостиной, в которой Патрис развел столько цветов, в которой ей, Сандрине, отвели место, в которой верный Пикассо дежурил у ее раскладушки и Сандрина говорила ему: «Все будет хорошо, все будет хорошо...»

Он одной рукой открывает дверь на балкон и выталкивает Сандрину наружу. Сандрина падает на плитку, шершавую и влажную от дождя. Ее голова горит, ладони горят, колени горят... На улице холодно, и дыхание вырывается изо рта отчаянными облачками. Она переводит дух и снова начинает умолять, она умоляет: «Нет! Нет, прошу, не надо!»

Она видит, как ноги господина Ланглуа перешагивают порожек и ступают на мокрый пол, сначала одна, потом вторая. Он говорит: «Это твоя вина, это ТВОЯ ВИНА». Он замахивается. Она хрипит: «НЕТ!» — но бесполезно, он бьет ее, бьет ногой, со всей силы, прямо в живот. От удара она складывается пополам, она думает о крошке, она повторяет: *нет, нет, нет*, сворачивается клубком, сжимается, как только может, вокруг крошки, чтобы защитить то, что осталось. Кто-нибудь придет, кто-нибудь придет; она скулит, она повторяет: «Пожалуйста, умоляю!»

Он снова бьет носком ботинка сначала по бедру, потом выше, по почкам. Сандрина думает, что и вздохнуть не может, но нет, она кричит. Боль ужасающая. *Кто-нибудь придет.*

— Видишь? Видишь, что я из-за тебя делаю? Видишь, что ты натворила? Ты что? Увидела эту суку и подумала, что можешь

поступить, как она? Что можешь уйти? Да кто ты такая, жирная блядь, корова, за кого ты себя принимаешь?

Он пинает ее, а она, оставаясь зажатой, кричит:

— Стой! Стой! Я, я виновата! Прости! Прости!

Он наклоняется и хватает Сандрину под мышки; косточки бюстгальтера сдирают кожу под грудью. Он ставит ее на ноги и прижимает к перилам балкона:

— Видишь, видишь, что ты наделала!

Она стонет:

— Прости! Прости! Остановись, не надо, я вернусь, если хочешь, я больше никогда не уйду, прости!

Но он не слышит, он говорит только о том, как она унизила его, о ее наглости и ничтожестве, что она пустое место, кусок дерьма. Неужели она думает, что найдет кого-то другого, она — тупица, жаба? Или уже нашла? Кто тебя трахает, блядь такую?

Он говорит:

— Все, я сыт по горло, больше никакие шлюхи мне не нужны. Но тебя, тумба, тебя я не отпускаю.

Он сдавливает шею Сандрины, и ее крики переходят в хрип. Спина и ноги вдавливаются во влажный бетон, металлическая подставка для цветочных ящиков больно впивается под лопатки. Она хочет выдавить из себя еще одно «нет», но из горла выходит только сипение. Ей жарко, кровь приливает к голове, ищет выхода, она задыхается, она стискивает запястья господина Ланглуа, пытается их расцарапать, она уже не слышит ничего, кроме отчаянного биения пульса в висках. Царапать не получается, и на последних остатках воздуха она хочет вымолвить «нет», но не издает ни звука, в глазах вспыхивает красный свет, и в этом гаснущем свете она замечает в гостиной какое-то движение. Против воли ее глаза останавливаются на маленьком силуэте в пижаме, и она снова пытается крикнуть «Нет!» — но теперь не ради себя.

Нет, нет, только не он, только не Матиас, пусть придет кто-нибудь другой.

От мужчины ее взгляд не ускользает, его пальцы чуть разжимаются, и Сандрина с каким-то животным хриплым звуком отчаянно хватается ртом воздух. Любопытство берет верх, он оборачивается и видит мальчика.

Сандрина кашляет, отдувается.

Матиас. Надо поднять голову. Нельзя закрывать глаза.

Открой глаза. Смотри. Матиас.

Господин Ланглуа заходит в гостиную и приближается к ребенку.

Тень господина Ланглуа накрывает застывшего от страха малыша.

Сандрина ползет.

Матиас.

Она уже ничего не чувствует.

Матиас. Никто не придет. Матиас...

Сандрина одолевает порог и ползет на четвереньках, сил встать на ноги у нее нет, но она все ближе, ближе — низведенное до ничтожества животное, она приближается к ребенку.

Матиас. Черненький, с бездонными глазами и нежной кожей Матиас. Сын Каролины... Видит ли в нем этот монстр что-то помимо сына первой жены, помимо ребенка, которого Каролина любит всем сердцем и отняла у него? Этот монстр пытался убить Каролину был уверен, что убил ее, но ему этого мало — он готов убить малыша. Он знает, что тем самым смертельно ранит ее, отнимет все, что у нее есть. Он убьет Матиаса, и никто не придет на помощь.

Сандрина протягивает руку, пытается хоть за что-нибудь схватиться. Матиас молчит, он онемел от страха, а господин Ланглуа говорит и говорит, изрыгает ругательства, проклиная самок, которые посмели унижить его, бросить ему вызов. Он говорит, что от него не уходят, что его не бросают, а кто вздумает уйти — того убьет, и Сандрина умоляет его, умоляет соседей за стеной, но ни одна дверь так и не открылась, нет; она умоляет, хотя знает — они погибнут, он пришел покарать, он пришел убивать.

Его рука хватает тонкую шейку ребенка, глаза Матиаса делаются огромными, в их черной глубине нет ничего, кроме страха. Темная струйка пропитывает штанишки пижамы, едкий запах аммиака достигает ноздрей Сандрины, и она, вторая жена — даже не жена, а так, неизвестно кто, жалкая жертва, несостоявшаяся мать — на последнем издыхании, обессиленная, намерена драться, хочет защитить, хочет удержать мужчину, который сейчас убьет малыша, но руки у нее вялые, а слезы льются и льются, но какой от них толк?

Никто не придет...

Кто-то идет...

Кто-то идет.

Лиза... Лиза здесь. И не одна. Через секунду господин Ланглуа уже на полу, руки согнуты под невыносимыми углами, чье-то колено давит ему на спину; ему говорят: ТОЛЬКО ДЕРНИСЬ, УБЛЮДОК, ТОЛЬКО ПОСМЕЙ, — и его грубо утыкают носом в пол.

Лиза бросает быстрый взгляд на Сандрину, она пришла с людьми в темно-синей форме, кажется, это парамедики, они ощупывают Сандрину, Матиаса, суетятся над Анн-Мари. Звучит указание, что надо доставить Анн-Мари в больницу, и Сандрина с облегчением думает: *больница для тех, кого надо лечить*. Точно так же совсем недавно Каролина сказала: «Пикассо теплый», — значит, собака не умерла.

Сандрина ползет. «Не двигайтесь, мадам, подождите!» — но она с упорством стремится к ребенку, дотягивается до него, обнимает, стискивает. Матиас тоже теплый, Матиас жив, и ее слезы льются на его черные волосы. Она говорит:

— Матиас, не смотри, не смотри, Матиас, не надо, мне так жаль, так жаль, о Матиас, бедный мой мальчик, все кончено, все позади.

Матиас крепко хватается своими ручонками за ее шею, от него пахнет мылом, мочой и горьким потом от пережитого ужаса.

Все чувства Сандрины обостряются, она чувствует нарастающую боль в почках, в зажатом животе, у нее мокрые джинсы, и она боится, что это от крови, у нее исцарапанные руки, кожа на голове горит, и она видит на полу пряди своих волос.

Матиаса отрывают от Сандрины, ее укладывают на носилки, пристегивают, укрывают. Она сипит:

— Лиза, Лиза... мой телефон, надо предупредить, я должна предупредить...

— Не волнуйтесь, Сандрина, хорошо? — говорит Лиза.

Она идет в комнату и подбирает с пола мобильник Сандрины. Полицейский радиопередатчик шипит, и Лиза произносит несколько слов в микрофон.

Потом возвращается к Сандрине и вкладывает ей в руку телефон, тот самый, который она не смогла разблокировать, и потом говорит:

— Они внизу. Патрис и Каролина. Они внизу. Все хорошо. Они проводят вас в больницу. Сандрина? Ох, Сандрина...

Сандрину трясет. Она не может это остановить, не может себя контролировать — ее тело перенасыщено адреналином. Лиза отходит,

уступив место парамедикам; они измеряют Сандрине пульс, ощупывают сведенные судорогой конечности.

Господина Ланглуа бесцеремонно ставят на ноги. Сандрина хотела бы отвести взгляд, но в это самое время ее осматривают, проверяют состояние шейных позвонков, и ее голова повернута в его сторону. Она вынуждена смотреть на него.

Она видит сторбленного, обливающегося потом, с влажными от слез щеками мужчину. У этого мужчины красные свинячьи глазки. Она видит мужчину, который пришел ее убить, но потерпел поражение. И этот мужчина плачет.

Она все видит и все понимает. Понимает, что изначально заблуждалась, понимает, как была слепа. Мужчина, который плачет, умеет плакать только от обиды и жалости к самому себе. А теперь это слезы ненависти, вызванные низкими и жалкими чувствами; с некрасиво разинутым, скривившимся ртом, он плачет от уязвленного самолюбия, он плачет от злобы и страха, плачет, потому что его забирают, а она, его жертва, ускользнула от него. Он плачет, потому что она жива и потому что она вырвалась на свободу.

На лестнице толпятся свидетели — все соседи звонили в полицию, звонили спасателям. Жильцы напуганы и чувствуют облегчение, что все наконец закончилось. Лиза несет Матиаса — он зарычал, когда полицейский-мужчина захотел взять его на руки. Лиза крепко прижимает мальчика к себе, ей нет никакого дела до того, что от детской пижамы несет мочой. Матиас, обвив Лизу рукой за шею, смотрит на Сандрину, лежащую на носилках. Огромные черные глаза устремлены в глаза Сандрины, и она пытается изобразить улыбку. Старается по мере сил.

Взъерошенный вороненок отводит взгляд, моргает и посылает ей кривую улыбку в ответ. Он тоже делает все, что в его силах.

На улице отъезжает первая машина скорой помощи с Анн-Мари; Патрис сидит в ней у изголовья носилок. Каролина стоит под дождем, сцепив руки от волнения. Завидев ее, Матиас дергается, трясет ногами, скулит от нетерпения. Лиза передает ей мальчика, и он прикикает к груди матери. Их черные волосы спутываются, и уже невозможно понять, где кончается Каролина и где начинается Матиас.

Сандрина думает о своих мокрых джинсах и надеется, сама не зная на что.

Каролина идет к носилкам, парамедики шикают, ей неловко, но ее не остановить; она прижимает к себе своего драгоценного ребенка и плечами прокладывает дорогу. Сандрина высвобождает руку из-под золотистого покрывала и тянет ей навстречу — им надо коснуться друг друга, надо соединить руки, надо доказать, что они живы, а все страшное кончено.

Каролина говорит:

— Спасибо, спасибо, Сандрина, спасибо... — Голос ее дрожит, срывается, в черных глазах выступают слезы. У Каролины короткие сильные пальцы, горячее, полное воли к жизни рукопожатие. — Спасибо, Сандрина, спасибо...

Дверцы захлопываются, машина направляется в больницу, и Сандрина увозит с собой память о благодарности Каролины. Она никогда не забудет об их рукопожатии. Крепком рукопожатии таких же стойких и неубиваемых женщин, как выносливый и живучий плющ.

От автора

Феномен домашнего насилия часто сравнивают с айсбергом: на поверхности самое очевидное, а «подводная» часть не видна. Между тем до физического насилия всегда имеет место последовательное психологическое давление, которое со временем усиливается и приобретает постоянный характер.

Во всех прочитанных мною статьях говорится о первой фазе — фазе самолюбования будущего агрессора в процессе обольщения и ухаживания. После наступает фаза, в которой насилие в разных формах чередуется с проявлениями привязанности. Жертву осыпают комплиментами, она получает подарки, партнер балует ее приятным времяпрепровождением, но вслед за этим опять следуют обидные замечания, критика. Если это задевает жертву, ее поначалу упрекают в отсутствии чувства юмора, утверждается, что замечания делаются ради ее же блага.

Психотерапевты считают, что чередование противоречивых слов и поступков производит на мозг жертвы парализующее действие. И это чередование продолжается, становится каждодневным, усугубляется. То есть насилие моральное начинается задолго до физического.

Говорить, что жертвам «нужно всего лишь уйти», по сути, является отрицанием первой фазы. Тем не менее она есть, и на этой стадии уйти непросто. Также слышны разговоры, что в нашей системе имеется все для помощи женщинам, ставшим жертвами сексистских нападок. Возможно, но это не умаляет проблему.

Нижеследующие цифры относятся к 2017 году: 219 000 взрослых француженок заявили, что в течение года они подвергались побоям и/или изнасилованиям со стороны нынешних или бывших партнеров.

Спасательными службами Франции было зарегистрировано 12 380 случаев смертельных угроз со стороны партнера, и в 90 % жертвами этих угроз были женщины.

Еще цифры: 6829 мужчин и 730 женщин были осуждены за насилие в отношении своих партнеров.

В 2017 году 130 женщин погибли от рук нынешних или бывших партнеров. В том же году 25 детей были убиты в ходе семейных

разборок.

Ежегодное национальное исследование о погибших насильственной смертью в семье сообщает о 16 мужчинах, убитых сожительницами. В 68,8 % случаев женщина, убившая мужчину, ранее подвергалась насилию с его стороны.

В 2018–2019 годах в Провансе было проведено исследование 29 дел об убийстве или покушении на убийство, совершенном партнерами или бывшими партнерами. В выводах подчеркивается, что в 80 % случаев осужденные регулярно совершали то или иное насилие в отношении своих сожителей (70 %) или бывших партнеров (10 %). Преступления происходили во всех возрастных группах: самому молодому убийце был 21 год, самому старому — 78 лет. В почти половине случаев убийства совершались во время или сразу после разрыва; 62 % преступлений было совершено по месту проживания. В более чем 20 % случаев свидетелями убийства или покушения на убийство были дети. И в двух третях случаев гибели одного из партнеров следственные или судебные органы были заблаговременно поставлены в известность о фактах насильственных действий в данной семье.

В октябре 2019 года я считывала верстку этой книги; к этому времени, то есть за десять месяцев 2019 года, партнерами или бывшими партнерами были убиты 124 женщины — больше, чем за весь 2018 год.

При всем этом некоторые склонны к тому, чтобы игнорировать физическое насилие и убийство женщин.

Не знаю, сколько еще женщин погибнет до той поры, когда вы прочтете эту книгу.

От переводчика

С тем, как решается проблема домашнего насилия в Российской Федерации, можно ознакомиться, посмотрев интервью Катерины Гордеевой^[9] с Мари Давтян от 24 мая 2022 года:

Благодарности

Спасибо всем феминисткам и их союзникам за борьбу против домашнего насилия, за то, что они пишут о нем, делятся информацией.

Огромное спасибо Виолен за ее энтузиазм и внимательное прочтение, Веронике за ее доверие.

Я от всего сердца хочу поблагодарить также Карину Л. и Мари Э. за работу, которую они проделали в последние годы.

Я не устаю благодарить моего добровольного первого читателя (бета-ридера) и клан сурикатов^[10].

Спасибо Рафаэлю за его советы.

И, конечно же, спасибо библиотекарям и продавцам, которые предлагают мои книги, и читателям, которые их читают!

Примечания

АНО «Левада-Центр» внесена Минюстом в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

[Вернуться](#)

Здесь и далее по мере возможности сохранена авторская пунктуация. — *Здесь и далее примеч. пер.*

[Вернуться](#)

Манифестация в поддержку родных и близких пропавшего человека, в знак протеста против бездействия полиции и властей.

[Вернуться](#)

Модные лотки, контейнеры и другая посуда из «здорового» пластика фирмы *Tupperware*.

[Вернуться](#)

Роман Вирджинии Вульф (1929).

[Вернуться](#)

Стихотворение Шарля Бодлера (1861).

[Вернуться](#)

Жан-Батист Люлли и *Марен Марэ* — французские композиторы XVII века.

[Вернуться](#)

Некоммерческая ассоциация, которая борется за обеспечение разведенных родителей равными правами в воспитании детей.

[Вернуться](#)

Выполняет функции иноагента.

[Вернуться](#)

Клан сурикатов [*Meerkat Manor*)]— британский документальный телесериал, который демонстрировался во Франции в 2009–2012 годах. Сериал повествует о тяжелой жизни сурикатов и их борьбе за выживание в пустыне Калахари. Вероятно, автор и ее родные так между собой называют свою семью.

[Вернуться](#)

Nota bene

С вами был Цокольный этаж, на котором есть книги. Ищущий да обрящет!

Понравилась книга?

Наградите автора лайком и донатом:

Вторая жена